НЁМАН

12 / 2017
ДЕКАБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Людмила РУБЛЕВСКАЯ. Авантюры студиозуса Вырвича.
Роман приключенческий и фантасмагорический.
Окончание. Перевод с белорусского П. Ляхновича 3
Софья ШАХ. Нет, судьба не даст в обиду. *Стихи.*
Перевод с белорусского И. Котлярова 53
Владимир ОРЛОВ. Закадровые истории. *Из записных книжек кинорежиссера* 58
Андрей СКОРИНКИН. В родном краю, как на чужбине... *Стихи* 66
Ляман БАГИРОВА. Рассказы 70
Алесь КОРЕНЕВСКИЙ. Украл я вновь тебя у солнца. *Стихи* 82

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Марьян ЧАПСКИЙ. Всемирная история лошади. *Главы из книги.*
Предисловие и перевод с польского С. Ищенко 84
Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. Переводчики, которым хочется сказать «спасибо». Вильгельм Левик 108

Документы. Записки. Воспоминания

Микола ТРУС. Народоволец, подвижник науки Адам Богданович. 119

Время. Жизнь. Литература

Владимир МОЗГО. Мой зеленый городок. Зельва и зельвенцы.
Перевод с белорусского автора 129

Культурный мир

Зоя ЛЫСЕНКО. Ретро-шарм, или Забытые страницы классики 139

Литературное обозрение

Искусство суждения
Татьяна ФИЦНЕР. Репрезентация гендерных стереотипов в современной белорусской прозе 154
С точки зрения рецензента
Наталья СОВЕТНАЯ. Колодец 159
Эмануил ИОФФЕ. Это издание могло бы стать уникальным 163

Напоследок

Жизнь в искусстве
«Я верю в то, что делаю». *Интервью с Ростиславом Кримером.*
Беседовала Ю. Андреева 170
Память
Валентина ПОЛИКАНИНА. «Все страницы жизни мы пишем набело...» 178
Содержание журнала «Нёман» за 2017 год 186

Авторы номера 192

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 325-85-25, заместителя главного редактора — 319-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 304-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРУКОВ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 13.12.2017. Формат 70 ×108 1/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 17,37. Тираж 1456. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

16 +

Людмила РУБЛЕВСКАЯ

Авантюры студиозуса Вырвича[*]

Роман приключенческий и фантасмагорический

Глава тринадцатая

Лондонские круги

Словил литвин в лесу русалку, которая запуталась волосами в его бороне, радостный, приволок домой — а красавица гнилой рыбой смердит, в волосах сороконожки бегают, визжит, аж голова болит, ни к труду, ни в постель… Помучился парень, пострадал да и сволок добычу обратно, в лес.

Чем ближе была тайна доктора Ди, тем тревожней становилось Прантишу и все чаще думалось — какого рожна им тот огненный меч дался? Не придется ли сильно разочароваться? Даже железная черепаха, вооруженная пушками, которую когда-то сделал знакомый Лёдника Якуб Пфальцман для князя Геронима Радзивилла, только слутчан попугала да стены изрешетила.

Когда они возвратились в гостиницу, доктор, немного отдохнув, взялся за гимнастические упражнения, каковые, когда свалился с морской болезнью, забросил было на судне. Потом раздвинул мебель в их комнате по стенам, одолжил у пана Бжестовского саблю и устроил при свете свечей и камина такой тренинг по фехтованию, что у Прантиша и пана Агалинского, которые должны были вдвоем нападать на доктора, рубахи стали хоть выжимай. А Лёдник, орудуя то одной саблей, то двумя сразу, все был собой недоволен. Хотя пан Агалинский, у которого сабля почему-то все вылетала и вылетала из руки, был недоволен еще больше, если не сказать — разъярен, и бился всерьез. Прантиш видел, как доктор о чем-то шепчется с хозяином гостиницы, сует ему деньги и записку, а хозяин с той запиской куда-то отсылает юного слугу.

А с кем доктор готовится схватиться — так и не объяснил.

Утром урок повторился, хоть был и короче. Доктор поворчал, что стареет, что кисти рук недостаточно гибкие и движения недостаточно быстрые, — ага, недостаточно, двух более молодых загнал, как пьяный драгун коней, — и приказал собираться. Причем сложил в докторский кожаный чемоданчик, который здесь приобрел вместо украденного, бутылочки с лекарствами, ткань для перевязки, моток шелковых ниток с угрожающе большой кривой хирургической иглой… Значит, драка будет серьезной. Недаром попытался оставить в гостинице паненку Богинскую. Но Полонейка на уговоры и запугивания только сердито проговорила: «Командовать будешь дома женой, доктор».

Лёдник намек о заложнице Саломее понял, сжал зубы и отвернулся.

---

[*] Окончание. Начало в № 10, 11 за 2017 г.

Пан Гервасий радостно заметил, что давно надо было добыть желаемое честной саблей, а не разводить марципаны… Но поехали они не в сторону аббатства тамплиеров, а ближе к реке. Лёдник отпустил кучера в самом подозрительном месте, где чернели уродливые строения портовых складов и шлялось множество самого зловещего народа. Возле узкого прохода между двумя складами, оставлявшего ощущение ловушки, где исчезали прохожие — и чисто злодейского вида, и джентльмены с кружевными манжетами, — стоял, привалившись к стене, громила в кожаном жилете, скрестив на груди руки, которыми, наверное, можно было выжимать воду из камней. Доктор с громилой пошептался, сунул монету… Тот кивнул: мол, проходите.

И они прошли.

Вначале поразил шум. Люди в большом пустом помещении толкались, кричали… У стены находилась специальная ложа, как в театре, там собиралась родовитая публика. Присутствовали даже дамы в огромных шляпах с украшениями в виде маленьких кораблей и птиц, лица некоторых прикрывали маски и вуали. Дамы отчаянно махали веерами, демонстрируя волнение своих утонченных натур. Сквозь ряды окон с запыленными стеклами проходило достаточно света, чтобы до мелочей рассмотреть все происходящее на свободной площадке посередине зала, вокруг которой толпились зрители. Сейчас на ней дрались два петуха.

— Ты куда нас привел? — крикнул Лёднику в ухо, перекрывая гам, пан Гервасий. — Мы что, на петухов сейчас будем ставить?

— Это место с самыми высокими ставками в Лондоне, — ответил доктор. — Сейчас — только начало. Потом будет бой на кулаках, а в завершение — с холодным оружием.

Между тем черный петух окончательно заклевал белого, и человеческий круг как по команде быстренько расступился в стороны, освобождая более широкую площадку. В руках зазвенели монеты, замелькали бумажные деньги, и под одобрительные выкрики на площадку, забрызганную петушиной кровью, вышли два полуобнаженных бойца с кулаками, обмотанными ремнями.

Люди взревели.

— Что они все кричат? — спросила панна Богинская. — Когда у гостиницы дрались женщины, кричали то же самое.

— Любимая фраза лондонцев: «В круг!» Это значит, будет драка, — спокойно ответил доктор.

— Бутрим, ты что, собираешься здесь драться на саблях? В этом разбойничьем вертепе? — с ужасом догадался Прантиш. — Ты же профессор! Ученый!

— Ну вот, если что, сам себя и вылечу. Кстати, держи лекарства… Имеешь шанс на медицинскую практику.

Прантиш с самыми нехорошими предчувствиями взял тяжелый чемоданчик.

Панна Богинская стояла, брезгливо скривив личико, ее совершенно не интересовало, каким образом в сто первый раз сломает рябому оболтусу нос второй оболтус, волосатый, как обезьяна.

— Вот скажите, доктор, почему вы всегда выбираете самый неблагодарный и убыточный для собственного здоровья путь? — с отвращением спросила панна. — Разве тяжелее было предложить какой-нибудь герцогине увеличить ее диаманты, вылечить от прыщей или составить парфюм, чтобы любой мужчина от запаха терял голову? Ей-богу, я бы сама за такое не пожалела тысячи талеров!

— Оставалось за один день найти доверчивую герцогиню с лабораторией, увеличить диамант, составить парфюм, вылечить прыщи, а сначала еще превратиться в мошенника, — проворчал доктор.

Толпа заревела, волосатый верзила, победивший рябого, тряс рукой с зажатой в ней стопкой бумажных денег.

— И сколько он получил? — поинтересовался Американец.

— Фунтов двадцать, — судя по выражению лица, Лёднику тоже не очень были интересны кулачные разборки.

— До тысячи далеко, — насмешливо произнес пан Гервасий.

— Платят победителю каждого боя, поэтому чем больше боев выиграешь — тем больше получишь. И с каждым боем приз растет. Последний из кулачных бойцов, который победит всех, получит не меньше трехсот фунтов. А самые большие деньги выплачиваются во время вооруженных поединков.

— Но ведь нет никакой уверенности, что наберется именно тысяча! — возмутился Прантиш.

— Значит, надо биться, пока не наберется, — сквозь зубы произнес Лёдник и уставился на площадку.

— В круг! В круг! — заорали зрители. Высокий неуклюжий дядька с лысым шишковатым черепом стучал себя в грудь кулаком и что-то выкрикивал, видимо, не находя соперника. Вдруг, снимая на ходу дорогой камзол, в круг вышел молодой плечистый джентльмен.

— Это кто? — поразился пан Агалинский.

— Судя по выкрикам, лорд Кавендиш.

— Неужели настоящий лорд? — удивился Прантиш.

— Почему нет? Аристократы тоже здесь участвуют, — рассеянно отозвался Лёдник. — Чего не сделаешь от скуки! А понаблюдать даже герцогини ездят.

— А он очень привлекательный! — выглядывая из-за чужих плеч, оценила Полонейка светловолосого, хорошо сложенного лорда. Тот оправдал ее восхищение, когда уложил лысого на десятом ударе. Побежденного быстренько оттащили за ноги с площадки.

— Сто пятьдесят фунтов тому, кто одолеет лорда Кавендиша! — прокричал распорядитель жестоких развлечений. И тут случилось неожиданное: пан Гервасий, который с появлением лорда начал проявлять к бою неподдельный интерес, с криком рванулся вперед.

— Я шляхтич, литвин Гервасий Агалинский, принимаю вызов его мости пана Кавендиша!

Лёдник, Прантиш и Богинская протолкались вслед за Американцем. А тот уже на жадных глазах толпы сбрасывал камзол, рубашку, парик и в предчувствии боя скалил зубы.

— Что вы делаете, ваша мость! Вы хоть знаете правила этой игры?

— Го, меня в нашем полку еще никто не смог одолеть! Морду ангельцу набью на раз! — пан Гервасий нахально смотрел в глаза высокому блондину-лорду, который механически подпрыгивал на месте, ожидая соперника.

— Подождите же! — с досадой сказал доктор, что-то прокричал, ему бросили две кожаные полоски, перепачканные кровью, и свежей, и засохшей. — Запоминайте… — Лёдник с помощью Прантиша начал обматывать кулаки пана Гервасия полосами, спешно объясняя правила и давая советы.

— Гоу! — это слово Прантиш выучил хорошо.

Сотни глаз снова горели грешной жаждой чужих страданий и смерти. К этому прибавлялась возможность выигрыша денег, азарт, пьянящий, как мед баторин. Даже панна Богинская кусала от нетерпения губы.

Лорда, однако, на раз завалить не удалось. Пан Гервасий выглядел не хуже, чем он: широкие плечи, отважный, быстрый, но лорд двигался более точно. Агалинский бесился, разъяренный, лупил в веселом азарте, а англичанин просчитывал свои движения с холодной жестокостью, бил молча, удары принимал без брани.

— Дурак, куда бросается! — комментировал сквозь зубы действия Американца Лёдник. — В голову пропустил — если бы мозги имел, то остался бы без них.

Прантиш тоже нервничал: ему и самому хотелось бы вот так, по-мужски… Чтобы восхищались, чтобы панна Полонея кусала от волнения губы… Эх, быть бы таким же плечистым, как пан Гервасий! Или хоть бы высоким, как Лёдник. Зато в ловкости студиозусу нет равных. Вот в этот момент боя он на месте Американца присел бы и сбоку…

Лёдник дернул ученика за рукав.

— Не вздумай и ты что-нибудь вытворить! Вижу, загорелся… Только дернись — лично по голове дам.

— Оу! — взревели вокруг. Альбанец попал-таки изо всей мощи кулаком в челюсть лорду. Лорд брякнулся на пол, как подрубленное дерево.

Сто пятьдесят фунтов, переданные от победителя Прантишу, студиозус, наученный горьким опытом, спрятал за пазухой, под рубашку. Пан Гервасий с лицом, перепачканным красной юшкой, ходил по кругу, широко улыбаясь разбитыми губами, бил себя в грудь, поросшую рыжей шерстью, и кричал:

— Агалинские не сдаются! Во славу пана Кароля Радзивилла любого побью! Живе Беларусь!

Кто-то сунул чужестранному бойцу бутылку, видимо, не с чаем, пан Агалинский жадно присосался и совсем повеселел.

— Давайте! Ну, гоу-гоу по-вашему. Кто следующий?

Лучше бы он этого не узнавал. За приз следующего боя вышел состязаться настоящий Голиаф. Не меньший, чем Ватман. Его физиономия казалось собранной из кусочков, лобные кости выступали вперед, как у обезьяны, нижняя челюсть была похожа на наковальню. Маленькие глазки Голиафа смотрели невыразительно, без злобы, без интереса.

— Ну, давай, лондонская обезьяна! — пан Гервасий с налету врезал Голиафу в челюсть-наковальню.

А тот будто не заметил. Даже головой не мотнул. Панна Богинская завизжала, когда великан вдруг выбросил вперед свою длиннющую руку и, вроде легонько, стукнул пана Гервасия в плечо, а тот и упал…

Теперь Прантишу уже не хотелось самому быть в круге. Состязание выглядело безнадежным. Агалинский бросался, лупил — Голиаф его ударов не замечал. Зато пан Гервасий раз за разом валился с ног, видимо, вспоминая свою дуэль с полоцким бычком во дворе корчмы.

— Убью! — хрипел Американец, когда его за ноги оттаскивали с площадки.

— Ничего, полторы сотни фунтов — хороший вклад, — утешал Лёдник. — А эта дубина — похоже, здешний чемпион, всегда побеждает.

— Ваша мость очень мужественно держались, — заверила Американца Богинская.

— А замуж за меня пойдешь? — весело прохрипел Агалинский, глядя на «невесту» единственным не опухшим оком. — Я за жену свою еще не так буду драться!

У Прантиша даже сердце остановилось. Но Полонейка только кокетливо засмеялась.

— Ах, пан Агалинский, разве сейчас до таких разговоров…

Пока Лёдник ощупывал Американца, ставя диагноз, пока прикладывал мази, Голиаф действительно уложил еще одного соперника, краснолицего, похожего на бочку, получил еще двести фунтов и звание главного сегодняшнего победителя. Причем краснолицему повезло намного меньше, чем пану Агалинскому: Лёдник, бросив взгляд на безвольное тело, заверил, что у бедняги сломана шея. Навряд ли выживет.

После небольшого перерыва зазвучала труба, совсем как при побудке в казармах. Люди снова оживились, зашевелились, зазвенели монетами.

— Ну все, моя очередь, — очень буднично сказал Лёдник и двинулся вперед.

Теперь дрались мастера холодного оружия.

Соперники здесь тоже раздевались до пояса — чтобы не было соблазна поддеть под рубаху панцирь, что иногда делали. А без рубахи профессора Лёдника можно было принять за разбойника-каторжанина — с его набором разнообразных шрамов и жилистым, подтянутым телом. Профессор связал темные волосы в хвост и застыл в расслабленной позе, опустив саблю.

— Мистер Айсман! — объявил руководитель.

Вырвич, несмотря на нервозность, едва не рассмеялся от такого псевдонима: он уже знал, что айс — это по-английски «лед». Конечно, профессору Виленской академии без нужды, чтобы в Европе узнали о его подвигах в качестве уличного бойца.

Первым против «мистера Айсмана» вышел тоже немолодой воин со следами многочисленных ран, вооруженный палашом. Он бился рассудительно, сноровисто… Но против Лёдника долго продержаться не мог. Несколько минут — и палаш на полу. Мало кто сумел даже проследить стремительные движения «мистера Айсмана». Побежденный почтительно поклонился, как старый воин старому воину, и даже пожелал удачи. Первые пятьдесят фунтов отправились студиозусу за пазуху.

Публика буйствовала от возбуждения. Против Балтромея выходили старые и молодые, профессиональные убийцы и аристократы. Бились на шпагах, рапирах и мечах. Лёдник работал аккуратно и быстро. Оружие соперника на полу — деньги забрать — передать на хранение Вырвичу.

Глаза у людей горели, как у вурдалаков. Им хотелось еще большего, еще более яркого, еще более страшного… Постепенно из общих выкриков сложилось одно слово, которое кричали и сидящие в ложе дамы в шляпах, и разносчики газет, извозчики и докеры внизу: «Bloode! Bloode!» Это означало «Крови!».

К Лёднику приблизился распорядитель, переговорил. Профессор недовольно кивнул головой. Распорядитель что-то прокричал, после чего толпа радостно завыла.

— Что он сказал? — встревоженно спросил Прантиш усталого полочанина.

— Что теперь бой будет продолжаться, пока один из соперников не будет в состоянии встать. Одно слово, дикари.

Лёдник утер со лба пот и вздохнул.

— Снова грех на душу брать, людей калечить…

Однако укладывал людей Лёдник аккуратно, с совершенным знанием анатомии, чтобы не покалечить совсем. Но кровь лилась, и публика была довольна. Сам профессор дополнил коллекцию шрамов парой царапин.

Стопка денег за пазухой Прантиша все росла, и студиозус нервно прижимал ее к себе левой рукой.

— Ну что, тысяча есть? — прохрипел Лёдник после очередной схватки, во время которой ловкий, как ящерица, соперник вопреки всяким правилам со злости едва не всадил доктору в бок спрятанный за поясом нож.

— Всего двух сотен не хватает.

— Тогда нужно заканчивать.

Доктор подошел к распорядителю на переговоры… И тут случилась беда. Один из побежденных соперников, которого Лёдник, жалея, только оглушил ударом плашмя, черноволосый, с приплюснутой злой физиономией, подскочил к своему обидчику со спины с оголенным палашом.

— Бутрим!

Лёдник едва успел оглянуться и встретить клинок клинком… Но на него насели еще несколько, видимо, из той же банды. Замелькали ножи… Прантиш помог доктору со своей саблей, мгновенно встав спина к спине, не напрасно тренированный… Пан Агалинский вывернул одному из подлецов руку с ножом и приложил кулаком в лоб. Вмешались еще кое-кто из публики. Возмущенно закричали из ложи, особенно требовал навести порядок лорд Кавендиш, который, кажется, немного пришел в себя после удара в челюсть. Нарушителей правил с позором вытурили… Все окончилось через пару минут. Но профессор стоял, зажимая рукой глубокий порез на левом предплечье. Сердито крикнул распорядителю, кажется, о том, что из круга не выходит, драться продолжит, тот радостно закивал.

Профессор без церемоний уселся на пол, все так же зажимая рукой рану, из-под пальцев лилась кровь, и приказал Прантишу:

— Зашивай!

К раненому тут же подбежали местные лекари со своим инструментарием, но литвинский коллега на чистейшей латыни выразительно послал их зашивать клювы тауэрским воронам.

Полонейка помогала Вырвичу достать из чемоданчика подготовленные Лёдником инструменты.

— Иглу и нить подержи в спирту! — командовал Лёдник.

— Знаю, не дилетант! — отрывисто ответил Прантиш, целиком сосредотачиваясь на «медицинской практике». Публика искренне радовалась, стремясь придвинуться как можно ближе, понаблюдать за операцией. Совсем как в костеле в Томашово. Леди и джентльмены в ложе подносили к глазам очки на длинных ручках, вытягивали шеи, чтобы лучше рассмотреть процесс. Пан Гервасий несколько раз отодвигал любопытствующих, которые были готовы клюнуть в чужую рану носом, как стервятники. Единственное, что мог профессор, — сохранять предельно презрительное выражение лица.

Вырвич с помощью Полонеи, которая ни разу не поморщилась, справился довольно быстро, даже загордился, плотно перевязал рану. Лёдник поднялся, проверяя, повращал рукой:

— Нормально!

Распорядитель сразу же объявил о продолжении зрелища, точнее, его последней и самой интересной части. Мистер Айсман, который продемонстрировал отличное владение оружием, вызывает на бой сразу двоих. Приз — пятьсот фунтов.

Лёдник стоял в обманчиво расслабленной позиции, опустив голову, в обеих руках по сабле. Зрители перешептывались, переглядывались. Похоже, мистер Айсман нагнал на всех страху. Наконец в круг вышли двое: чернявый

ирландец с обрубленным ухом и матрос королевского флота с перебитым носом и залысинами, на спине которого шрамов от ударов красовалось не меньше, чем у Лёдника. К гадалке не ходи — бойцы искусные. Зрители сразу же начали делать ставки.

Ирландец постарался занять позицию напротив раненой руки соперника. Прантиш сильно сомневался, что это ему поможет. Однако опасность оставалась — профессор усталый, раненый, вокруг полно тех, кто может пырнуть ножом в спину, поставить подножку.

Но когда распорядитель выкрикнул «Гоу!», Вырвичу снова пришло на мысль сравнение с черной змеей. Лёдник решил на прощание показать ангельцам настоящее зрелище и не спешил завершать бой, будто хотел доказать ненавистникам, что полученная рана его не сломала. Его движения напоминали стремительный сложный танец, который завораживал, как танец гадюк, сабли мелькали как молнии. Первым из боя вылетел ирландец — Лёдник методично поранил ему обе руки. Почти сразу же брякнулась на каменные плиты сабля моряка, а ее владелец, ослепленный кровью из неглубокой раны на лбу, бранясь, упал на колени.

Доктор, получив деньги, торжественно поклонился, отказался от предложений начать пылкое знакомство с поклонниками, воспользоваться интимными услугами восхищенных девиц, отхлебнуть из бутылки, прогулять часть выигранных денег в частном притончике и, одеваясь на ходу, бросил компаньонам:

— Теперь самая сложная задача — ретироваться отсюда невредимыми и при деньгах. Панна Полонея, держитесь меж нас…

Тревога Лёдника была понятной: вокруг них собралась подозрительная банда, бросая чрезвычайно заинтересованные взгляды. Прантиш взялся за саблю…

Вдруг толпа расступилась, бандиты помрачнели. К пану Гервасию в сопровождении до зубов вооруженных слуг подходил лорд Кавендиш с заметно распухшей челюстью, отчего не совсем ясно выговаривал слова.

— Возможно, уважаемые чужестранцы говорят по-французски?

— О, да! — обрадовался пан Гервасий возможности наконец спокойно поговорить с равным. — Рад видеть, что ваша милость находится в добром здравии. Позвольте представиться: шляхтич Гервасий Агалинский.

Лорд, насколько позволяла травмированная челюсть, растянул губы в улыбке, обвел глазами компанию литвинов, немного задержав взгляд на пане Бжестовском.

— Предлагаю уважаемым панам воспользоваться моей компанией и моей каретой, чтобы покинуть это благословенное место. Ибо мне кажется, что джентльмены не совсем знакомы с местными обычаями и по этой причине могут попасть в неудобное положение.

Предложение было принято с благодарностью, и если судить по разочарованным физиономиям бандюганов, оказалось весьма своевременным.

В шикарной просторной карете места хватило всем. Лорд откинулся на обшитую золотистым атласом стенку.

— Где ваша страна, сэр Агалинский, представляю смутно, хотя встречал в Лондоне князя Юзефа Понятовского. Он очень любил рискованные приключения… Как и вы, джентльмены.

Лорд разговаривал непринужденно и немного вяло, как человек, привыкший к власти. Пан Гервасий заверил собеседника, что они попали в этот притон только потому, что, приехав, были обворованы. Лорд пожал плечами.

— Вы могли бы продать свою девочку. Я с удовольствием ее куплю. Литвинок у меня еще не было.

Полонея побледнела.

— Это моя невеста! — гневно сказал пан Гервасий. Лорд вяло поднял руки.

— В таком случае прошу простить, ваша милость. Но ваш маскарад не может обмануть искушенного человека. Я слышал, среди того сброда кое-кто договаривался украсть вашу невесту. Знаете, женщины — дорогой товар. Особенно образованные, с манерами.

На лорда с его безразлично-веселым цинизмом невозможно было злиться. Он являл породу людей, которые, чтобы скоротать время до ланча, с одинаковой вероятностью и одинаковым выражением на лице могут совершить подвиг, выстрелить себе в рот или убить случайного прохожего. В пане Агалинском лорд Кавендиш признал такого же аристократа и подчеркивал это, обращаясь исключительно к нему. На Лёдника же поглядывал со сдержанным снисходительным интересом:

— А вы, мистер Айсман, наверное, были жолнером?

Лёдник высокомерно шевельнул бровью.

— Я врач, ваша мость.

Лорд сделал одолжение недоверчиво улыбнуться.

— На вас следы пуль и клинков, это может случиться везде. Но столько палок и плетей, что прошлись по вашей спине, возможно заработать только в армии, на флоте или на каторге.

Пан Агалинский кашлянул и опустил глаза. Он отлично знал, откуда у Лёдника шрамы от ударов, — постарался старший Агалинский. Профессор принял еще более надменный вид.

— Скажем так, ваша мость, я какое-то время находился в плену.

Лорд Кавендиш кивнул головой, показывая одновременно и легкое сочувствие, и свое безразличие к перипетиям Лёдниковой жизни. И снова уставился на пана Агалинского.

— Предлагаю васпану еще одно экзотическое впечатление: я знаю приятное кафе с избранной публикой, где можно покурить очень интересный табак, привезенный с островов… До утра вы будете путешествовать в своих самых смелых мечтах… Составите компанию, васпан?

По лицу лорда пробегали тени придорожных деревьев, будто темные ангелы. Пан Агалинский, которого Лёдник на всякий случай незаметно толкнул локтем, вздохнул и отказался.

— Тогда, ваша мость, продайте мне своего телохранителя-доктора. Это чрезвычайно интересное сочетание — совершенный убийца и лекарь в одном лице…

Вялый голос лорда Кавендиша звучал так, что непонятно было, то ли он шутит, то ли говорит всерьез. Ясно было одно: не приведи Господь его разозлить.

После вежливых объяснений Лёдника, что он больше не продается, лорд уставил светлые невыразительные глаза на фехтовальщика:

— Дело только в цене. Вы же сегодня продавали свою жизнь. И я продавал — за бокал риска. Ты создаешь круг — или идешь в круг. Я люблю попробовать и то, и это. Год назад мы придумали одно интересное развлечение… Слышали о могавках?

— Нет, ваша мость.

Лицо лорда стало, как у тиуна над сонными жнеями.

— Мы так называемся в честь индейцев. Краснокожие тоже не обременяют себя рассуждениями о ценности человеческой жизни. Представьте себе: идет по улице, оскверняя ее своим присутствием, какой-нибудь вонючий оборва-

нец… Или пузатый горожанин, который мечтает быстрее очутиться в постели рядом со своей толстенной женой… И вдруг оказывается в кольце вооруженных шпагами джентльменов в черных плащах и масках. Он начинает потеть от страха и нащупывает кошелек… И тут чувствует укол в поясницу. Поворачивается… И снова его колют сзади. Он снова поворачивается… И снова его колют в спину. Задача в том, чтобы придать движениям жертвы динамичность, чтобы он вертелся как можно быстрее, и это напоминало танец. Чем неповоротливее и уродливее жертва, тем более смешно получается. Особенно интересно с женщинами… Они визжат, подпрыгивают, выгибаются…

— Вы и женщин останавливаете? — возмутился Прантиш.

— А что?

Вырвича даже трясло от гнева.

— Такие занятия недостойны шляхтича, ваша мость!

— Или ты создаешь круг, или стоишь в его середине, — безразлично промолвил лорд. — Хотите в круг — ваша воля. Особенно было бы забавно понаблюдать за паном доктором. Это был бы исключительный танец!

— Да Балтромей порезал бы ваших «могавков», как лягушек на лабораторном столе!

Лорд не успел ответить, шустро влезла Полонея:

— Сэр Кавендиш, не знакомы ли вы с многоуважаемой леди Кларенс? Возможно, пан будет так любезен что-нибудь рассказать чужестранцам об этой благородной женщине?

Богинская сделала все правильно: предотвратила возможный гнев лорда, отвлекла его внимание невинным вопросом, и вопрос был важным…

Вот только был ли он невинным, или лорд окончательно повредился умом, только глаза его остекленели, ангелец несколько раз ударил кулаком в стенку кареты, и кучер остановил лошадей.

— Прошу у ваших мостей прощения, но дальше везти не могу. Очень приятно было познакомиться, — с последними словами лорд потрогал опухшую челюсть. — Оревуар.

И, ей-богу, Вырвичу показалось, что в безразличных глазах лорда Кавендиша блеснула настоящая ненависть.

И нельзя сказать, чтобы всех очень огорчила необходимость покинуть карету, — в компании лорда они чувствовали себя, как иностранцы, которых в Несвиже, в гостях у пана Кароля Радзивилла, обслуживали вместо лакеев сморгонские медведи.

Избитый пан Гервасий Агалинский, порезанный пан Балтромей Лёдник, напуганная перспективой похищения панна Полонея Богинская и подавленный тем, что не удалось совершить подвиг на глазах Прекрасной Дамы, студиозус Прантиш Вырвич возвращались в гостиницу «Дуб и Ворон», к теплу камина. Прантиш нежно прижимал рукой спрятанную под рубашкой стопку заработанных литвинской кровью денег.

Глава четырнадцатая

Ящик Пандоры

Как говорил старший Данила Вырвич, возвращаясь из корчемки с пустыми карманами, быстро пришли, быстро ушли, что медные, что золотые…

Бумажные тоже долго не продержались. Важный дворецкий занес тысячу фунтов на серебряном блюде таинственной леди Кларенс, которая так и не

появилась покупателям на глаза, тут же выбежал шустрый молодой человек в синем суконном камзоле, как оказалось, нотариус, договор на покупку кирпичного помещения в Кларкенуэлле на имя мистера Балтромея Лёдника был составлен, подписан, заверен…

И вот они стоят перед мрачным строением, кутаясь в плащи от студеного ветра, и плохие предчувствия мельтешат вокруг и жалят, как дикие пчелы.

— Поздравляю, доктор, у тебя сейчас есть собственный дворец в Ангельщине! — захохотал пан Гервасий.

Квакеры оставили пустые стены, спартанскую мебель и устойчивый запах ладана. Интерьеры были новому владельцу неинтересны, гостей, как вурдалаков и крыс, влекли подземелья.

Вырвич в дрожащем свете свечей спускался по сырым каменным ступеням и вспоминал, что так же пришлось бывать в подземельях Слуцка, Менска, Полоцка, и сколько там пережито страшного и впечатляющего… Оставалось надеяться, что в лондонских подвалах все будет проще… И конечно, что там вообще что-то будет.

И вот арка, и надпись на ней «Здесь добудешь победу огня над железом». Двери не заперты… Но за дверью — ничего интересного. Длинное помещение без окон, пол наклонен вниз… Единственное, что свидетельствовало о таинственной истории, — на крайней стене вырублены цифры, рассыпанные беспорядочно, будто слепой сеял. Профессор сразу начал ощупывать камни кладки.

— Что теперь, стену ломать? — нервно спросил пан Гервасий. — Здесь без пороха не справишься. Вон какие глыбы…

Но Лёдник только рукой махнул, мол, не мешай. Изучал камни, едва не водя по ним носом, выискивая одному ему известные знаки.

— Надеюсь, я все правильно расшифровал… — бормотал доктор. — Так… Двенадцать… Тройка и четверка. Три алхимических принципа «tria prima»: сера — душа, что значит чувства и желания, соль — земное тело, ртуть — дух, что охватывает фантазию, судит о нравственности и интеллектуальных способностях. Четыре элемента — вода, земля, огонь и воздух… Три состояния вещества — твердое, жидкое, газообразное… Цифры плодов, понятные только посвященным, — тринадцать… Двадцать пять… Совпадает!

И нажал сразу на два камня внизу… Они стронулись, углубились. Потом еще на один… Что-то заскрежетало, и каменные глыбы вдруг сдвинулись по специально уложенным в пол стальным полосам. Из темного провала потянуло холодом и смертью.

— Свидетельствую, что пан Балтромей Лёдник выполнил взятое на себя обязательство привести означенных лиц к пещере, нарисованной куклой по имени Пандора, — вдруг торжественно проговорил Прантиш Вырвич, настроенный защищать интересы учителя, ибо тот только в драках да диспутах такой грозный и искушенный, а в жизни — как ягненок, которого все стремятся затащить к резнику. Пан Гервасий Агалинский, не отводя жадного взгляда от провала, так же торжественно промолвил:

— Подтверждаю, что пан Балтромей Лёдник выполнил часть нашего договора, и я сдержу слово о судьбе своего племянника.

— Подтверждаю, что пан Балтромей Лёдник выполнил данное моему брату обещание, и поспособствую, чтобы ему вернули жену, — проговорила и панна Полонея Богинская.

— Вот чем вы доктора прибрали к рукам, — насмешливо промолвил пан Агалинский. — Похитить женщину! Очень достойно! Пан Богуш говорил, что Богинские ни перед чем не остановятся.

— Можно подумать, их милости Радзивиллы очень озабочены моральной основой своих поступков! — резко ответила Полонея. — Вы вообще доктора судьбой маленького мальчика держите! Нечего говорить, высокая моральность!

— Доктор сам хорош! — ноздри Американца начали гневно раздуваться. — Да он перед всем моим родом в долгу!

— И в шрамах, — разозлился Прантиш Вырвич. — Может, если паны не против, они сейчас все-таки разберутся со своими сокровищами сами?

— Они разберутся! — Полонея прищурила голубые глаза. — Только руками наемников! Как на сойме в Слониме, когда холуй пана Радзивилла Волович нападал на моего брата! Посмел его унижать! В то время как его хозяин заливал глаза вином! А потом мой брат был вынужден защищать Волчин, родовую усадьбу Понятовских, от радзивилловских банд! Мерзкий и банальный наезд!

— А не мерзко, что ваш брат, женатый, между прочим, мужчина, поехал в Петербург предлагаться в любовники новой императрице? — разъярился пан Агалинский. — Жил там, как шлюха, извините, на смотринах! Ножкой по паркету шаркал перед немкой-царицей, которая своего мужа на тот свет спровадила! Радзивиллы, по крайней мере, ни под кого не ложатся!

— А не ваш ли Пане Коханку российской императрице, как только та овдовела, письмо послал, протекции просил, в верности клялся? — насмешливо бросила Полонейка. — Афронт получил — вот и бесится! Вот и вся его независимость!

— Неправда! — покраснел пан Гервасий. — Не может этого быть! Не писал его мость Радзивилл такого письма…

— Еще как писал! — язвительно проговорила Богинская. — И самыми куртуазными словами! Корону выпрашивал! Могу свидетелей дать…

— Да пан Кароль — и без короны король! — отчаянно крикнул Агалинский.

— Если король, то где хоть какое-то разумное дело, которое он осуществил для страны? — Богинская готова была выцарапать «жениху» глаза. — Медведями вместо лакеев гостей пугать? Мой брат мануфактуры создает, дороги отремонтировал, театр у него лучший в Европе!

— У Радзивиллов тоже мануфактуры и театры есть! — пан Гервасий даже руку на эфес сабли положил, будто на сойме во время горячей дискуссии. — Главное — он независимость княжества защищает! Ибо сказано в Статуте — человеку учтивому ничего не может быть дороже свободы, так как она — сокровище, кое никакой суммою переплачено быть не может.

— Он защитит вольность! — возвысила голос Полонейка. — Потопит страну в пьянстве да распрях! В государстве должна быть сильная рука — и властитель должен быть человеком рассудительным и образованным, как мой пан брат!

— Панове, может быть, продолжим поиск? — предложил Прантиш, грустно думая, что на самом деле все они попали сюда из-за интриг российского шпиона и трон уже предназначен не Богинским и не Радзивиллам, а Понятовскому.

В узкий проход, открывшийся под аркой, Американец и Полонейка от злости умудрились протиснуться вместе. Американец в одной руке держал фонарь, в другой — саблю. Полонея — Прантиш мог присягнуть — под плащом сжимала симпатичный остренький кинжальчик, Вырвич не раз замечал, как она его перепрятывает.

Лёдник привалился спиной к стене сбоку от входа и утомленно прикрыл глаза. Похоже, интерес к наследию доктора Ди у него за время долгого пути окончательно выветрился.

Крики разочарования вынудили студиозуса и профессора двинуться за спутниками. Ничего не найдя в маленьком помещении, больше похожем на коридор, те изучали еще одну стену, за которой гипотетически мог скрываться проход. Это была плита, отличная от других стен. Мягкий известняк, украшенный барельефом, напоминающим дерево, вместо листьев на нем росли цифры и буквы. Лёдник тяжело вздохнул. Его миссия не закончилась.

— Та-ак, перед нами arbor raritatis, редкое дерево, — профессор водил длинными пальцами по очертаниям барельефа. — Таким образом доктор Ди определял человеческую жизнь. На каждом ярусе дерева человек проводит семь лет, а потом делает выбор, куда двигаться дальше… Видите, разветвление в форме буквы ипсилон? Семь — сумма мужской цифры три и женской четыре. Поэтому задачу на каждом этапе человек должен решить двойственную. Завершенность — это восемь ступеней… В возрасте четыре на семь, это значит, в двадцать восемь лет, главный выбор — или мы делаемся эгоцентриками и тиранами, выбирая материальный мир, или пневматиками — через элементы воздуха и воды поднимаемся к духу огня, становимся философами… И последняя ступень перед посвящением — пятьдесят шесть лет… Буква I… Прямой путь наверх.

Параллельно своим рассуждениям профессор нажимал на соответствующие части барельефа. Плита предсказуемо отъехала.

— И не тошнит его от всех этих знаний? — пробурчал пан Гервасий и полез вслед за панной Богинской, которая уже заскочила в новое помещение.

— Гроб, что ли? — напряженно спросил пан Агалинский, рассматривая длинный ящик из покрытого черным лаком дерева, занимавший почти всю маленькую комнату.

Лёдник внимательно осмотрел сводчатые стены, каменный пол, простукал, пощупал.

— Здесь больше ничего нет. Доктор был позер, если бы еще что-то спрятал — оставил бы философские загадки. Давайте это вынесем на свет.

Ящик оказался подозрительно легким. Прантиш, которого все-таки разобрал азарт, убеждал себя, что, возможно, Ди придумал небольшой огненный меч, что должен помещаться в руке.

А наверху их ждали.

Действительно, не могло все оказаться таким простым. Около двух десятков, вооруженных всем, чем могут быть вооружены наемники на службе у очень важной персоны.

А вот и та персона…

Ящик ударился об пол, Лёдник, Прантиш и Агалинский выхватили сабли, панна Богинская предусмотрительно спряталась с кинжальчиком за спину «мистера Айсмана», чемпиона уличного боя.

К ним подходила Пандора.

Такая же, как та, что сидела в лаборатории Виленской академии. Только глаза поменьше, нормальной человеческой величины, и стала постарше. Этой Пандоре, в модном платье из светло-серого шелка и лазурного бархата, усыпанном жемчугами и расшитом серебром, с белым мехом, небрежно накинутым сверху, в синей шляпе, украшенной тем же белым мехом, можно было дать лет двадцать пять. Но привычно властное лицо, властное до жестокого,

было будто не зависящим от возраста — не лицо, а маска, не человек, а «символ в парче с лилиями».

— Открывайте! — скомандовала Пандора по-немецки, и ее слуги завозились с медными полосами, перетягивающими ящик.

— Нужно понимать, имеем честь видеть леди Кларенс? — вежливо по-немецки промолвил Лёдник, склонившись в светском поклоне.

— Можете называть меня и так, — рассеянно ответила Пандора, внимательно наблюдая за процессом открывания черного ящика.

— Совсем как в античном мифе, — прошептал Прантиш профессору. Тот улыбнулся уголком рта. Прекрасная Пандора снова собиралась открыть черный ящик, в котором были спрятаны все беды человечества.

Наконец крышка отлетела, и заинтересованные лица жадно уставились внутрь… Ничего подобного на меч там не оказалось, но леди Кларенс выхватила серебряный футляр, в каком обычно хранили древние пергаменты. Слуга почтительно помог его развинтить, достал пожелтевшие рулоны. И леди углубилась в изучение бумаг. Королевские печати, висевшие на прикрепленных к пергаменту шнурах, свидетельствовали, что это не просто стихи или частные письма, а клейноды. Документы особой важности.

Пан Гервасий оттолкнул плечом слугу, который стоял у ящика, и пощупал непонятную конструкцию, оставшуюся внутри: похоже на футляр для чего-то длинного, с установленными под разными углами зеркалами… Полонейка тотчас взяла другую удивительную вещь — хрустальный череп. Сделанный невероятно точно, можно даже было представить, что это действительно останки такого вот прозрачного хрупкого человека… Или не человека? Ибо череп был как-то слишком вытянут. Лёдник же ухватил тетрадь в твердой кожаной обложке, которая лежала в том ящике, полистал, вчитался…

— Ну, старый мошенник! — вдруг вырвалось у профессора. — А я — старый дурак… — с огорчением признался тут же. — Дротики Индры, световая энергия, «есть многое на свете, друг Горацио…» Фокусы, и только!

— А вы ожидали найти здесь что-то научно стоящее? — насмешливо спросила леди, удовлетворенно сворачивая прочитанные пергаменты. Ее немецкий был совсем без акцента. — И в такую даль за этим приехали? То, что доктор Ди — мошенник, вы, известный профессор Балтромеус Лёдник, должны были знать.

Профессор почтительно поклонился.

— Ваша светлость меня знает?

Пандора, как величайшую ценность, положила клейноды в золоченый ящик, который ей с поклоном подал лакей, с помощью прислужницы уселась на принесенную обтянутую бархатом скамеечку, погладила собачку, неприятно маленькую, пушистую и плоскомордую, поднесенную ей вторым лакеем, и только тогда сделала одолжение ответить.

— За вами наблюдали, доктор. Когда вы захотели приобрести строение «Огня и железа», я сразу заподозрила, что мы с вами уже встречались. Только я была в восковом виде. Надеюсь, вы не снимали с меня платье? По растерянной физиономии этого молодого человека вижу, что снимали… Ну и как я вам — понравилась, васпан?

Леди захохотала, глядя на смущенного студиозуса, — видно по всему, она занимала такое высокое положение, что могла себе позволить вольные шутки и не обременяться соблюдением этикета в разговорах с теми, кто намного ниже.

Панна Богинская решила, что по своему статусу она из их компании больше всех соответствует леди, и шагнула вперед, держа под мышкой хрустальный череп, который, похоже, твердо намеревалась присвоить.

— Позвольте представиться, ваша милость, я княжна Полонея Богинская, сестра генерал-майора войск Великого Княжества Литовского князя Михала Казимира Богинского… Признаться, я не совсем понимаю, что происходит.

— Восхищаюсь смелостью княжны, которая решилась на такую авантюру, да еще переодетой в мужской костюм, — промолвила с легким поклоном леди Кларенс. — Поверьте, ваша мость, я не насмешничаю, я и сама способна на такие приключения, — леди снова засмеялась, хотя ее серые глаза оставались холодными, как горный хрусталь. Пандора подала знак, и для панны Богинской тоже принесли красивую скамеечку, на которую панна сразу же торжественно и уселась, демонстрируя привычку к придворному поведению.

— Как вы догадались, я, в отличие от вас, нашла что хотела, — леди показала на сундучок с клейнодами. — Без этих бумаг нашему роду было трудно вести борьбу за наследственные земли и право занимать высокое положение… Возможно, самое высокое в государстве.

Глаза Пандоры зловеще сверкнули.

— Проклятый доктор Ди! Вы знаете, как королева Бесс, Елизавета, его одаривала, доверяла ему… А он в конце ее жизни совсем развратился. Занялся черной магией. Связался с Келли, у которого за подделку монет были обрезаны уши. Да за одну аферу с несчастным польским графом Лестерским, которого они вдрызг обобрали, Ди стоило посадить в Тауэр! Король Джеймс так вообще прогнал мошенника. Но Ди, было время, находился очень близко от трона. Ему доверяли на сохранение важные документы. По крайней мере те, что касались происхождения моего прадеда. Да, прадед был королевского рода.

— Вы имеете в виду сына лорда Дадли и королевы? — уточнила панна Богинская. Леди скривилась.

— Давайте не называть имен! Все держалось в такой тайне, что она до сих пор может убить. Мой прапрадед имел влияние на королеву и всячески уговаривал ее прогнать мошенника Ди и не верить его предсказаниям. Наконец доктор попал в опалу. Его выгнали из Кембриджа… После смерти королевы доктор Ди решил отомстить. И документы, которыми мои предки могли подтвердить высокое происхождение, исчезли.

Совершенные черты Пандоры выразили легкое презрение.

— Поступок этого поганого доктора лишил наш род надежды на трон. Из завещания доктора Ди стало понятно, что клейноды, заверенные королевой Елизаветой, где-то припрятаны. Говорили, что доктор доверил ключ к своим сокровищам восковой кукле. Но прадед жил в Германии, вынужденный скрываться от врагов, боявшихся, что он вступит в борьбу за власть. Когда он смог вернуться в Англию, чтобы отыскать восковую куклу, — кстати, сделанную в виде самого доктора, — ее уже не существовало. При короле Джеймсе монахи сожгли ее как дьявольскую вещь, и по-своему были правы. А дальше — случай… — Пандора коротко вздохнула, расправила складочку на юбке, будто не было ничего более важного, нежели эта складочка, тронула шляпу — прислуга тут же поднесла пани круглое зеркало в золотой оправе, которому Пандора ласково улыбнулась, и продолжила речь, любуясь собой. — Я, знаете, мало жила в Англии. У нас замки в Германии, Швейцарии… Когда в Швейцарии пошла мода на восковых кукол, отец хотел заказать такую у известного мастера Вокансона. В виде меня — все с детства восхищались моей красо-

той. — Леди произнесла это безо всякого кокетства, просто как факт, снова улыбнулась зеркалу и наконец отвела от него взгляд. — Это было забавно… С меня снимали маски, обмеряли. Мастер и рассказал, что к нему обратились от литвинского князя… как его… Эрдивилла… Попросили построить автомат на основе древнего механизма. Как только прозвучало имя доктора Ди, мой отец сразу понял, что это шанс! Предложил Вокансону использовать для куклы с механизмом доктора Ди мой образ… Мастер работал три года, пока я, восковая, не начала рисовать свой рисунок.

— Тогда ваш отец заплатил, чтобы мастер убрал из механизма важную детальку, и рисунок больше ни для кого не появлялся. Чтобы автомат при наладке мог начертать только что-то неопределенное, — продолжил Лёдник.

— А зачем делиться тайной? — усмехнулась Пандора. — Отец готов был и сам выкупить автомат — только Вокансон страшно упрямый и дерзкий. Ах, слово чести, репутация мастера, должен выполнить заказ клиента — даже под страхом смерти. Отец удовлетворился тем, что рисунок был у нас, а автомат испорчен. Где находится сокровище, догадаться было легко: дом, прозванный «Огонь и железо», построен над подвалами, где когда-то действовала тайная лаборатория доктора Ди и происходили сборища адептов-чернокнижников. Отец сразу выкупил это здание. Поверьте, обыскали его основательно. Но никаких хранилищ открыть не удалось. Отец подумывал разобрать все по камешку… Но начались очередные политические злоключения, мы съехали. Отец умер… И я возвратилась сюда только недавно. В тайное хранилище в этом доме, признаться, я больше не верила. Если бы оно существовало, давно бы отыскали. Кто же знал, что в далекой стране найдется доктор, который починит автомат, расшифрует рисунок… И появится лично, чтобы забрать сокровище.

Леди Кларенс бросила снисходительный взгляд на Лёдника и снова обратилась к Богинской.

— Я отдала дом квакерам, так как он пользовался такой дурной славой, что могли поджечь. А так — святые люди, молятся днем и ночью. Но и они начали нести чушь о каких-то привидениях, доктора Ди, Уриэля. И я решила хижину эту продать.

— А почему вы искали здесь клейноды? — поинтересовалась панна Богинская. — Его мость пан Героним Радзивилл мечтал об огненном мече… Да и наш доктор пришел к тому же выводу.

Пандора иронично хмыкнула.

— Для нас здесь не было загадки. Огонь — символ нашего родового герба. Железо — присутствует в гербе наших политических противников в виде меча. Победа огня над железом — это подтверждение нашей королевской крови!

— Подождите, — вылез Прантиш, — но огненный меч существовал! Разрезанные латы!

— А об этом давайте спросим доктора…

Лёдник мрачно поклонился слушателям и заговорил назидательно, как на лекции.

— Судя по тому, что мне сейчас удалось прочитать в тетради доктора Ди, здесь присутствуют даже два огненных меча. Или устройства, кои усиливают и преломляют световой луч. Конструкция, что так понравилась пану Агалинскому, — макет прибора, в коем солнечный луч проходит через систему зеркал и может поджечь, ну, скажем, парус корабля. В хорошую солнечную погоду. Такое совершал в свое время Архимед. Правда, делать это устройство

нужно футов семь высотой, но железо резать все равно не сможет. Зато в тетради нарисована схема, как, используя зеркальные щиты и скрытые камеры, подменять в этом приборе на глазах пораженной публики целые предметы заранее рассеченными. Психологическое воздействие может быть большим.

— А череп? — вскрикнула разочарованная панна Богинская.

— А череп, ваша мость, прообраз этой машины. Думаю, доктору Ди привезли его из Америки, — пан Гервасий сразу бросил на череп заинтересованный взгляд. — Доктор Ди изучил его свойства и захотел использовать принцип. Положите его на ровную поверхность…

Полонейка поставила понравившийся раритет на ящик для фокусов. Лёдник заглянул в тетрадь, сверился с нарисованной там схемой и аккуратно поднес зажженный фонарь к хрустальному «лицу»: тут же глаза черепа ярко запылали отраженным огнем, будто из них вырвались два луча. Это было так впечатляюще, что Полонейка ойкнула, и даже леди Кларенс вздрогнула, а потом лениво похлопала в ладоши.

— Браво, профессор, доктор Ди имеет стоящего наследника. Можете забрать все эти вещи. Вы же купили их вместе с домом, — усмехнулась. — Мне, кстати, очень интересно было наблюдать, как вы добываете деньги. Этот ваш, доктор, друг из королевского научного общества, к которому мои люди наведались после вашего визита, рассказал о шарлатане и богохульнике профессоре Лёднике много интересного. А назавтра я сама понаблюдала за вашим выступлением в моем любимом бойцовском клубе. Мне сообщили, что вы послали заявку на участие. Я была в ложе в белой шляпе, под маской. Получила удовольствие, — леди Кларенс приласкала собачку, которую ей снова поднесли по ее знаку, и осмотрела Лёдника как-то очень недобро, оценивая, как будто собиралась приобрести новый предмет мебели и прикидывала, в какую комнату его лучше поставить. — Кстати, я попросила своего друга, лорда Кавендиша, проводить вас домой. Иначе, боюсь, мы бы сегодня не разговаривали.

Полонейка вежливо поклонилась.

— Благодарим, ваша мость. Но его мость лорд Кавендиш как-то странно себя вел: как только я спросила о вашей персоне, высадил нас из кареты.

Пандора откинула голову и засмеялась, как с горы съезжая.

— Вот как, а я думаю, почему он сегодня на записку не ответил, — равнодушно сбросила с колен собачку, которая обиженно взвизгнула. — Лорд милый, но немного надоедливый. Почему-то придумал, что он в меня влюблен. Мой муж из-за этого над ним все время подшучивает. Мне пришлось заверить сэра Джона Кавендиша, что я с четырьмя чужестранцами лично не знакома… Что дело чисто политическое… А тут оказывается, что вы мной интересуетесь. Что ж, придется наказать его светлость за такую смешную ревность.

Прантиш смотрел, как двигаются совершенно очерченные губы Пандоры, как она манерно растягивает слова, и ему казалось, что это говорит автомат. Теперь было видно сходство — не внешнее, а внутреннее — леди Кларенс и лорда Кавендиша. Эдакое безразличие к жизни и смерти — и чужим, и собственным, уверенность, что каждый каприз должен удовлетворяться… Жестокость ребенка, который надувает через соломинку лягушку, обрывает крылышки мухам и просто не в состоянии осмыслить чужую боль.

— Ну, время идти. Ах, эта политическая борьба отнимает так много сил! — леди с помощью прислуги встала, снова поправила шляпу. — Я хочу придумать особенный галстук для вигов. Элегантный и немного с вызовом.

Панна Богинская отвесила прощальный поклон с некоторым смущением — если бы была в платье, присела бы в реверансе. Пан Гервасий чувствовал себя обиженным, так как леди определила каждому свое место. На этот раз княжна Богинская где-то близко по статусу, пан Агалинский — на ступеньку ниже и не стоящий разговоров, Прантиш Вырвич — еще ниже… Паж, держащий шлейф. А Лёдник — так, шут, игрушка.

А с игрушками можно не церемониться. Леди наставила на профессора палец, обтянутый тонкой кожей перчатки.

— Поедете со мной.

Профессор даже растерялся от неожиданности.

— Зачем, ваша милость?

— Лечить меня будете, — леди насмешливо смотрела на доктора, и было в ее взгляде что-то хищное. — Как вы фехтуете, я видела. Теперь покажете свой медицинский талант.

Лёдник едва сдерживал гнев.

— Я не взял инструменты и лекарства.

— В моем дворце найдутся, — казалось, Пандора подтягивает к себе на поводке несчастного щенка, который упирается всеми четырьмя лапами, визжит, но все равно очутится в зоне хозяйской плети. — Ничего плохого с вами не случится.

— В таком случае, ваша светлость, я возьму с собою ассистента, — Лёдник показал на Прантиша, но леди холодно возразила:

— Нет. Вы справитесь один. Надеюсь.

В последнем слове прозвучала угроза. Губы Лёдника сжались, глаза загорелись, он готов был взорваться, но Полонейка кольнула его своим кинжальчиком в бок и, приподнявшись на цыпочки, прошептала на ухо, сохраняя милое выражение личика:

— Если вы, доктор, сейчас продолжите ломаться, как невинная девочка, ей-богу, сама вас зарежу, не ожидая, пока это сделают слуги леди. Ну, улыбайтесь и вперед!

В глазах Пандоры, начинающей осознавать неслыханное — непокорность ее воле, появилось что-то такое… «Убьют всех», — мелькнуло в голове у Прантиша.

Профессор улыбаться и не подумал, от гнева он смог только повернуть голову в сторону Богинской и прошипеть ругательство на латыни, что-то вроде «чем выше, тем развратней», но за леди пошел.

— С-сука… — только и сказал пан Агалинский, когда они остались одни в пустом, как совесть опытного вора, доме. — Содрала с нас тысячу фунтов для смеха! Открыли для нее сокровищницу, нашли клейноды, которые два столетия искала семья… А она посмеялась, да еще и доктора увезла!

Вырвич не находил места от тревоги. Саломея была права. Кукла действительно недобрая и опасная! Стоило ей ожить — и она схватила того, кто осмелился ее оживить. Просто страшная сказка!

— Может, пробраться за ним во дворец? Что эта сумасшедшая с Бутримом сотворит?

Пан Гервасий издевательски захохотал, а панна Богинская фыркнула над наивностью студиозуса:

— Думаю, твой бывший слуга получит интересную компенсацию за тысячу фунтов. Заявила же леди, что собирается отомстить лорду Кавендишу за напрасную ревность.

Прантиш покраснел от грязного намека. Все-таки придворная жизнь заметно развращает людей! Невероятно красивая и родовитая, персона королевской крови, замужняя, — что ей сын полоцкого кожевника? Да еще немолодой, худой, клювоносый и такой язвительный, что о язык порезаться можно.

А пан Гервасий еще и добавил:

— Не удивлюсь, если леди после каждого посещения бойцовского клуба забирает к себе чемпионов. Даже самых страхолюдных. А Лёдник твой перед родовитостью дам никогда не останавливался.

В его голосе слышались нотки зависти и злости.

В гостинице они просто сидели и молчали, как охотники, что обещали добыть зубра, а едва подстрелили по куропатке. Пан Гервасий положил ноги на ящик с зеркалами, панна Полонея использовала хрустальный череп как подставку для парика. Оба, похоже, придумывали, как лучше рассказать тем, кто их послал, о ценности добытых не слишком впечатляющих реликвий. Естественно, надежда была на Лёдника.

А тот все не возвращался. Прантиш всю стену исколол саблей, отрабатывая хитрый удар, подсмотренный у профессора во время его последнего поединка.

Появился доктор только утром. Пришел усталый, злой, как шершень, сжав зубы, сбросил камзол, парик, сапоги и упал ничком на кровать. Вырвич заметил, что на рукаве его рубахи, над повязкой, которая стягивала рану, проступила кровь.

— Что там произошло, Бутрим? — не выдержал студиозус. — Ты в порядке?

— Ты читал библейскую историю о святом Иосифе, которого напрасно соблазняла жена вельможи Потифара? — глухо, в подушку проговорил Лёдник, у него, похоже, не было сил повернуть голову.

— Д-да, что-то помню… — пробормотал Прантиш в плохих предчувствиях.

— Так вот, оказалось, я не святой Иосиф, — сказал Лёдник.

Пан Гервасий и панна Полонея хохотали долго, но приглушенно.

Злить профессора не хотелось никому.

Но это произошло вечером. Когда заспанного Лёдника растолкали, чтобы вручить переданный расфуфыренным лакеем подарок: тысяча фунтов, только не в банкнотах, а в пересчете на полновесные немецкие цехины, и чудесная турецкая сабля-килидж в ножнах, усыпанных самоцветами.

Доктор отшвырнул мешок с цехинами, будто тот тоже покушался на его добродетель, саблю даже из ножен не вынул. Только сжимал челюсти, прятал глаза и пытался не обращать внимания на язвительные рассуждения пана Гервасия о том, что леди Кларенс осталась, судя по всему, довольна лечением, но почему только отпустила лекаря к утру? Надоел? Второй врач ждал за дверью? Неужто не предлагала остаться подольше?

— Предлагала! — наконец взревел разозленный вконец Лёдник. — Все предлагала! Место персонального врача, политического сподвижника с перспективой войти в партию вигов… Мало мне политической возни Речи Посполитой! И если панове еще раз напомнят мне о леди, я, пожалуй, подумаю над ее предложением более благосклонно.

После этого шуточки вслух прекратились, пан Гервасий тоже надулся, так как пана неслабо-таки затронуло, что на него, родовитого, сильного, красивого и молодого, Пандора не позарилась, и пошел пить портер — крепкое аглицкое

пиво, которое вошло в моду в Беларуси. В Менске за бочку портера просили восемнадцать золотых, а здесь она стоила всего один. Да и пиво было вкуснее — свежее, не измученное морским плаванием. А еще говорили, что аглицкие пивовары в пиво, что продают за границу, для вкуса и чтобы не портилось, добавляют всяческой дряни, едва не мышьяку. Так что пан Агалинский, если бы мог, целое судно загрузил бы отменным пивом. Богинская укрылась в своей комнате, ибо хорошо помнила об угрозе похищения. Цехины Прантиш предусмотрительно прибрал к себе. А Лёдник, как видно, уже начинал мучить себя за очередной грех.

— Я ничего не скажу пани Саломее, — тихо промолвил Прантиш.

— Я сам ей скажу, — горделиво объявил доктор. Студиозус вытаращил глаза:

— Зачем? Сдурел, Бутрим? Разве жене стоит о таком рассказывать?

— А если не стоит, что же это за супружество? — уныло промолвил Лёдник, видно, уже воображая неприятный разговор. Вырвич даже застонал — вот несчастное создание этот лекарь, вечно сам себе жизнь портит.

— Ты вот что, перестань себя грызть. В чем твоя вина? Разве ты сам к леди в гости набивался? Ну, держался бы за свою честь, как собака за хозяйский веник… И нас бы там, в винокурне, всех положили. И лежали бы наши косточки в подземельях, вот пани Саломее радость была бы! Нам еще вернуться надо — и выжить.

— Грех есть грех, — проворчал Лёдник, но, видимо, то, что Прантиш не презирает, его немного успокоило.

А Вырвич еще раз улыбнулся странностям бывшего слуги. Стать амаратом лица королевской крови — это во всем свете считалось не позором, а высочайшей честью, даже государственной службой. За это боролись, гордились, и уж конечно, не стыдились принимать подарки. Станислав Понятовский повсюду демонстрировал золотые табакерки с вензелями российской императрицы. Рассказывали, что когда еще жив был муж Екатерины, который жену свою законную очень не любил и рад был уклониться от супружеского долга, то они, случалось, ужинали вчетвером — Петр со своей любовницей, Екатерина — с телком-Понятовским, а потом расходились эдакими счастливыми парочками по комнатам. А бывший мещанин переживает! Святой Иосиф нашелся. Эх, да если бы его, Прантиша, Пандора в гости позвала! Всю жизнь можно такое приключение вспоминать и собой гордиться. Вот посмотреть бы и на пана Агалинского, который от зависти воздух кусает. Панна Богинская, чей женатый брат с помощью датского посла Зигфрида фон Остена в любовники к царице набивается, тоже на доктора теперь с большим уважением смотрит, будто бы тот в шляхетстве укрепился. А Лёднику, видите, стыдно! Одно слово — кому счастье само в руки идет, тот его не ценит…

Глава пятнадцатая

Без золотого руна

Что не лечат травы, вылечивает железо, что не лечит железо, исцеляет огонь, что не исцеляет огонь, то следует признать неизлечимым.

Гиппократ был прав.

Ни травы, ни железо, ни огонь не помогли бы профессору Виленской академии победить неизлечимую меланхолию. Вышел утром из комнаты гостиницы

«Дуб и Ворон» мрачнее зимнего лондонского неба. И — о чудо, — на пару с Прантишем заказал кофе. Что же, нужно было взбодриться — завтра решили отъезжать. А сегодняшний день панна Богинская и пан Агалинский потребовали посвятить одна — магазинам, второй — кабакам, а Прантиш, которого панна мило попросила охранять ее во время похода за покупками, был в предчувствии галантной прогулки — кому что, а мельнику ветер. Панна хоть и декларировала свою нелюбовь к корсетам, каблукам и фижмам, все-таки заскучала по своему светскому образу и успела уже накупить кое-чего, а сейчас, когда компания разжилась дукатами Пандоры, как было не приобрести что-нибудь из модных тряпок.

Рыжий отельщик жестом позвал Лёдника к себе, пошептался… Вырвич не очень встревожился — после того как Лёдник за три дня вылечил судороги у жены ангельца, тот относился к ученому постояльцу с искренней симпатией. Не исключено, что и во время турнира в бойцовском клубе ловкий отельщик через того же слугу, которого Лёдник посылал в клуб, чтобы записаться на участие, сделал пару ставочек на своего жильца.

Ангелец пошептался с доктором и исчез. Лёдник возвратился с физиономией будто бы спокойной. Но Прантиш научился угадывать, что на дне этого профессорского спокойствия скрывается… И увидел, что на этот раз случилось нечто нешуточное.

Доктор влетел в номер, как черный вихрь, студиозус едва за ним успел. Пан Агалинский даже зевать прекратил.

— Зовите панну Богинскую! Срочно отъезжаем!

— А что такое, доктор? — заспанно поинтересовался Американец, трогая свежий «фонарь» под глазом, который остался на память от лорда Кавендиша. Лёдник провел рукой по лицу.

— Леди Кларенс убили. Хозяин предупредил, нас ищут. Главным образом, конечно, меня.

Беда за бедою ходит с колядою. Прантиш ошеломленно пытался понять, не шутит ли учитель. А тот нервно бросал вещи в дорожный сундук, а потом — вот неожиданность! — осторожно взял в руки подарок Пандоры, турецкую саблю, к которой до сих пор так и не прикоснулся, достал из ножен, тоскливо посмотрел, вложил в ножны — и решительно прицепил к поясу.

Вот тут Прантиш и поверил, что леди Кларенс действительно нет!

— Держу пари на свой любимый парижский роброн серебряной парчи, что из дворца леди Кларенс исчезли и заветные клейноды! — лениво протянула панна Богинская, передоверившая упаковывать свой багаж отельной прислуге. — Ее мость леди слишком легкомысленно относилась к политическим интригам. Если ввязываешься в борьбу за трон — нужно, чтобы из каждого кубка три раза до тебя отпивали слуги, — наставительно говорила панна. — Те, кто хотел вывести леди из игры, все сделали мудро. Клейноды никто, кроме нее, не читал, они исчезли, владелица умерла, а вместо того чтобы сразу начать интригу, коротала время в компании одного чужестранного врача, на которого очень удобно повесить убийство. — Богинская шаловливо посмотрела на смятенного Лёдника, складывающего бутылочки с лекарствами в чемоданчик. — Ну, надеюсь, по крайней мере, перед смертью леди провела время в усладах. Не так ли, пан Лёдник? Вам же лучше знать!

От такого цинизма даже Прантишу сделалось неприятно. Доктор раздраженно выпрямился и пронзил взглядом нахальную паненку:

— Я не обсуждаю ни свою, ни чужую частную жизнь. И вам не советую.

— Да не влюбился ли ваша мость в ту холодную, как кусок льда, и чувственную не более полена англичанку? — Полонейка преувеличенно наивно хлопнула ресницами. Доктор прищурил глаза.

— Боюсь, что я, по происхождению простой мещанин, не могу додуматься до вашего понимания слова «люблю». Как-то оно в ваших магнатских кругах странно трактуется. Но заверяю вашу мость, что у меня нет никаких оснований для сравнения ее мости леди Кларенс со льдом и поленом.

Богинская немного покраснела и многозначительно покивала головой, а пан Агалинский добавил своего яда, со злобой бросив:

— Что-то все твои любовницы, доктор, недолго живут.

Лёдник промолчал, стиснув зубы, однако так швырнул последний пузырек в чемодан, что тот разбился, и комнату заполнил резкий запах болота.

Прощай, Вавилондон, придется ли еще встретиться…

Они гнали лошадей сквозь холодный ветер и мрак, несмотря на усталость и разочарование, и Вырвичу казалось, что с того времени, когда в кабинет профессора Виленской академии пана Лёдника ввалились пьяные шляхтичи с завещанием великого гетмана, прошли не месяцы, а годы… Как будто они добывали Святой Грааль в заколдованной стране феи Морганы.

Огонь в камине Дуврского отеля возводил и сразу же рушил готические храмы, за окнами свистел ветер, в кубках остывал грог, который не поленилась собственноручно приготовить одна благородная княжна, и казалось, что кроме этого сумрачного, но уютного помещения, где любя, ненавидя и терпя друг друга, молчала четверка, нет ничего.

Панна Полонея все время незаметно расправляла кружева на своем платье — будто хотела убедиться, что наконец приняла обычный облик дамы. В ее парике парили голубые птички. Прантиш не сводил глаз — за время их странствия панна немного похудела, но носик был вздернут так же задорно, нижняя губка мило выдавалась вперед. Полжизни отдал бы за то, чтобы поцеловать эти уста — без угрозы, что тебя пырнут кинжальчиком, напоят ядовитым вином или посмеются над доверчивым студиозусом. Вот пан Гервасий Агалинский, «жених» самозваный, не переживает — подкручивает усы да напевает себе под нос об увядшей розе и разбитом сердце рыцаря… Лёдник молчит, уткнувшись в какую-то чрезвычайно редкую и скучную книгу, приобретенную в Лондоне, но иногда забывает перелистывать страницы — смотрит отсутствующим взглядом, думает о чем-то своем, тоскливом… Ничего, вот-вот придет из Гданьска судно, там доктору с его морской болезнью будет не до философских рассуждений.

Только бы буря улеглась…

— Что вы будете делать после возвращения, пан Вырвич? — лениво спросила Полонейка, любуясь отшлифованными коготками. — Может, на военную службу пойдете?

— Сначала получу диплом доктора вольных наук, — упрямо ответил Прантиш. — А там видно будет.

— Что ж, у моего будущего мужа, князя Паца, найдется место для еще одного поэта, — несносно спесивым тоном промолвила панна Богинская. — А если вы пойдете дальше по медицинской части, могу предложить вам место нашего придворного лекаря.

Вырвич почувствовал, как кровь прилила к лицу…

— Не думаю, что пойду на службу к вашему мужу.

Пан Агалинский прекратил напевать и оскалился, почуяв начало ссоры.

— А я бы к вам, пан Вырвич, лечиться не пошел. Доктор должен быть, вон как этот ваш бывший слуга, серьезный, мрачный, страшный. Хорошие лекарства — горькие и мерзкие на вкус.

Панна Богинская манерно захохотала.

— Да, пан Прантиш слишком куртуазный для науки.

— А вы уверены, наияснейшая панна, что его мость князь Пац на вас женится? — холодно спросил Вырвич, у которого от гнева даже уши заложило. — Особенно после вашего авантюрного путешествия. Из коего вы привезете вместо чудо-оружия хрустальный череп. И будут паны-магнаты один в другого пускать солнечные зайчики…

Полонея злобно прикусила губу.

— У моего пана брата и обычного оружия хватит, чтобы заткнуть рты нахалам!

Прантиш не собирался отступать — откуда-то взялась смелость высказать все, что горьким осадком лежало на дне души:

— Коварно лишили свободы пани Саломею Лёдник и думаете, что вам все даже на том свете будет прощено? Вы, панна, очень напоминаете мне еще одну очаровательную панну — Ядвигу Струтинскую.

— Не ту ли, из-за которой на браславском соймике порезались-подрались? — заинтересовался Американец. Прантиш криво усмехнулся.

— Ее… Староста Опсовский Ян Техановецкий добился руки очаровательной панны Ядвиги, а ее отец не дал за ней обещанных ста тысяч золотых. Пан Техановецкий потребовал развода из-за неприличного поведения жены. А когда во время соймика шел на площадь с братом, тесть увидел его и приказал стрелять из окон… Пана Техановецкого ранили, а брата его так и вовсе убили. И какая же резня началась! Дом Струтинского взяли приступом. Живых и мертвых загрузили на возы да повезли в Вильню… Мертвых — предъявлять, живых — судить. Но за Струтинского были Чарторыйские, поэтому Техановецкие дело проиграли. А в той резне моего дядьку убили, который деньги на мое образование давал, да и потом обещал поддерживать. И какая, скажите, разница, был он на стороне Техановецких или Струтинских? А пани и сейчас на балах красуется…

Прантиш отхлебнул душистого напитка и поставил кружку из синего стекла на стол с ножками в виде грифонов. Голова приятно кружилась.

— Погибнуть в бою за своего сюзерена — это долг шляхтича! — назидательно сказал пан Агалинский. — И нечего укорять прекрасных дам за то, что они пользуются чем Господь их наделил для нашей радости и погибели. Пил и буду пить из туфелек прекрасных дам, наших галантных убийц! Вот однажды в Несвиже на Масленицу мы выпили из сапога пана Кароля за его фортуну — и пусть его мость пан Кароль всю шкуру с меня заслуженно спустит за непочтительность, но из туфельки… из маленькой, расшитой золотом туфельки пить намного приятней!

Пан Агалинский тоже отпил грога и усмехнулся своим бахусовым воспоминаниям.

— Когда-то я читал труды Андрея Белоблоцкого, ученого шляхтича и поэта, которого позвал в Москву Симеон Полоцкий — образовывать тамошний люд, не знакомый ни со стихосложением, ни с современным любомудрием, — вмешался ментор-Лёдник. — Естественно, меня тогда в первую очередь интересовал трактат «Великая и удивительнейшая наука Богом просвещенного учителя Раймонда Луллия». Луллий — вот кто легко варил золото,

как хозяйка тыквенную кашу… Но прочитал я и «Пентатеугум, или пять книг кратких о четырех вещах последних, о суете и жизни человека». Там слышится наш белорусский язык, а в основе — произведения немецких поэтов.

Горе гладким лицам женским, душам, сердцам, надеждам,
Что гордятся, как хвост павлина, соблазнением мужей.

Голубые глаза панны Богинской блестели, как два сапфира, очищенные алхимиком до небесной прозрачной синевы.

— Укоряете дам за то, что из-за них проливается кровь? Горюете о заключенной пани Саломее? А рассказывали вам о судьбе несчастной графини Бельведерской? Она наскучила своему мужу, того подбила любовница — и граф обвинил несчастную женщину в измене, и она уже лет семь сидит под замком. Ей не позволяют видеть детей, окружили самыми грубыми слугами. Все знают, что графиня ни в чем не виновата, все видят, как ее муж живет с другими, но никто помочь и не может, и не пробует. А несчастная Гальшка Острожская! — на щеках Полонейки горели пятна. — Она осталась богатой наследницей, за нее ссорились женихи… Обвенчалась по любви с Дмитрием Сангушкой — их догнали, Сангушку на ее глазах убили… А потом несчастную девушку просто похищали друг у друга, пока назначенный королем жених, старый и корыстный, не взял приступом монастырь, где она скрывалась с матерью, насильно на ней женился… А когда бедняга не захотела проявить к нежеланному мужу любви — просто запер ее на восемнадцать лет в покоях своего замка и даже слугам разговаривать с ней запретил. И дядька панны, великий гетман Константин Острожский не помог. А что его мость князь Героним Радзивилл со своими женами творил! Терезу Сапегу отец еле вызволил, Магдалена Чапская сама к матери сбежала, Анжелику Менчинскую брат, рискуя жизнью, выкрал… У бесправных созданий свои средства противления, панове. Я в совершенстве умею притворяться, льстить, интриговать, — Богинская невесело усмехнулась. — Я буду очень хорошей женой. Думаете, я не знаю, что меня ждет на родине? Я такой же «приз», как несчастная Гальшка. Того, кто ухватит меня «не по рангу», ждет самая жалкая доля.

Прантиш и Американец помрачнели, как осенний день.

— А мой жених… — панна Богинская тоскливо смотрела, как восстают и рушатся в камине огненные башни. — Могу надеяться только, что он не будет слишком жестоким. И не очень хитрым. И возвращаться сейчас… После всего пережитого… — Богинская даже простонала сквозь зубы. — А путешествие — кто знает, что я была в этом путешествии? По оглашенной версии — я в Гутовском монастыре бернардинок, кстати, там же, где пани Саломея Лёдник. Там и правда сидит сейчас панна Полонея Богинская, грехи отмаливает… Только темноглазая и тихая, как молоко в кружке.

Доктор при упоминании о жене закрыл, как от боли, глаза.

— Неужто ваша мость послала вместо себя в монастырь ту вашу камеристку, как ее, Ганульку? — притворно безразлично промолвил Прантиш, у которого даже сердце зашлось от безнадежности, гнева и тоски.

— Именно! — жестоко усмехнулась Полонейка. — Она же так влюбилась в вашу мость, пан Вырвич. Бредила вами. Едва до нервной горячки себя не довела. Отказалась, между прочим, от выгодного замужества — одному юристу она было понравилась. А я бы дала стоящее ее положению приданое. Но для вас, пан Вырвич, моя бедная Ганулька — слишком мелкая пташка, не так ли?

Прантиш отвел взгляд. Он и вправду не обращал особенного внимания на прислугу княжны Богинской — хоть и шляхтянка, и милая, и тихая. Но — кто

же нагибается, чтобы сорвать маргаритку у куста роз, когда вот она перед глазами — прекрасная, яркая роза, пусть и колючая…

— Вот вас, пан Лёдник, ученый муж, отважный воин, могучий маг, что больше всего возмущает: что леди Кларенс такая нераскаявшаяся грешница была или что выбирала, решала, вынуждала — она, женщина, смелая, красивая и независимая? Взяла вас, как игрушку, попользовалась — и отправила с соответствующей платой, — Полонейка вызывающе ждала ответа.

Лёдник помолчал, глядя на огонь, тени скакали по его худому лицу. За стенами билось ледяное сердце бури, иней покрыл стекла, а это значит, кто-то из несчастных бездомных в эту ночь замерзнет и отправится в свой большой вечный дом. Врать, прикидываться, казаться лучшим, чем на самом деле, — зачем, если буря сметет все, а Бог видит всех?

— Не буду притворяться святым, — с трудом проговорил Лёдник. — И открещиваться не стану… Мне было с ней хорошо… С одной из самых красивых, страстных, необычных, опасных женщин, которые случались на моем пути. Наверное, я бы мог что-то придумать, чтобы не согрешить, не изменить своей любимой, оставшейся дома, в плену… Но не стал. И… мне было хорошо. Фан-тас-ти-чес-ки… А осознание, что адские страдания, раскаяние — все будет, но — потом, еще прибавляло остроты ощущениям… Вы что думаете, я целовал ее и думал о Саломее? — бывший алхимик сухо рассмеялся. — Я же… нормальный мужчина, со всем набором животных инстинктов. И вот когда я узнал, что леди мертва… Знаете, я почувствовал облегчение. Будто грех мой стал мизерней, искупился… — Лёдник на минуту закрыл лицо ладонями со следами «томашовских объятий». — Человек легко договаривается сам с собою, чтобы иметь силы жить дальше. И я буду жить… Сколько получится.

— Твоя правда, Бутрим, — тихо сказал Прантиш, чувствовавший удивительную легкость во всем теле и неудержимое желание высказать, что на душе. — Вот ты покровительствуешь мне, как сыну. Но ведь если бы не каприз пана Богинского, выплатившего твой долг, ты мог и дальше оставаться моим бесправным слугой. Ты думаешь, я так легко отпустил бы тебя на волю? — Вырвич тоже горько рассмеялся. — Мне очень нравилось, что у меня, неимущего шляхтича, у которого даже коня не было, появился собственный доктор, раб, с коим я могу сделать все что хочу, — хоть он более образован и сильнее меня. И я убеждал себя, что я же о тебе забочусь, я — хороший хозяин… Возможно, однажды я ударил бы тебя. И ты бы стерпел. А потом… Я не знаю, как сложилась бы твоя и моя судьба, Бутрим…

Ветер скулил за окном, как потенциальный висельник, но настолько неудачливый, что даже не может найти удобное место, чтобы повеситься. Щеки горели, будто от лихорадки… А сознание меркло…

— Вот жуки эти ангельцы, — проворчал пан Агалинский. — Они разбавляют чай молоком, молоко — водой, ром — чаем, а страсть — длинными разговорами… Нет ничего хуже разговоров, в которых тонут настоящие цели и мужество поступков…

Вырвич заметил, что лицо пана Гервасия болезненно горит, а в глазах нездоровый стеклянный блеск.

— Договориться с собой легко… В несвижском кадетском корпусе был обычай — если во время конной муштры кто-то из нас по неловкости своей сваливался с коня, должен был отдать машталеру все, что на нем есть. Одежду, обувь, то, что в карманах… Только фамильное оружие можно было оставить. У нас, альбанцев, не принято было хитрить, и все делали, как договорено.

И вот однажды с коня упал я. Не потому, что плохой всадник, — а потому, что ночью загуляли, да так, что голова была как бочка с квашеной капустой. И вот потащился я на конюшню… Раздеваюсь… Ничего не жаль — а вот пояса жаль. Потому, что пояс этот счастливый — не тканый, а кожаный, широкий, с серебряной бляхой… Я с ним всегда и в карты выиграю, и девицу уговорю… И так мне стало жаль этого пояса — будто бы удачу свою отдать, — что я его припрятал. Сунул за балку, когда никто не видел… А вечером за ним вернулся. Что мне был тот ремень? Я мог купить воз таких ремней! Но соблазнился… Испугался, что удача отвернется… И правда, отвернулась. Меня подстерегли товарищи, когда за балками шарил. Стыда набрался… Ну как было объяснить, что не ради серебряной бляхи правила нарушил? Тогда каждый из кадетов-альбанцев в наказание должен был стегануть меня тем ремнем по спине. Назавтра встать не мог… Но усвоил: шляхтич не должен дорожить ничем, кроме чести! Как только привязался к какой-нибудь вещи, нужно от нее избавляться!

— Мой пан-отец Данила Вырвич, покойный, царство ему небесное, чтобы доказать, что не дорожит никакой вещью, лишил наш род достояния, а мою пани-мать свел в могилу, — хмуро сказал Прантиш. — Побился об заклад с соседом, кто больше своего имущества истребит да раздаст. Ну и выиграл.

— Уважаю вашего пана-отца! — поднял кубок Американец.

— И вот скажите, паны-братья, — продолжал Прантиш, — почему, в таком случае, если презрение к богатству и достоянию считается шляхетским достоинством, вы посмеиваетесь над благородными людьми, что этого имущества имеют меньше вас? Сколько я натерпелся за жизнь — «А почему пан Вырвич не принимает участия в придворной карусели? А где его арабский конь? А где его слуги? А этот диамант — единственное, что у пана есть?» А я, между прочим, веду свой род от князя Палемона!

Панна Богинская опустила глаза.

Пан Агалинский стукнул о дубовый стол пустой кружкой.

— Когда пан Кароль станет королем, он всю родовитую шляхту щедро наделит! Мы паны-братья в шляхетском равенстве — кроме всяческих, с патентами… Шляхтич — это воин! Человек с прямой душою и отважный. Пан Кароль, когда приезжает в гости к шляхте, сходит с коня — пусть бы и в грязь, и с каждым из делегации, которая его встречает, обнимается, даже если их больше сотни. Не то что Телок, брезгующий общий кубок за столом принять. Не люблю людей, которые хитрят и что-то утаивают…

— Что-то мы этим вечером ничего не утаиваем, — задумчиво проговорил Прантиш, чувствовавший подозрительную легкость, даже стены покачивались. Лёдник покрутил в руках кружку с выпитым наполовину напитком, поднес его к носу, с наслаждением втянул душистый запах.

— Я сегодня перебирал чемодан и заметил, что в некоторых бутылочках убавилось веществ. А запах того, что налито в эти кружки, свидетельствует, что прибавлена еще щепотка порошка одного интересного грибочка, который, особенно в сочетании с определенными веществами, влияет на психику… Раскрепощает, ослабляет контроль над речью… Помнишь, Прантиш, как тебя однажды угощали в Вильне? Это подобное, только послабее.

Вырвич резко поставил кружку на стол и поднялся на ноги, что были будто ватные, гневно уставился на Полонейку.

— Снова ваша мость отравы намешала? А ты… — обратился к Бутриму, — ты знал? Предупредить не мог?

— По моим наблюдениям, концентрация вещества небольшая, ингредиенты подобраны мастерски… У италийского знатока учились, ваша мость? — вежливо спросил Лёдник у Полонейки. Та непринужденно кивнула. — Порошок в медальоне носите?

— В большем объеме это мгновенный безболезненный яд, сами знаете, профессор, — пожала плечами Полонейка. — Вещь необходимая для девушки в путешествии.

— Я люблю яд, — проговорил Агалинский. — И водку, и табак, и опасных женщин. На брачном ложе буду держать под подушкой кинжал.

— Вы можете убить женщину? — заинтересованно спросила Богинская. Она, видимо, все-таки удивилась, что ее коварный поступок так, как Вырвича, не возмутил Американца. А тот широко улыбнулся и вдруг подскочил и одним рывком поднял над собой на вытянутых руках кресло с панной Богинской. Та едва головой о балку не стукнулась, хорошо, что потолок высокий.

— Я могу любить женщину! Так, что ей не захочется подсыпать мне порошок или наставлять рога!

Панна Богинская визжала, вцепившись в подлокотники, но Американец торжественно пронес ее по всей комнате и только тогда осторожно опустил вместе с креслом.

— И если пан Кароль будет милостив и подарит мне жизнь, хоть я добыл за морем только бесполезный ящик с зеркалами, я попробую выйти еще раз в круг против Голиафа — побороться за вас, очаровательная панна. Против князя Паца, князя Богинского, против всей Речи Посполитой и всего мира! — Взглянул на побледневшего Прантиша: — Ну, и против вашего давнего приятеля, студиозуса.

Полонейка серьезно сказала:

— Вы с паном Вырвичем видели меня в мужской одежде, грязной, на соломе, без помады и пудры, вы видели, как я могу управляться с кинжалом и ядом, ругаться и лгать…

— Золотко мое, это делает вашу мость в моих глазах еще более ценной, — галантно поклонился Американец. — Мне не нужна восковая кукла, даже если она умеет рисовать место клада. — Зевнул. — Но от твоей отравы, моя панна, так клонит в сон, что я, пожалуй, пойду в постель… Пока что холостяцкую, — подмигнул и ушел. А Прантиш понял, что иногда убить человека очень легко — во всяком случае, он прикончил бы пана Гервасия с таким наслаждением… Даже в спину бы не постыдился загнать кинжал.

— Ну что, панна получила удовольствие от своего поступка? — тихо спросил Лёдник. Полонейка не ответила, задумчиво глядя на огонь и вертя в пальцах серебряный медальон с остатками порошка.

Таким этот вечер в Ангельщине — с беленой, бредом и грустью — остался в памяти литвинов…

А Рождество встретили на корабле. И католическое, и православное. Корабль был мощнее «Святой Бригитты» — двухпалубный фрегат «Золотой альбатрос». Всех разместили по отдельным каютам, а панну Богинскую — даже с прислугой женского пола, с мягкой кроватью и зеркалом в золоченой раме. Из чего следовало, что капитан был предупрежден, что на борт поднимется родовитая дама. Родовитая и богатая настолько, что на нее не распространяются приметы и суеверия. В отличие от торговой «Святой Бригитты», благородные пассажиры здесь присутствовали часто.

Зимнее море было предсказуемо неспокойным, и Лёдник сидел в каюте, по горло обеспеченный изобретенными во время прошлого плавания лекарства-

ми. Но старался не напиваться — принимал ромовую настойку в количестве, чтобы только не тошнило. И Прантиш, избавленный от профессорского надзора, бросился в куртуазный омут. Панна Полонея, видимо, решила компенсировать время, проведенное в мужском платье, и теперь в своей каюте наладила миниатюрный светский салон, по очереди дразня обоих своих рыцарей, а во время обедов в кают-компании распространяла чары и на флотских офицеров. Кажется, и профессора Виленской академии была бы не против присоединить к своей свите, — но посмотрела, как, прижимая к себе полупустую бутылку, он качается в подвесной койке, несчастный, мрачный, обросший черной щетиной, с досадой вздохнула и ушла. Пока под ногами не окажется суши — от великого мага и фехтовальщика мало толку.

Прантиш царапал стихи, Американец изучал хрустальный череп, ящик с зеркалами и вздыхал, будто прикидывал — не поменяться ли добычей с панной Богинской. А панна Богинская принуждала низенькую черноволосую испанку-камеристку делать изощренные прически и веселилась, как в последний раз.

Беда случилась, когда выдался редкий погожий день и среди туч появилась огромная белая птица с черными крыльями. Вырвич и Американец стояли на верхней палубе, у офицерских кают, и наблюдали за полетом существа, которое даже не взмахивало длинными крыльями, его нес ветер, как вода — рыбу, и в этом чувствовалась такая воля, такая сила, что невольно хотелось попробовать полететь так же.

— Говорят, старый король сейчас развлекается тем, что стреляет из пистолета и пулями перебивает нитки и гасит свечи. Надо же — еле живой, жирный как воз, а рука твердая, — невинным голоском промолвила Полонейка, которая, закутанная по последней лондонской моде в белую шубку, выглянула из своей каюты.

Не нужно быть астрологом, чтобы предсказать ближайшее будущее: Вырвич и Агалинский, чтобы доказать собственную меткость и твердость руки, забыв об эстетических впечатлениях, начали пулять в несчастную птицу. И подстрелили — как раз, когда белая красавица парила над кораблем… А толку — если неизвестно, чья пуля попала.

Птица била по палубе здоровым крылом — второе было окрашено кровью, страшно и хрипло кричала. Нос у нее был загнут, как у Балтромея Лёдника.

Не успел пан Агалинский торжественно добить трофей, как налетели матросы — с саблями, абордажными крючьями, пистолетами, и не дав панам охолонуть, запеленали их в невод, как две сельди. На крики выскочил штурман и, увидев раненую птицу, тоже разозлился, будто его мать обворовали, и пояснил глупым гостям: птица — альбатрос, встретить ее в этих широтах случается очень редко и считается счастьем, так как на севере попадается только один ее вид, с черными крыльями и бровями, который устраивает гнезда в Шотландии. А убить альбатроса — очень дурная примета и накличет несчастье на всех. Альбатрос показывает моряку дорогу домой, почти на всех кораблях рядом с ладанками и распятиями хранятся фигурки этих волшебных птиц. А поскольку фрегат называется «Золотой альбатрос», то преступление пассажиров выглядит совсем непростительным. Корабль затонет!

Полонейка давно спряталась, а двое рыцарей начали осознавать, что из-за своего лихого и бездумного подвига попали как кур во щи. Вырвич очень надеялся, что сейчас придут офицеры, образованные люди, появится капитан, разгонит матросню… Подумаешь, птица! Но когда капитан появился, положение улучшилось ненамного. Пан с грозными черными усами пояснил

сквозь зубы, что единственное, чем он может спасти жизни своим пассажирам, — это посадить их под охрану в специальный тюремный отсек в трюме. Иначе во время первого же шторма — а они в такую пору будут неизбежно — убийц альбатроса, скорее всего, или совсем случайно смоет за борт, или на них упадет что-то тяжелое. И виноватых в этом не найдут. К счастью, птица еще живая, ее отнесут к корабельному врачу, и пусть паны молятся, чтобы их жертва выжила.

Прантиш и пан Гервасий сидели в темном и узком, как карман, чулане, где страшно воняло прогорклым жиром, и не могли осознать эдакий пинок Фортуны. Свет процеживался только сквозь зарешеченное окошко в двери, от фонаря, у которого сидела охрана.

— Действительно, баба на море — к беде, — тоскливо проговорил пан Гервасий. — В Ангельщину плыли — из-за нее бунт на судне начался, доктора принудили волнам молитвы читать. Назад идем — из-за нее в карцер попали, да еще и утопят нас, не дай бог. Нужна была нам та птица, как хряку серьги. Вот же веселая мне жена достанется! Надо будет с ней чаще на охоту ездить. По дичи настреляется — смотришь, муж и доживет до утра.

— Ваша мость является фиктивным женихом, не забывайте, — сквозь зубы проговорил Прантиш. — И хоть вы богаче меня, однако в глазах Богинских такой же бедняк. А сердечную склонность панна Полонея дарила точно не вам.

— Не вам ли, ваша мость? — угрожающе промолвил пан Гервасий. — Такой сопляк, как васпан, не может рассчитывать даже носовой платок панны подобрать с пола.

— Это я — сопляк? Я почти доктор и наследник Палемона! А ваша мость — дикарь и балда пустоголовая! — даже если бы не тьма, от гнева Прантиш все равно бы ничего не видел.

— Ваша мость оскорбляет шляхтича Агалинского?

Места для хорошей драки было маловато, но зато противник не мог скрыться. Колотили паны друг друга с наслаждением: пан Гервасий сильный, как лось, зато Прантиш прыткий, как ящерица.

Расползлись только когда предельно устали.

Удовольствие повторилось еще трижды.

А потом драться стало как-то неинтересно. Проходили дни, а ничего не менялось. В окошко узникам подавали воду, хлеб, солонину, даже панские сыр и вино. Но ключ в замке не поворачивался. Прантиш ежеминутно ждал, что вот распахнутся двери и покажется хорошенькое личико Полонейки — не бросит же она здесь своих кавалеров, которые попали в беду из-за желания покрасоваться перед дамой. Ну а Лёдник появится обязательно — ведь даже в Томашовских подземельях нашел своего ученика. Придет, обязательно придет — всех врагов обезоружит, заколдует, убедит, птицу альбатроса вылечит… Отчитает глупых юнцов, и жизнь пойдет дальше, в приключениях и надеждах.

Но корабль качало все сильнее, сыр и вино из рациона узников исчезли, и не приходил никто, несмотря на крики и требования заключенных.

— Она решила от нас избавиться, — сказал однажды пан Агалинский. Говорил он сейчас немного шепеляво, так как после встречи с кулаком Вырвича один зуб у пана шатался. И Прантишу не понравилось, как он это сказал. Очень серьезно, спокойно, без сомнений. Как бы сообщал, что выпал снег или что сегодня пятница… — Позаботилась, чтобы доктор о нас ничего не знал. Ему сейчас плохо, лежит, ром сосет… А панна к нему, видимо, еще

и приходит, байки рассказывает. Прибрала к рукам ящик доктора Ди, который мне достался… И доктора Лёдника приберет, чтобы фокусы при ее дворе показывал. Потому что капитану заплатили Богинские — видел, какая каюта для панны приготовлена? Не зря все время письма в Беларусь посылала.

— Бутрима никто к рукам не приберет! Это невозможно, ваша мость! — резко ответил Прантиш, а сердце сжалось от тревоги. Что-то, и правда, доктор долго не появляется… Не сотворила ли с ним чего коварная паненка?

А потом корабль неожиданно перестало качать. Слышались голоса, что-то стучало, грохотало… И двери наконец распахнулись. Капитан мрачно сообщил узникам:

— Можете себя поздравить, панове. Вы доплыли до славного города Гданьска живыми. Хоть альбатрос, подстреленный вами, издох и кое-кто из команды очень хотел отправить вас за ним в птичий рай. Поставьте по пудовой свече святому Христофору. За неудобства извините — сами виноваты. То, что мне все время нужно было отрывать от вахты двух надежных матросов, чтобы охранять вас, тоже мог бы включить в счет. Но Бог с вами, стрелки хреновы. Все, счастливой дороги домой.

Прантиш и пан Гервасий, жмуря отвыкшие от яркого света глаза, выползли на палубу. Последние бочки и тюки сгружались на причал, последние матросы покидали «Золотой альбатрос» в предвкушении встреч с родными и дорогими, или хотя бы с портовыми шлюхами и кружками пива, легкий снежок празднично украшал черепичные крыши, мостовую и каменные скульптуры…

А каюты были пусты. И Лёдникова, и Полонейки. Мешок с остатками цехинов от Пандоры был на месте. Но как можно было предвидеть, исчез и ящик с зеркалами, и зеленая тетрадь, и хрустальный череп — все, что досталось из хранилища доктора Ди.

— Вот же гадюка! — как-то удивленно-восхищенно проговорил пан Гервасий. Вырвич выбежал из каюты и схватил первого из команды, кто попался, за грудки:

— Где доктор Балтромей Лёдник? Высокий такой, чернявый? Где панна?

Худой, смуглый матрос исподлобья зыркнул на пассажира.

— Уехали. Оба. Сели в карету с гербами и…

— Давно?

— Да около часа назад.

Прантиш схватился за русые кудри, готовый от горя их выдрать. Лёдник не мог учинить такое! Что сотворила с ним эта курносая ведьмарка? Отравила? Нет, даже пьяный и больной, доктор не мог не распознать яда. Оглушила? Связала?

— Эй, а ты видел, как доктор сходит с корабля? — крикнул в спину матросу, уже закинувшему за спину котомку, из которой торчал тонкий рулон аглицкого шелка в синие цветочки, подарок для той, что дождалась своего любимого. Моряк недовольно оглянулся:

— А что там видеть? Ну, сошел пан в шляпе, при дорогой сабле, помог паненке в карету сесть. Злой, правда, был, как епископ под конец поста. Не хотел бы с таким в темном переулке встретиться.

И пошел, покачиваясь, будто корабль все еще боролся со штормом.

— Бутрим действительно любит свою жену так сильно, как я думаю? — задумчиво промолвил пан Гервасий.

— Понимаю, куда клонит ваша мость! — нервно сказал Прантиш. — Если Богинская пообещала Бутриму, что повезет его забирать Саломею, поехал на

любых условиях. Слушай, они еще не так далеко! Полонея проговорилась, что Саломея в Гутовском монастыре бернардинок…

— Догоним! — закричал пан Гервасий и рванул с корабля, как крыса из горящего амбара. Прантиш еле успел подхватить мешок с цехинами.

Они гнали, не жалея коней, имея в поводу еще по одному. Останавливались только, чтобы спросить о карете с гербами Богинских. Первый след обозначился еще при выезде из города — экипаж видели у южных ворот. Потом о встрече с шикарной каретой — совсем недавно — подтвердил мужик, который вез на санях убитого волка. А потом начался лес, темные со снежной сединой фигуры елей стерегли дорогу, и казалось, что кто-то из-за их сумрачных шеренг подаст знак и вековые деревья, взмахнув тяжелыми ветками, двинут наперерез маленьким шкодливым существам, которые самонадеянно считают себя властителями над деревьями, животными, птицами и морскими жителями, а сами не могут договориться и ужиться друг с другом…

А вот и свежие следы полозьев на дороге. Пан Гервасий пригнулся к спине коня и завыл по-волчьи — рыжий, как хозяин, конь захрапел и полетел еще быстрее. Вырвич тоже подстегнул своего… И вот вдали показалась карета.

— Бутрим! Лёдник! — заорал изо всех сил Вырвич. Всадники неумолимо догоняли экипаж, но слуга, ехавший на запятках, прицелился в них из пистолета, похоже, по чьей-то команде… Но сброшенный в снег человеком, показавшимся из кареты, выстрелить не успел.

— Бутрим! — обрадовался Прантиш.

— Стой! — орал пан Агалинский, который почти поравнялся с экипажем. А кучер вдруг свернул под откос — дорога шла вправо, — где внизу петляла река. Покрытые льдом зимние реки превращались в лучшие дороги, более предпочтительные, чем тропы. Сильных морозов в этом году не было, и навряд ли лед стал достаточно толстым… Зато на гладком льду карета на полозьях, запряженная четверкой, имела больше шансов оторваться от погони. Балтромей то ли сам соскочил, то ли просто выпал в снег, покатился… Прантиш спешился рядом, помог подняться:

— Ты как, цел?

— Нормально, — доктор и правда имел более-менее привычный вид, только глаза немного запали. — А ты разве не сошел раньше нас с корабля? — посмотрел на лицо ученика, помрачнел. — Кажется, паненка развела нас, как щавликов. Так где ты был все это время?

— В тюремном отсеке сидел, под стражей, вместе с паном Гервасием.

— А мне говорила — ты в карты играешь. Если бы не болезнь моя проклятая… — с досадой промолвил доктор.

— К Саломее ехал? — утвердительно спросил Прантиш.

— К ней, — вздохнул доктор. — Панна поставила условие — без свидетелей, чтобы я один был… А я перед женой и так виноват, и ее жизнью рисковать…

Между тем впереди послышался женский визг. Прантиш и Лёдник бросились туда.

Зрелище было живописное: карета одним боком уже проваливалась в воду, и было ясно, что вытянуть ее невозможно. Кучер, в отчаянии обрезая упряжь, освобождал лошадей, панна Богинская пробовала вытащить из кареты два ящика с наследием доктора Ди, а Гервасий Агалинский старался подобраться поближе. Это было нелегко, трещины на льду расползались, как грехи на совести. Вдруг карета еще больше погрузилась, завалилась набок, панна вскрикнула.

— Руку давай! — заорал Агалинский и ухватил-таки Полонею за тоненькую, но сильную ручку, которая только что потеряла меховую рукавицу, и потянул к себе…

— Подождите, ваша мость! Нужно это забрать! — паненка отчаянно рвалась назад — из окна торчали ящики, их можно было еще легко достать.

Доктор и студиозус застыли у берега, лишний вес на льду сразу увеличивал трещины.

— Посмотри на меня! — крикнул пан Агалинский, не выпуская руки панны. Полонейка рассеянно оглянулась. — Брось все это! Выходи за меня замуж! Мы уедем в Америку!

Княжна нервно рассмеялась.

— Пан сумасшедший?

— Выходи за меня! Обвенчаемся сегодня же! — глаза пана Гервасия горели упрямым огнем. Полонейка истерично закричала-захохотала:

— Безумец! Точно безумец! Пан забыл — я же недавно посадила его в тюрьму и обворовала! Я на глазах пана целовалась с другими! Я могу отравить! Или пан хочет отомстить?

— Даже если ты всадишь мне в сердце нож, я только поцелую твою руку! — прокричал пан Агалинский, будто они находились на разных берегах. И прозвучало так, что невозможно было не поверить. — Слово чести — я отказываюсь от твоего приданого! Не возьму ни колечка, ни ломаного гроша! Нам достаточно будет и моего достояния. Мне нужна только ты, такая, как есть, смелая, хитрая, отчаянная, веселая! Тебе понравится в Америке! Там никого не изумит благородная дама, которая скачет верхом и метко стреляет. С индейцами станем воевать!

Полонейка в отчаянии оглянулась на карету, почти погруженную в воду.

— Оставь! — властно выкрикнул пан Гервасий. — Я отказываюсь от своей части добычи — откажись и ты! Пусть никому не достанется проклятое аглицкое колдовство! Ради тебя я забуду поручение своего пана — забудь и ты свое! Ну!

Панна растерянно поглядывала то на карету — ящики были еще видны, еще можно было дотянуться, то на пана Гервасия, чьи ноздри раздувались, как в восторге боя, а в глазах горело веселое отчаяние. Вода подползла к самым сапожкам панны, как темная холодная смерть, губы Полонейки дрожали, и Прантиш никогда не видел ее такой по-детски беспомощной…

— Ну, золотко мое! Решайся! Жить ли тебе взнузданной, пусть и с золотыми удилами? Для львицы нужен лев!

— Тоже мне нашелся лев из белорусского леса! — сквозь слезы улыбнулась панна. — А не боишься — что и тебя, как Дмитрия Сангушку, — догонят с родовитой невестой и убьют?

Агалинский встряхнул рыжими прядями.

— У Сангушки была ночь любви, глоток воли и вселенная в глазах его единственной женщины. Ты думаешь, мне этого мало, чтобы рассчитаться с жизнью? И сколько бы нам ни досталось времени — вместе мы не заскучаем, моя панна. Ух, мир зашатается!

Лед под ногами затрещал, карета отправилась возить дочерей водяного короля, а панна Полонея очутилась в объятиях пана Гервасия. Вырвич дрожащей рукой нащупывал саблю, но Лёдник решительно остановил его. Два обличья, сплавленные в бешеном, страстном поцелуе, поплыли в глазах студиозуса… А потом пан Агалинский подсадил Полонейку на коня. Вскочил сам…

— Стой! — прокричал Прантиш, давясь отчаянием. — А освободить пани Саломею?

— У пана Балтромея Лёдника есть для этого письмо! — прокричала панна Богинская. — Прощайте!

Прантиш смотрел вслед всадникам… У него не было сил даже возмутиться. Та страсть, та любовь, которые внезапно открылись перед ним, — обезоруживали его гнев. Сумел ли бы он сделать так, как пан Гервасий? Была ли любовь Прантиша Вырвича к панне Полонее Богинской такой же всемогущей — когда прощается все? Такой же… бескорыстной? Прантишу все же нужна была именно княжна Богинская, сестра претендента на трон, блестящая придворная дама и магнатка, связь с которой возвысила бы его в глазах суетного мира, вознесла бы на вершины жизни… Это был его личный приз, его Фортуна… А пан Гервасий пошел даже против воли князя Кароля Радзивилла, коего боготворил, и готов потерять все — только бы с ним была отчаянная женщина, жена, подруга и любовница, которая сможет гарцевать с ним по прериям, плыть через океаны, драться, мириться, любить — не жалуясь и не покоряясь никогда.

Вырвич понимал, что проиграл безнадежно.

На плечо студиозуса легла рука доктора.

— Ежели не поубивают друг друга, будут жить счастливо. Совпали под одну масть.

Это были жестокие слова — но Балтромей Лёдник был не только целителем, а и хорошим хирургом. Его скальпель никогда не дрожал над больным телом, примеряясь, он разрезал сразу, удаляя опухоли и выпуская гной.

А заживить раны — дело времени.

— И что мне… дальше… — прошептал студиозус.

— Жить, мой юноша.

Наконец завершилась Прусская война. По дорогам Европы еще бродили банды мародеров, но Бог был милостив к двум литвинам, вынимать сабли пришлось только однажды, чтобы отпугнуть грабителей на лесной дороге — те, недавние крестьяне из сожженной деревни, сразу же разумно спрятались в зарослях. Ехать старались, не наступая на собственные следы, — порядочно же наследили дорогой в Ангельщину. Но довелось услышать, что в Томашов пришла чума и опустошила город так, что хоть выбирай свободные дома да селись. А в другом месте рассказали о чудесном драконьем фэсте, который готовится в славном городе Дракощине, — дракон там жив-здоров, молодой, ревет — земля дрожит… Только нужно с собою полную мошну денег иметь, дорого стоит на том фэсте побыть-погулять.

И естественно, всю дорогу профессор Лёдник гонял студиозуса, прогулявшего едва не полгода лекций, по всем предметам. Диплом же получать!

А потом Вырвич увидал еще одну любовь — не свою. Когда из ворот монастыря выбежала стройная женщина в темном, похожем на монашеское, скромном платье, с лицом таким красивым, хоть и измученным, что думалось о королеве или сильфиде, и бросилась на грудь доктору Балтромею Лёднику… И гладила тонкими пальцами его худое лицо, будто хотела стереть усталость… А Лёдник целовал ее — будто спасался…

Саломея плакала от счастья и от жалости, замечая все новые, незаметные чужому глазу, следы, которыми пометила немилостивая судьба ее мужа во время невероятного странствия. Вот углубилась морщина, появились седые волосы, прибавилась царапина… Целовала его ладони со следами от железных копий…

— Послушай, Саломея, я должен признаться… Во время путешествия со мной случилось… Я не удержался… — с трудом подбирая слова, начал Лёдник. Прантиш сразу догадался, что готовится исповедь по поводу Пандоры и колдовского соблазна в Томашове. Нет, этот доктор все-таки чудак! Но мудрая Саломея заставила мужа умолкнуть, положив узкую ладонь на его рот.

— Все, что с тобой случилось в дороге, все соблазны, все несчастья — не имеют значения, если ты снова со мной. Неужели ты думаешь, что я не разделю с тобой все? Не пойму, не прощу? Глупенький! Даже если бы ты возвратился ко мне в образе кровожадного змея — я узнала бы тебя и приняла! Подожди, я чувствую, что здесь, на твоей левой руке, тоже рана… Больно?

Прантишу тоже досталось радости и ласковых слов… А потом пани Саломея заглянула в глаза студиозусу:

— А что случилось с паном Вырвичем? Его мость перенес какую-то серьезную потерю?

— Можно сказать, да, — мягко ответил вместо Прантиша Лёдник. — Первое разочарование в первом чувстве.

Саломея соболезнующе дотронулась до плеча студиозуса, который постарался принять гордый вид. Еще чего — его будут жалеть из-за разбитого сердца! За то, что выбрали не его! Но пани Саломея промолвила только:

— Когда придет настоящее, твое, мальчик, — ты его не упустишь. Ни за что. Поверь, я тебя знаю, у тебя хватит сил.

И Прантиш Вырвич нашел силы улыбнуться.

Глава шестнадцатая

Счастье Балтромея Лёдника

Вообще-то опрокидывать, как кружки с дрянным пивом, сундуки с золотыми дукатами не принято.

Принято золотые дукаты пересчитывать, любоваться их властным соблазнительным блеском, перепрятывать, прикидывать, на что потратить…

Но доктор Балтромей Лёдник сундучок с красивой резьбою, с накладным золотым вензелем под короной именно что опрокинул, и дукаты обиженно раскатились по столу, со звоном цепляясь за химические приборы.

— Фауст, не горячись! — погладила мужа по спине пани Саломея. — Ну швырнешь ты эти монеты, по твоему выражению, в дипломатическую харю князя Репнина, наживешь еще одного могучего врага, а что дальше? Лучше отдай эти деньги на церковь!

— Как ты не понимаешь! — бушевал Лёдник. — Это не плата за то, что я по его заказу обдурил двух магнатов, отвлек их внимание от борьбы за трон! Чтобы я участвовал в политических интригах, да еще так… Позор!

Доктор нервно ходил по кабинету.

— Балтромей, не переоценивай свою значимость! — сурово сказала Саломея, морщинка обозначилась между ее черными изогнутыми бровями — настоящий мужчина сделал бы что угодно, только бы на этом совершенной красоты облике не появлялось таких морщинок. Действительно, после своего заточения в монастыре, о котором она не любила вспоминать, приступы тоски время от времени посещали жену доктора. — Неужели ты думаешь, что так уж существенно повлиял на политические события, создал, как бы сказать, исто-

рический вред? Во-первых, и без тебя бы какую-нибудь интригу придумали. Во-вторых, ты что, считаешь, что его мость князь Радзивилл сидел и ждал твоего огненного меча? Да от него на каждом соймике едва стены не рушились! Уверена — он за гулянками да заседаниями и не вспоминал о заморской экспедиции, восковой кукле, чудо-оружии… А князь Богинский — неужели, если бы ты не отправился за море, он был бы смелее и удачливее? Не думаю. А в третьих, ты действовал ради спасения своих близких, а значит, ради единственно правильной цели во времена политических хороводов. Радзивиллы и Богинские о тебе забыли, князь Репнин доволен… Да это просто чудо! И знаешь что… — Саломея легонько поцеловала мужа в щеку. — Забудь о своем странствии, как о страшном сне…

— Я бы и рад… — тоскливо промолвил Лёдник и повернулся в тот угол кабинета, где стоял наполовину разобранный ящик. А в ящике сидела восковая Пандора, — никто из домашних не мог сообразить, кто и зачем ее доктору вернул. Верный слуга Хвелька, когда оказывался рядом с сатанинским автоматом, только испуганно крестился да читал молитвы. Лёдник подошел к кукле, задумчиво прикоснулся к ее бело-розовому лицу, очертил пальцем абрис брови, провел по щеке, будто лаская…

— Она и в жизни такая же красивая? — тихо спросила Саломея.

Доктор вздрогнул от такой проницательности жены и, помедлив, сдержанно ответил, не оглядываясь:

— Еще красивей. Воск не передает характера… Властность, жестокость… Наивность. Безумное сочетание.

Саломея сжала руки, но решилась на вопрос:

— Она влюбилась в тебя?

Бутрим отвернулся от куклы, которая поглядывала неестественно большими серыми глазами на портрет Галена, будто прикидывала, не стоит ли и этого прославленного доктора присоединить к своей свите.

— Она поигралась со мной. Таков был каприз лица королевской крови. Может быть, последний каприз в ее жизни. Она… погибла.

Пани Лёдник с грустью вздохнула, обняла мужа за плечи, прислонилась к его виновато ссутуленной спине.

— Дорогой, не переживай, прихоти родовитых персон нам хорошо знакомы. Вспомни, как я была в плену у князя Геронима Радзивилла. Каждый из нас… может попасть в такие обстоятельства, когда все наши достоинства нас не уберегут, — при этих словах голос Саломеи изменился. Прантишу показалось, что пани сейчас заплачет, но она пересилила себя и заговорила более весело. — Хорошо, что этой благородной даме не возжелалось нанести тебе вред. Знаешь, с твоим характером подобное желание возникает у многих знакомых.

Лёдник повернулся, схватил жену в объятия, спрятал лицо в ее черных, блестящих как шелк волосах.

— Я не стою тебя… Ты права — забыть все, как страшный сон… Только бы еще узнать, сдержал ли слово пан Агалинский, не страдает ли мой мальчик, не сломана ли его судьба…

— Его мость пан Агалинский — настоящий шляхтич, он держит слово, — заверила Саломея. — Вот увидишь — вскоре объявится!

Зима тихо умирала в лужах и ложбинах, последние лоскуты грязного, будто побитого оспой, снега превращались в весенние ручьи, которые бормотали, как сердитые профессора, и смеялись, как проказливые студиозусы. Потом темное тело литвинской земли украсилось зеленым полотном травы, и аисты по-хозяйски осматривали новые гнезда.

А потом Прантиш Вырвич возвратился домой не один. Если честно, то его принесли, как мешок перловки, однокурсники во главе с черноволосым крепышом-городенцем Недолужным. Однокурсниками они являлись уже бывшими — паны студиозусы превратились в дипломированных докторов вольных наук! По случаю чего и был устроен бал, после которого прибавится работы стекольщикам, коих жители славного города Вильни будут приглашать вставлять в окна новые стекла, фонарщикам, кои будут заменять разбитые фонари, корчмарям, коим придется закупать новую посуду…

— Когда я получил диплом в Праге, мы с друзьями завернули ночью все статуи на Карловом мосту в белые простыни, а утро я встретил на верхней площадке колокольни, — меланхолично сказал Лёдник встревоженной жене. — Причем, как я попал на ту колокольню, — убейте, не вспомню.

И пошел варить своему ученику свежий отвар от последствий ночного пира.

Наутро Прантиш действительно мало что мог вспомнить. Но диплом — вот он, с печатью! И докторская шапочка, и мантия! Теперь можно заняться и военной карьерой… Пусть профессор простит, но медицина Прантиша не влекла.

После визита к полковнику конного регимента великой булавы пана Мытельского, друга умершего великого гетмана Радзивилла Рыбоньки, что произошло благодаря протекции доктора Лёдника, Прантиш еще больше повеселел: его ожидало интересное назначение в Ковенский повет и для начала чин подхорунжего с годовым окладом в целых сто пятьдесят польских злотых! Не оглянутся — станет бравый рыцарь Вырвич хорунжим, потом — капитаном, потом… Сто раз пожалеет паненка Богинская, что упустила такого молодца!

Прантиш, гордо заломив новенькую шапку, вошел в дом с зелеными ставнями около Острой брамы. Хвелька, который за время расставания с доктором и не подумал похудеть, поклонился молодому пану Вырвичу особенно торжественно: понял, что теперь пан не студент, а настоящий рыцарь! На исходе недели будет готов драгунский мундир, итальянский конь окраса спелого каштана ждет в конюшне, остальное снаряжение приобретется… Вырвичу даже аванс выдали — принимая во внимание особенные отношения к Лёднику покойного гетмана, до самой смерти бывшего шефом регимента.

А вот доктора, перед которым особенно хотелось похвастаться, дома не было. Пани Саломея напрасно пыталась скрыть тревогу.

— Приходил пан Агалинский, — рассказывала она. — Веселый такой, нарядный… Поговорили с Бутримом и поехали.

— Куда? — растерялся Прантиш.

Пани Саломея пожала плечами.

— Бутрим сказал — в гости к пану Агалинскому. Будто давно слово давал к нему съездить, вот и настало время… Шутил, улыбался… А у меня что-то на сердце неспокойно. Понимаю, что напрасно волнуюсь, — поехал к другу. Сына своего, наверное, увидит, порадуется… Ну разве что перепьются с паном Гервасием…

Но голос пани дрожал, а увидев, как бледнеет лицо Прантиша, Саломея так и совсем голос потеряла.

Не может быть… Вырвич давно и думать бросил о страшной присяге Лёдника, об угрозах пана Гервасия засечь того до смерти за своего брата и братову жену, в гибели которых обвинял доктора… После пережитого вместе! После того, как доктор столько раз тому же пану Гервасию жизнь

спасал, столько раз проявлял свои жертвенность и благородство, — а их же сыну кожевника не занимать… Неужели Американец решил воспользоваться правом на жизнь бывшего раба?

А Лёдник — вот же упрямый! До смерти упрямый! Мог и поехать на смерть…

Прантиш бросился в профессорский кабинет, безо всяких церемоний поразбрасывал на столе бумаги, повытаскивал ящики… В верхнем лежал запечатанный конверт, подписанный пани Саломее Лёдник и пану Прантишу Вырвичу. Новоиспеченный доктор и подхорунжий не колебался: разорваный конверт полетел на пол, а содержимое…

Лист выскользнул из пальцев и отправился на пол за разорванным конвертом. Саломея подняла бумагу, пробежала глазами по ровным строчкам… Непослушными губами спросила Вырвича:

— Что это значит?

Вырвич схватился за голову. Он же давал слово Лёднику не рассказывать его жене о присяге!

— Знаешь, где имение Агалинских? — вдруг властно крикнула женщина, схватив Прантиша за ворот. — Покажешь дорогу! Едем!

И снова они гнали лошадей, и снова ценою была жизнь… Ветер, еще сохранявший весеннюю пронзительность, нетерпеливо подгонял их в спины, из-под копыт фонтанами разбрызгивалась грязная вода, которая еще недавно была прозрачным, как диаманты, дождем. Прантиш посматривал на воинственный профиль женщины, приникшей к шее коня, этим будто убыстрявшей его бег, и приходило в голову, что не хотел бы он очутиться на месте того, кто обидит ее любимого. Да и пистолеты пани прихватила с собой. А что такого? Женские дуэли — обычное дело. Даже российская императрица Екатерина еще в качестве жены наследника трона ежегодно по нескольку раз бывала секунданткой у своих придворных дам. В Европе есть женщины, кои и мужчин на дуэль вызывают. Одна такая, во Франции, сразу с двумя дралась на шпагах, одного прикончила уколом в горло, второго — в сердце. Даже король вмешался и приказал воинственной паненке больше дуэлей не устраивать. Панна Богинская вон как ловко управляется с кинжальчиком, хоть и щуплая… И пани Саломея, похоже, не оплошает.

Имение Агалинских было не такое большое, как дворцы Богинских и Радзивиллов, но все-таки — двухэтажный каменный дом с колоннами, каменные хозяйственные постройки, красивый парк с мраморными беседками… Еще было замечено, хоть гостей пропустили беспрепятственно, что имение подготовлено к обороне, как настоящий замок, — даже орудия стояли на валах.

— Где его мость пан Гервасий Агалинский? — крикнул Прантиш лакею в белой свитке. Тот испуганно поклонился:

— Его мость пан с гостем пошли на конюшню… Туда вон… За деревьями… Но пан Гервасий приказал их не беспокоить! И чтобы никто к конюшням не подходил! Ни в коем случае. Увидит, что кто-то подсматривает, — уши отрубит!

Завернув за угол длинного каменного строения, в котором размещались конюшни, Прантиш увидел две фигуры… И остановил Саломею, зашептал:

— Подожди… Здесь дело чести… Если вмешаться — можем сделать хуже. Пусть разберутся между собою раз и навсегда. Появиться успеем, когда дойдет до… необратимого… Но не будет же пан Гервасий Бутрима действительно убивать!

Саломея, которая до крови кусала губы от тревоги, молча кивнула головой. Оба, спрятавшись за толстенную липу, осторожно подобрались ближе. Прантиш придерживал Саломею за плечи — боялся, что она все испортит, выбежит… Потому что женщину даже трясло от страха за любимого.

А любимый никакого страха не проявлял. Мрачный, саркастичный… Ну, как всегда. Пан Гервасий тоже не улыбался, стоял, сунув руки за литой слуцкий пояс, опоясывавший синюю чугу.

— Ну что, Бутрим, место тебе знакомое. Насколько я знаю, проводил ты здесь много времени… Без пользы, правда, для твоей спины.

— Выбор места отдаю вашей мости, — холодно промолвил Лёдник. — Я не привередливый.

Пан Агалинский криво усмехнулся:

— Еще бы тебе перебирать… В конюшню, на привычную тебе скамью не пойдем. Ложись, доктор, просто на землю… И безо всяких ковриков.

Вырвич скрипнул зубами. Бить шляхтича на голой земле — это позор! На ковре — можно… Кого на ковре не секли? Даже Пана Коханку отец, великий гетман, охаживал. Но Лёднику шляхетские тонкости, похоже, были безразличны. Снял камзол, рубаху, рассеянно бросил, скомкав, в сторону, просто на влажную от недавних дождей траву, как бы не надеясь больше надеть. Лег…

— Эдак вашей мости удобно будет меня убивать? — еще и яду в голос подпустил. — Предупреждаю, я живучий. Поработать пану придется тяжело.

— Ничего, я сильный! — насмешливо промолвил пан Агалинский. — И спешить нам некуда.

И снял со стены, с одного из специально забитых крюков, даже не плеть — а кнут, с тяжелым плетеным «хвостом»… Да что это, Американец всерьез собрался доктора прикончить? Это уже не шуточки!

Прантиш едва удержал Саломею, которая зажимала рот кулаком.

— Как же долго я мечтал это сделать! — весело прорычал пан Гервасий и изо всей силы ударил доктора по спине.

— Это тебе за пани Гелену… Это за брата моего… Это за то, что лезешь без стыда в постели шляхтянок!

Вырвич прикидывал, сколько стоит подождать. Доктор, конечно, живучий, но ведь шкура у него не такая же, как у дракона…

Но пан Гервасий, хлестнув три раза, остановился. Выпрямился, вытер рукавом взопрелый лоб, с облегчением выдохнул:

— Есть у меня для тебя одна новость, доктор. Младший мой племянник, пан Александр Агалинский, трагически погиб.

— Что?!! — доктор вскочил, будто не чувствуя на себе новой порции свежих шрамов. Пан Гервасий даже отступил на шаг — такое у доктора было лицо.

— Погиб мальчик, — упрямо повторил Американец. — Карета ввалилась в трясину, ну и… Даже тел не нашли.

Лёдник зажмурил глаза, и Прантишу стало страшно от мысли, что бывший алхимик и чародей может дальше сотворить.

— Но, может, и не погиб, — торопясь, промолвил пан Гервасий, которому, видимо, тоже стало не по себе. Лёдник открыл глаза и гневно выкрикнул:

— На такие жестокие шутки я пану позволения не давал!

Пан Гервасий усмехнулся — его, кажется, обрадовало, как доктор переживает.

— А это ты сейчас сам определишь, шутки или нет… Возможно, пана Александра Агалинского нашли, удалось его как-то достать из кареты…

И будет он жить, как должно наследнику славного шляхетского рода, унаследует несколько деревень, сделает карьеру при дворе пана Радзивилла… А возможно, бедный ребенок все-таки бесследно исчез в трясине. Но… нашелся другой мальчик… Потерянный сын одного ученого, но не родовитого доктора.

У Лёдника даже губы задрожали от внезапной догадки. А пан Агалинский продолжал почти назидательно:

— Мало ли как бывает — похитили ребенка, потом он воспитывался неизвестно где… А какая там у малышей память… Что там до трех лет было… И вот родной отец чудом отыскал сына. Так вот не знаю, как произошло на самом деле? Который мальчик спасся?

Лёдник шагнул вперед и твердо промолвил немного сдавленным от потрясения голосом:

— Его мость пан Александр Агалинский трагически погиб. Аминь.

— Ну что же, тогда встречай своего отыскавшегося сына! — промолвил пан Гервасий и крикнул:

— Полонейка! Давай, веди его!

Из густой аллеи показалась знакомая фигура в белом платье и кружевном чепце: княжна Богинская, озорно улыбаясь, несла на руках темноокого малыша.

Случилось невероятное: малыш узнал дядьку, который когда-то с ним возился, и сам подбежал к нему:

— Пан доктол!

Лёдник схватил на руки свое счастье… И тут же строго сказал:

— Не пан доктор, а пан отец.

Мальчик серьезно посмотрел на профессора, даже скептически.

— А поцему?

— Потому, что ты мой сын.

Малыш задумался — совсем по-профессорски. Внимательно осмотрел новоприобретенного отца, тронул пальчиком кровавый след от кнута на его плече, оглянулся на пана Гервасия Агалинского. Наконец с достоинством кивнул головой:

— Холосо, пан отец. Хоцу смотлеть в тлубу на звезды!

Надо же, помнит поход в обсерваторию! Что значит наследственность…

Пан Гервасий обнял панну Богинскую — точнее, судя по ее наряду и обручальным кольцам у обоих, — пани Агалинскую, и крикнул в сторону:

— Хватит прятаться! Пан Вырвич, пани Лёдник, выходите!

Прантиш раскланялся с паном Гервасием — тот улыбался во весь рот, подкручивая усы.

— Ну что, окончил учебу, студент?

— А то! — Прантиш старался не смотреть на пани Агалинскую. — А не боишься, ваша мость, что насчет потопленной в трясине кареты нехорошие слухи пойдут?

Американец ни на йоту не смутился:

— А никакого обмана! Действительно дурак-кучер коней не удержал, понесли… Мы с Полонейкой прогуливались верхом, услышали крики… Пока доскакали… Нянька с кучером Базылем потонули — пробовали выплыть, ну и… А мальчика, которого зараза-нянька в карете бросила, я кое-как вытащил — на поясе, к дереву привязанном, нырнул в трясину… Ангел-хранитель помог, видно. Малыш без сознания был, когда достал, но живой. Полонейка как-то его выходила. Никто не знает, что он выжил, кроме моей старой

кормилицы, меня и жены. Вот Полонейке и пришло в голову — использовать случай, чтобы ребенка родному отцу вернуть. Ну, дай Бог ему и доктору счастья… А все имущество брата старшему племяннику достанется. Ни шелега не возьму, никто не попрекнет, что сирот ограбил. Я же с женушкой вообще отсюда съезжаю — корабль в Гданьске ждет.

Пан Гервасий улыбнулся Полонейке, и та переплела свои и его пальцы.

— Вместо меня сейчас есть кому думать! — похвастал Американец, глядя на жену с восхищением и страстью. — Полонейка такие послания сочинила — и своему пану-брату, и от моего имени его мости князю Радзивиллу… Расписала наши приключения, коварство аглицких колдунов, верность шляхетским традициям… Пан Радзивилл даже расчувствовался, говорят, обещал исполнить отцов завет и вернуть восковую куклу одному профессору.

— Правда, десять альбанцев прислали Гервасию переломанные перья,— с немного нервной улыбкой сообщила Полонея. — Что значит, при встрече убьют как предателя.

— А твой пан-брат вообще не ответил, — заметил пан Гервасий. И Прантиш понял, что счастье этой пары в действительности очень уязвимое… И цепляются они друг за друга, как пассажиры тонущего челна.

Прантиш решился взглянуть на пани Полонею. Надменная, уверенная, хитровато-милая, напряженная перед смертельной опасностью — и счастливая…

Счастье любимой женщины с другим — что может ранить больнее?

— Я приобрела отличные пистоли голландской работы! Мы с Гервасием пристрелялись — всех ворон в парке перебили!

Пан Агалинский с чувством поцеловал ручку жены:

— Ну, у кого еще есть такая женщина? — и засмеялся, как Цезарь над побежденными египтянами. — А когда браниться начнет — наслаждение! Я и слов таких не знаю… Ну все, устал я из-за этого доктора, даже плечо болит. Лёдники пусть переночуют в том домике, где мы панича держали, — никто не заметит. Пани Саломея спину доктору подлечит. Есть-пить кормилица им принесет… А ты, пан Вырвич, пойдешь ужинать с нами — через день-другой мы за океан отправляемся.

— А Лёдникам лучше с утра тихонько съехать, чтобы никто их сына не увидал, — скомандовала Полонейка.

Прантиш оглянулся на профессорское семейство — и понял, ради чего все они ездили в это нелегкое бессмысленное путешествие.

Голова наутро было тяжеловатой… Прантиш едва сдерживался, чтобы не зевать при дамах. Вырвич решил не оставаться у хозяев, хотя пан Гервасий настойчиво предлагал продолжить приятное прощание. Недолгая семейная жизнь не очень изменила характеры, поэтому прощание с паном Гервасием могло превратиться в такой пир, после которого стены и сознание собирают по кирпичику. Тем более, пану Гервасию и Полонейке, по всему было видно, хотелось остаться наедине.

Небо переливалось желтовато-розовыми оттенками, как модный шлафрок, в коем выходят из опочивальни пить кофе, и казалось тоже невыспавшимся и сонливым. Доктор, сев на коня, как величайшую ценность завернул сонного малыша в свой плащ. Маленький Алесик дорогой сладко дремал, но нужно было дать отдохнуть и всадникам, и коням. Поэтому остановились у корчмы под гордым названием «Три цезаря». Каких именно цезарей имел в виду тот, кто заказывал вывеску, непонятно, так как на куске жести была нарисована только кривоватая корона с жемчужинами. Неподалеку блестело

речное русло, и Прантиш вспомнил, что где-то рядом должна быть проклятая мельница, на которой они натерпелись столько страхов.

В толчею и вонь корчмы заходить всей компанией не стали, Лёдник купил лучшего, что там было, пригодного к употреблению, и пани Саломея, усевшись на скамеечке под кустом сирени, угощала мальчика, который как-то сразу к ней потянулся. Что-то ему напевала, счастливо улыбалась… Прантиш не сомневался, что пани полюбит малыша всем сердцем. Лёдник присел рядом с женой и сыном и любовался идиллической картиной семейного счастья. Кнут пана Гервасия был очень малой платой за это.

А Прантиш пробовал заглушить тоску пивом. И пиво было не очень доброе — не лондонский портер, и тоска была не из тех, что могут за один день рассосаться… Нет, не видел Прантиш в пане Гервасии ничего такого, что делало бы его стоящим панны Богинской больше, чем пан Вырвич. Только что — более богатый да более нахальный. Но Прантиш теперь подхорунжий драгунской хоругви!

От пива приятно кружилась голова… Вырвич отошел к воротам, к густым зарослям жасмина, которые еще светились душистыми белыми звездочками, потому что воркование Лёдников над своим малышом душевного равновесия в его нынешнем состоянии не прибавляло. Начало припекать солнце, будто тиун махнул над ним своей плетью за небрежную работу на панских полях. Все нужно было начинать сначала — собирать по кусочкам душу, искать смысл жизни, возвращать способность верить и любить…

На подсохшей дороге поднялись клубы пыли: несомненно двигался большой отряд. Вырвич напрягся: мало ли что… Время неспокойное. Может, московцы, может, прусаки, может, шляхетский наезд… Но всадники, вооруженные, как на войну, без мундиров и других знаков отличия, подъехали к корчме, быстренько перехватили по кубку вина — и, бросив корчмарю горсть монет, двинулись дальше. Не задирались, не шутили, не норовили заглянуть под юбку какой-нибудь хорошенькой служанке… Серьезные люди, искушенные воины, наемники на службе у временного пана. Прантиш стоял в тени жасмина, сжав зеленое горло полупустой бутылки, будто хотел ее задушить… А потом бросил в траву, даже не допив. Потому что узнал одного из всадников, того, который руководил отрядом. Узнать его было нетрудно: здоровенный, как медведь, с белыми волосами и бровями, с бездонными глазами. Герман Ватман, наемник Богинских.

И Прантиш не сомневался, куда они направляются, — в имение Агалинских.

Молодой драгун не рассуждал. Он подошел как можно более раскрепощенной походкой к Лёднику и сообщил, что должен вернуться за забытой у Агалинских очень дорогой сердцу вещью, за серебряным кордом. Поэтому пусть едут себе в Вильню, а он догонит. А если опоздает — пусть не волнуются. Взрослый пан, не студент.

— За кордом, значит, — скептически бросил Лёдник, видимо, не поверив. — Захотел все-таки попировать с паном Гервасием? Смотри, напьетесь — не подеритесь!

— Постараюсь! — весело сказал Прантиш и двинул подальше от счастливого семейства. Схватил первого встречного мужика за шиворот:

— Где здесь более короткая дорога к Глиницам?

Мужик подумал, почесал голову:

— Разве что вон там, ложбиной проехать… Только по дороге болото будет, где недавно маленький панич с каретой утонул.

Вырвич снова гнал коня окраса спелого каштана и думал, что Полонейка получит то, чего боялась… Интересно, что поручено Ватману: увезти паненку или сделать ее вдовою? А может, решено обоих, без магнатского благословения повенчанных, заточить? Сестру свою пан Богинский, конечно, убивать не станет, а вот в монастырь может отправить.

Дорога была — так, одно название, что дорога. Еле проглядывала, ветви хлестали по лицу, по плечам… А потом и правда началось болото. Конь скользил по глине, в одном месте, оступившись, провалился почти по грудь… А вот и место, где утонула карета, — здесь с болотистой тропой соединялась более широкая, наезженная дорога, по ней вот-вот доберется к имению отряд под командой Ватмана. На перекрестке стоял недавно поставленный дубовый крест — не обычный придорожный оберег, а в память погибших — под ним, на бугорке черной земли, лежали срезанные, еще не увядшие цветы.

Прантиш, выпачканный в глине и тине, с налипшей на одежду ряской, влетел во двор имения Агалинских, как пограничный стражник за контрабандистом:

— Пан Гервасий! Пани Полонея! Немедленно уезжайте!

Агалинский успел уже, видимо, выцедить кружку-другую пива и получить за это от ласковой женушки хороший нагоняй. Услышав, что случилось, он встрепенулся, как петух, проспавший рассвет:

— Ну, я их встречу, гицлей! Орудия подготовлены, сейчас людей вооружу — и…

Полонея, побледневшая, когда прозвучало имя Германа Ватмана, дернула мужа за рукав.

— Напомню васпану, что это не кучка разбойников, а люди моего высокородного брата, генерал-майора и стольника литовского… И он, если что, может сюда целую армию прислать. Васпан будет держать блокаду против целого войска? Войну устроить на все княжество? Я не София Алельковичи, а ваша мость — не Януш Радзивилл. Это раньше к вам на подмогу прискакали бы родственники и друзья… Но из-за нашего брака вы — один. Все отвернулись. Едем на корабль!

Пан Гервасий бранился, правда, тихо, но через считаные минуты оба сидели в карете — к счастью, сундуки загрузили еще вчера. На прощание Полонейка поцеловала Прантиша:

— Пусть пан найдет свое счастье! И… простит меня за все. Не буду просить не забывать меня… Наоборот — пусть другая, лучшая, как можно быстрее заставит забыть обо мне. А я никогда не забуду отвагу и доброту пана Вырвича.

И что-то небольшое и тяжелое сунула ему в руку…

Когда карета исчезла из виду, Вырвич осознал, что щеки позорно мокрые… Да что же это — расплакался, как девочка! Потянулся кулаком вытереть слезы — вспомнил о подарке… Крест. Золотой крест на цепи, усыпанный бриллиантами, рубинами, изумрудами, сапфирами… Королевский подарок! Да за этот крест, наверное, деревню купить можно!

Но на душе легче не стало. Прантиш повесил дорогой крест на шею, засунул под рубашку… Что же, прошлый раз, когда княжна послала Прантиша на смерть в полоцкие подземелья, она наградила Вырвича драгоценным кинжалом персиянской работы… Он остался где-то в томашовских подвалах, присвоенный тюремщиком. А когда паненка разбила своему рыцарю сердце — откупилась крестом… Принесет ли он ему большую удачу?

Вырвич направлял коня знакомой болотистой тропой, опустив голову, слушая только собственные тяжелые мысли… Поэтому на перекрестке не сразу заметил, что по большой дороге приближаются всадники. Вот холера! Тоже — воин нашелся! Ворона, а не воин!

Вырвич припустил коня по тропе, надеясь, что с тракта его не успели заметить. Но когда сзади послышались улюлюканье и выстрелы, понял, что попал, как воробей в шапку.

А разогнаться было невозможно — по такой дороге горшки не возят… Пока Прантиш отчаянно раздумывал, не лучше ли соскочить с коня и броситься в заросли, конь споткнулся…

Вырвич успел выхватить саблю — Лёдник хорошо его тренировал, но под пулями особенно не похвастаешь фехтовальным мастерством. Напрасно кричал, что он шляхтич, драгун, подаст на них в суд, — наемники просто делали свое дело. И кое-кого он видел раньше — в Полоцке, когда те вместе с Ватманом сидели в засаде в доме Реничей с заложницей пани Саломеей. А вот и сам пан Герман Ватман — ждет, откинувшись в свободной позе на могучем дрыгканте.

— Приветствую вашу студенческую мость!

— Я дипломированный доктор, васпан, и подхорунжий литовской хоругви! Я возмущен вашим коварным нападением! Я подам петицию его королевской мости! В Трибунал! Как вы осмелились насильно задерживать шляхтича! — Прантиш не убирал руки с эфеса сабли. На Ватмана его горячая речь произвела впечатление не большее, чем муха на кувшин молока.

— И каким это образом пан подхорунжий очутился в этих лесах? И не гостил ли он у одной очень родовитой, красивенькой, но неугомонной персоны?

— Я, ваша мость, готовлюсь отправляться к месту дислокации своей хоругви, у меня нет времени ездить в гости! — Прантиш на ходу сочинял что-то о важных военных поручениях, о которых он не имеет права рассказывать, но Ватман только рукой махнул.

— На всякий случай ваша мость проедет с нами в имение Глинищи. Вдруг встретим там наших общих знакомых? Вот и отметим встречу вместе… Кстати, а где воинственный доктор, бывший слуга васпана? А то он имеет способность возникать в самых ненужных местах, в неудобное время, да еще с сабелькой. Из этих кустов не выскочит?

Вырвич заверил, что профессор в Вильне и в кустах его точно нет, и снова начал возмущаться… Но его никто не слушал. Даже саблю отобрали, хорошо, что не связали, как сноп.

В имение Агалинских, к Прантишеву удовольствию, банде Ватмана попасть так же легко, как ему с пани Саломеей, не удалось. Слуги, очевидно, получили соответствующий приказ… Даже из пушек пару раз выстрелили… Правда, ранили многострадальную белорусскую землю, которую ранами не удивить, а наемники Ватмана выстрелов не боялись. Но каждое мгновение приближало Полонейку к свободе!

Ватман время от времени призывал пана Гервасия выдать панну Богинскую ее брату, но ответа, естественно, никакого не получал.

Солнце все ниже клонилось к лесу. За это время можно было отъехать довольно далеко. Теперь Прантиш был почти уверен, что Полонейка в безопасности.

Когда нападающие прорвались в имение, то убедились, что хозяев нет. Все, чего удалось добиться от слуг, — пан и молодая пани отъехали. Куда — к великому счастью, никто сказать не мог. Наверное, юной пани Агалинской

как следует удалось поруководить мужем, и он не кричал на каждом шагу, что отправляется в Америку.

И тогда Прантиш понял, что вскоре ему небо покажется с овчинку. Ватман подошел к молодому человеку, улыбаясь, как хозяин нерадивому арендатору.

— Что-то мне подсказывает: его мость пан Вырвич должен знать, куда направились паны Агалинские… И я верю, что благородный пан Вырвич мне честно об этом расскажет. Потому что пан очень умный и не захочет иметь неудобств, а может, и адовых страданий — еще при жизни и молодым… Из-за женщины, которая ему, между прочим, тыкву вынесла.

Вырвич почувствовал, как между лопатками пробежал холодок.

— Да с чего это пан Ватман решил, что я был в этом имении и что-то знаю?

Ватман подцепил из-за ворота парня тяжелую цепь и вытащил крест, который, оказывается, предательски блестел из-под незастегнутой рубахи.

— А такие ценности у панов Вырвичей в сундуках завалялись? Особенно с гербом «Огинец». Да и слуги пана узнали. Так где Полонея Богинская? Куда они поехали?

Прантиш встряхнул русым чубом. Историю требовалось выдумать трогательную — и длинную, как бабушкино вязанье. И Вырвич проникновенно начал рассказывать о своих нежных, но, естественно, исключительно уважительных чувствах к благородной княжне… О перенесенных вместе испытаниях, приплетая кое-что из их реальных путешествий — особенно романтичной, почти как баллада немецкого миннезингера, получилась история, как взбунтовавшиеся матросы едва не сбросили панну с корабля в бурные волны, а храбрый пан Вырвич ее защитил. И вот молодой Вырвич, прежде чем отправляться на военную службу, решил из-за непреодолимого чувства хоть разок взглянуть на свою прекрасную даму… А она, жестокосердная, откупилась от него золотым крестом, взяв слово, что он забудет ее и не станет ни разыскивать, ни разузнавать. Вот и не знает сейчас бедный Вырвич с разбитым сердцем, куда девалась его любимая с проклятым паном Гервасием Агалинским, счастливым соперником.

Ватман внимательно выслушал… Даже ни разу не перебил. Сочувственно кивал головой. А потом просто подал знак, и пана подхорунжего ловко скрутили, не обращая внимания на пинки и пощечины, которые тот щедро раздавал, а потом у его носа оказалось блестящее, острое, как взгляд мытаря, лезвие турецкого кинжала.

— Ну, откуда начнем с пана сдирать шкуру? Может, с лица — чтобы ни одна девица больше не посмотрела, а то перепортил их, видать, за свою недолгую, но шкодливую жизнь…

Вырвича крепко держали, заломив руки. Глаза Ватмана казались совсем белыми, как болотный туман. Кто-то схватил недавнего студиозуса сзади за волосы, заставив запрокинуть голову. Прантиш сжал зубы. Лезвие нежно, как сухая травинка, тронуло его щеку.

Главное — Полонейка в это время мчится в карете. Пусть с другим… Пусть даже забыв о бедном шляхтиче из Подневодья…

— Отпусти парня!

Лезвие убралось. Прантиш открыл глаза…

Балтромей Лёдник стоял в спокойной позе, опустив саблю, черные волосы завязаны на затылке в хвост — значит, подготовился к серьезному бою. За его спиной медленно опускалось, наливаясь усталым багрянцем, солнце, и лицо доктора казалось темным, почти зловещим.

— Я так и думал, доктор, что ты выползешь, как уж из кустов.

Ватман игрался с кинжалом, как дитя с погремушкой, и глаза его были теперь не белые, а бездонно-алые.

— Отпусти парня, Ватман, — сурово повторил Лёдник.

— А если не отпущу, что ты мне сделаешь? — насмешливо спросил наемник.

— А вот что! — Лёдник поднял руку, и из-за деревьев, что росли вокруг имения, показались люди… Много людей. Не жолнеры — мужики. В свитках, в полотняных рубахах… Но с вилами, косами, топорами, цепами, а кое-кто — с ружьями и гаковницами. Особенно опасно выглядели пришельцы, вооруженные саблями и пистолетами, одетые в вывернутые кожухи. У них были суровые, обветренные лица людей, привыкших скрываться, защищаться, спать на голой земле. Прантиш узнал некоторых… Это же те, что приходили к проклятой мельнице, где Лёдник спасал обвиненную в ведьмарстве Саклету. Лесные братья и жители деревни Корытники, где Лёдник лечил и раздавал деньги… Конечно, за всемогущим доктором они сейчас пойдут куда скажет. Да и пан Агалинский, очевидно, сдержал слово и улучшил своим подданным, которые пекли хлеб из коры, условия жизни.

— Они не испугаются и не отступят, Ватман, — сурово проговорил Балтромей. — Ты со своей компанией учиняешь откровенный наезд на имение шляхтича. Любой суд признает, что его хозяева имели право вооружить своих людей и защищаться. Отступись. Разбитый кувшин не склеишь. Панны Богинской больше нет — есть пани Агалинская, а ее муж отказался от приданого, и оснований судиться нет.

Ватман ненавидяще прищурил бешеные глаза.

— Тварь ты скользкая, доктор. Сколько ты еще будешь возникать на моем пути? Ни в море не утонул, ни в Ангельщине не убили… И даже за то, что ни с чем приехал, паны тебе простили. Может, ты колдовство употребляешь? Тем более обязан тебя остановить…

Наемник положил руку на эфес сабли.

— Давай так… Мы с тобой — один на один. До смерти. Если ты победишь — мои люди уйдут. Никого не тронут. Слышите? — повернулся к команде, те загудели в знак согласия. — А если победа за мной… — Ватман зловеще усмехнулся, — уйдут твои люди.

— Ты можешь просить только о том, чтобы вам позволили уйти, — строго промолвил Лёдник. — И сейчас же отпусти пана Вырвича, иначе никаких переговоров!

Наемники Ватмана мрачно столпились в кучку вокруг предводителя, целиться им приходилось во все стороны — так как и слуги из имения опомнились и присоединились к защите от наезда. Преимущество явно было не на стороне посланцев князя Богинского.

— Отпущу этого вруна, если согласишься на дуэль! — заявил Ватман.

— Бутрим, не соглашайся! — прокричал Прантиш, пытаясь вывернуться из рук наемников. — Это ловушка! Мы и так победим!

— Пан доктор, позвольте, мы их перестреляем, как тетеревов! — воскликнул из-за дерева мужик, у которого от нетерпения ружье подрагивало в руках. — У нас охотники — в глаз белке попадают!

Ватманские люди уныло переглянулись — желания героически умирать за чужое дело у них точно не было. И Ватман не мог этого не понимать.

— Давай, Герман, не дури… — ворчливо проговорил Лёдник. — Сам видишь — шансов у вас нет. Просто отпустите парня и безо всяких дуэлей уходите. Нечего кровь понапрасну лить, ни свою, ни чужую. И так ее слишком много проливается.

— Боишься меня, доктор? — зловеще произнес Ватман, упругой походкой выходя вперед — беловолосый, белобровый, с исполосованным шрамами розовым лицом. — А вот женушка твоя меня не боялась. Знаешь, так лягалась, до сих пор синяки не сошли…

Ватман с издевкой засмеялся, и Прантиш похолодел, поняв, что задумал наемник.

— Не рассказала тебе прекрасная Саломея о нашем с ней приключении? — насмешничал Ватман. — Что же, у каждой женщины есть свои секреты. А тут такая женщина… Никогда мне не забыть той ночи! — пан Герман с наслаждением простонал. — Я постарался научить ее хоть чему-то… Ты же так и не сумел, докторишка! Где тебе… Такую страстную женщину удовлетворить непросто… А я постарался!

— Мерзавец! — Лёдник выхватил саблю и шагнул к Ватману.

— Так что, дуэль?

— Согласен! — сквозь зубы проговорил Лёдник, снял камзол, бросил на землю, стал в позицию. Прантиш почувствовал, что его отпускают, и подлетел к доктору.

— Зачем ты поддался? Он же специально тебя дразнил! Подумай о малыше!

Лёдник рассеянно отодвинул парня в сторону, — и Прантиш понял, глядя на его лицо, что слова бесполезны. Для обоих дуэлянтов самым важным на свете сейчас было — убить врага. Двоим сразу не было места на этой не такой уж маленькой земле.

Как и опасался Прантиш, от предчувствия захватывающего зрелища глаза у людей загорелись, все — и наемники Богинских, и мужики из Корытников, и лесные братья, и лакеи из имения — забыли о своей вражде, подтянулись ближе, чтобы лучше видеть. Доктор — выдающийся фехтовальщик, вон как легко стал чемпионом лондонского бойцовского клуба… А Герман Ватман — известный на всю Европу наемник-убийца, которого перекупают короли и князья. Три года назад в полоцких подземельях Прантиш и Лёдник вдвоем не смогли с ним справиться.

Мгновение, когда клинок встречался с клинком, невозможно было отследить. Будто сверкали две молнии. Доктор двигался легко и упруго, бросался, как змея, но и Ватман, похожий на скалу, был быстрый и легкий — как водяные драконы в морских глубинах… Будь это дело в Лондоне — сейчас бы начали устраивать ставки, и кто-то бы неслыханно разбогател.

— Не понимаю, доктор, — усмехнулся Ватман, — с чего это ты заступаешься за ту магнатку, которая способствовала лишению свободы твоей жены, насильно принудила тебя ехать в путешествие? Или за радзивилловского выкормыша — ты же был рабом его брата, и я видел твою спину. Что тебе до богачей, которые используют тебя, как щепку, поковыряют в зубах и брезгливо выбросят. Неужели ты не хочешь их наказать? Скажи, куда они уехали, а когда я выполню свою миссию, мы с тобой снова встретимся — и ты накажешь меня… Если, конечно, сможешь.

Наемник непринужденно, будто играя в чижика, отбил целую вереницу выпадов Лёдника.

— Я не за них, я за себя бьюсь, — сквозь зубы проговорил Лёдник. — Я одного от этих магнатов и князьков хочу — чтобы оставили нас в покое! Перестали торговать Беларусью! Чтобы решали свои амбиции, как пауки в банке: перегрызитесь вы там все и оставьте нам нашу землю!

Герман едва не достал доктора в бок… Но не достал и с досадой хмыкнул:

— А ты не заплыл жиром, Бутрим. Прыгаешь, как блоха. А в покое вас не оставят — если есть земля, будут и те, кто захочет ею владеть. А пока будут влиятельные магнаты — им понадобятся такие, как я.

— А вас, наемников, убийц, мы поганой метлой с Отчизны будем выметать! — Лёдник бешеным наступлением вынудил Ватмана отойти и даже чиркнул по подбородку кончиком сабли, но тут же сам был вынужден отступить. Каждый удар Ватмана полнился такой мощью, что сдержать его без усилий мог разве тот Голиаф, который завалил пана Гервасия Агалинского на бойцовской площадке в Лондоне. Но доктор держался — за счет мастерства и увертливости, которые уравновешивали недостаток силы в сравнении с беловолосым гигантом.

— Никуда мы не денемся! — скалился Ватман. — Мы будем приходить и забирать ваших женщин, и получать в награду имения, которые отберут у бунтовщиков, и вы станете воспитывать наших детей… А вот интересно будет, если пани Саломея родит от меня сына! И ты будешь его растить! Спроси, кстати, не в тягости ли женушка? Раз уж ты не смог сделать ей дитя, может, получилось у меня?

Доктор скрестил оружие с наемником с такой яростью, что если бы тот был слабее — свалился бы, как сухая камышина. Какое-то время дрался молча, упрямо… А потом сдавленно сказал:

— Пусть так… Пусть! У того ребенка будет и наша кровь. И мы воспитаем его в любви к этой земле, чтобы он до последнего боролся за нее с такими, как ты! Чтобы он не позволил твоим хозяевам продавать нас за возможность получить власть!

— Ничего ты не сделаешь, доктор, — презрительно проговорил Ватман. — Ни ты, мастер ученый, ни романтичные мальчики вроде твоего ученика, ни эти мужики. Вы — или инструменты, которым позволяют иметь немного соображения, или просто быдло, что гоняют кнутом. По мне, так лучше держать кнут в руке.

— Ты упускаешь одну важную деталь, Герман, — со сдержанным гневом проговорил сын полоцкого кожевника. — Кнутом можно погнать в храм или на войну… Но не заставишь искренне молиться или стать героем. Можешь взять женщину силой — но не заставишь ее полюбить. У каждого должно быть то, во что он верит и за что не побоится умирать. Что есть такого у тебя? Замок в чужой стране, набитый награбленным добром? У меня — моя любимая, мой сын, мой ученик, мой Полоцк…

— Не захлебнись пафосом, профессор, — бросил разозленный наемник. — Толкаешь речь, как герои древнегреческих трагедий. Сейчас я тебя просто убью. И через триста лет никто не вспомнит доктора Балтромея Лёдника со всеми его подвигами. А о панах Богинских, Сапегах, Радзивиллах, Понятовских и других властителях — будут писать в книгах и читать. Какими бы в жизни подлыми, продажными, жестокими они ни были. История — вещь несправедливая! И если не предназначено твоей Беларуси быть — она исчезнет, растворится в других странах, как десятки и сотни государств, княжеств, герцогств до нее…

— Она не исчезнет никогда, потому что всегда будут рождаться такие, как мы! — ответил Бутрим.

Во дворе имения Агалинских было шумно — зрители захватывающего боя ревели, подбадривали дуэлянтов, бранились… Короче, ничем не отличались от толпы в Дракощине, Томашове, Лондоне или Вильне, которой показывают зрелище с кровью и смертельным финалом… А финал должен был наступить скоро. Оба дуэлянта устали, пот и кровь заливали глаза. Наконец Ватман взревел, как медведь, и так махнул саблей вокруг себя, крутнувшись волчком, что доктору, уклоняясь от удара, пришлось броситься на землю. Сейчас же в то место, где он упал, воткнулась сабля. Доктор вертелся на истоптанной траве, как уж, едва успевая лежа отбивать удары, Ватман с хаканьем рубил саблей, не давая противнику подняться…

— Баба будет моей! — рявкнул Ватман и с силой воткнул саблю в Лёдника. Поднял — на клинке темнела кровь. Лёдник на мгновение замер, и вдруг изогнулся, как пружина, невероятным усилием послал изможденное тело вперед — и Ватман застыл, зажимая руками рану в груди, в его белых глазах возникло искреннее удивление:

— Тебе бы… доктор… в балагане выступать…

На губах наемника показалась кровавая пена. Гигант снова поднял саблю, сделал шаг к врагу, но зашатался и упал, как столб. Вырвичу показалось, что вздрогнула земля.

Лёдник упал на колени, уперся руками в землю и пробовал отдышаться. Прантиш подбежал к своему профессору:

— Бутрим, ты цел? Куда он тебя ранил?

Лёдник не мог даже говорить… Кто-то подал ковшик с водой. Профессор, захлебываясь, отпил, отдышался, поднял голову…

— Саклета?

Невысокая женщина в повойнике счастливо улыбалась:

— Пан доктор! Я, как только узнала, что вы в беде и на помощь зовете, сразу своего мужа отправила. И братьев его… И отец мой вон там, с конем, за деревьями.

Лёдник, пошатываясь, поднялся: рубаха на боку пропиталась кровью, похоже, там напоследок скользнула сабля Ватмана.

— Позвольте, я вам раны промою… Я лекарства взяла! Как вы тогда учили: с тысячелистником, с древесным маслом… И хлеб с плесенью — как же без него?

Доктор вытер рукой лицо.

— Значит, ты замуж вышла?

— Да! — счастливо улыбнулась Саклета. — Пан Гервасий приданое прислал… А Антось мой хороший, с детства меня жалел… Только раньше, когда у меня нарост на лице был, родственники не позволили бы ему ему на мне жениться. Теперь моему отцу помогает на мельнице. Все благодаря вам, пан Балтромей! Мне вовек не расплатиться!

От солнца осталась только багровая полоса над лесом. Балтромей, перевязанный, одетый, устало и мрачно взглянул на Прантиша:

— Ну что, поехали, рыцарь? Переночуем на мельнице, раз приглашают. Хватит, погостили у панов Агалинских… Свалились же они на нашу голову… Ромео да Юлия белорусского розлива… А лоб за них подставлять почему-то нам. Стар я уже для такой гимнастики.

— А как ты оказался здесь в самый нужный момент? — поинтересовался Прантиш.

Лёдник пощупал плечо со старой раной, осторожно поправил повязку на свежей, на боку.

— После твоего отъезда за «серебряным кордом» услышал, как у корчмы одна девица рассказывала другой о страшном великане с красными глазами и белыми волосами, который во главе войска помчался куда-то в сторону Глинищей. Соединил в мыслях два и два… Отправил Саломею в Вильню — нанял им с малышом повозку с кучером. А поскольку, в отличие от пана Вырвича, понимал, что один на один с отрядом не справлюсь, поскакал за помощью. Мужики наездов тоже не любят.

Когда Лёдник, прихрамывая, проходил возле тела Ватмана, около которого собрались наемники, готовясь без особой славы, но и без потерь покинуть Глинище, тело вдруг шевельнулось, и сильная, будто стальная рука, ухватила доктора за полу, так, что тот едва не упал.

— Наша дуэль еще впереди, доктор! — прохрипел Ватман. На его губах лопались кровавые пузыри. Лёдник освободился, мрачно осмотрел врага, которого один из сподвижников взялся лечить. Процесс лечения доктору не понравился:

— Подожди, не так, — скомандовал он самодельному лекарю. — Хлеб с плесенью положи сюда… Прижми… Так, чтобы воздух не проходил. Вот таким образом… — доктор помог перевязать рану, которую сам же и нанес. Ватман лежал, закрыв глаза, то ли потерял сознание, то ли не хотел видеть, как ненавидимый Лёдник его спасает.

— Когда повезете, положите на левый бок, — распорядился, тяжело вставая, Бутрим.

Вырвич с досады даже отвернулся. Теперь он ясно понимал, почему не хочет быть лекарем: вот так легко переступить через свои чувства ради клятвы Гиппократа и спасать жизнь врагу, который изнасиловал твою жену и мечтает только о том, чтобы тебя убить… Нет, пока что Прантиш на это не способен.

В последних лучах длинного летнего дня Прантиш заметил на лице Балтромея Лёдника мечтательную улыбку… Такую, какая бывает у путешественника, когда он, наконец, возвращается к любимым людям.

Эпилог

Восковое лицо совершенной красоты пятнали черные полосы сажи. Под носом куклы появились бандитские усы.

— Алесик! Что ты делаешь? — пани Саломея стащила малыша с колен Пандоры. Шикарное платье куклы тоже было в черных отпечатках маленьких ладоней.

— Тетка пр-ротивная! — уверенно заявил Александр Балтромеевич Лёдник, демонстрируя не только прирожденное стремление к экспериментам, но и только что приобретенное умение выговаривать звук «р»

— Пошли мыть руки! — строго сказала Саломея. — Ну что ты наделал, папка ругаться будет…

— Не будет! — заявил малыш. — Он эту тетку не любит!

Прантиш еле сдерживал хохот. Сын профессора все папкины секреты рас-

крывал легко — видимо, из-за сходства характеров. И уже пользовался этим по полной: каким бы строгим отец ни выглядел, как бы ни отчитывал малыша за проказы, а стоило тому всхлипнуть или сделать жалобные глаза — и таял, как воск на солнце… А уж когда малыш начал задавать вопросы — почему яблоко падает вниз, а не вверх, как сделан телескоп, почему кровь красная — расчувствовался, и читал захватывающие лекции… И что только из этого ребенка вырастет? Разве что новый профессор…

А вот интересно, унаследовал ли малыш магические способности отца?

Конечно, об этом Прантиш вслух никогда не спрашивал. Лёдник всякие воспоминания о ведьмарстве, тайных знаниях и предсказаниях будущего на дух не переносил. Сколько молитв после возвращения из путешествия святому Киприану отчитал…

Пани Саломея подхватила чумазого, как лондонский трубочист, черноволосого и уже немного клювоносого мальчика на руки и понесла мыть. Пани млела от счастья, когда малыш время от времени называл ее «мама». Сама она рожать пока что не собиралась… Прантиша беспокоило, как Лёдники переживут признание Ватмана о его гнусном поступке. Был тяжелый разговор за закрытой дверью, после которого пани ходила с заплаканными глазами, а доктор был молчалив, как трясина. Ясно — укорял, почему не рассказала о беде… Он ведь сразу, с порога, свои грехи вывалил. Потом были нежные поцелуи, объятия и слезы облегчения… И, похоже, после пережитой беды полочане стали еще дружнее.

Будет ли когда у Вырвича такое счастье?

Вот он, отпущенный на праздник домой — да, именно у Лёдников его дом, — сидит красавец в мундире, с заметными усиками, при литом поясе со слуцкой персиярни, при золотых галунах и в красных сапогах, девицы млеют — а большой и верной любви нет. Исчезла княжна Богинская за океаном, единственный след — передала из Гданьска записку без подписи. Мол, отплывают, помогай святой Христофор.

Во дворе залаял рыжий Пифагор — весело, приветливо. Что-то, тоже приветственное, забубнил Хвелька… Значит, вернулся хозяин.

Лёдник устало вошел в комнату, снял шляпу, поставил свой докторский саквояж, сел на диван, провел рукой по худому клювоносому лицу.

— Тяжелая операция была… Еле отходил пациента. Желчь разлилась в брюшину… А опытных ассистентов не хватает, — этот упрек он адресовал Вырвичу, который медицину ради военного дела отринул. Прантиш, однако, ни на йоту вины не чувствовал — пан Вырвич герба Гиппоцентавр, наследник Палемона — шляхтич, рыцарь, вой!

Маленький Алесь радостно подбежал к отцу, забрался на колени. Лёдник поцеловал малыша в лоб и, откинувшись на спинку дивана, закрыл глаза, прижимая к себе сына. Пани Саломея быстро накрывала на стол…

Никто не знал, сколько судьба позволит длиться таким тихим вечерам, наполненным семейным счастьем, поэтому они и были особенно дороги всем.

На улице послышались выстрелы и крики… Лёдник даже не шевельнулся, не открыл глаза, единственно — по его лицу пробежала тень. Вырвич вскочил, выглянул в окно:

— Что там делается? Бутрим, знаешь что-нибудь?

Лёдник тяжело вздохнул и неохотно ответил:

— В соборе люди Станислава Понятовского начали стрелять по радзивилловским… Ну и… снова сеча. Видимо, скоро прибегут просить кому-то из панов выпущенные кишки вправить.

Прантиш засуетился, схватил шапку, саблю. Пани Саломея тревожно смотрела на него.

Лёдник только грустно спросил:

— За кого драться будешь, драгун?

Прантиш немного задумался, потом улыбнулся, расправил плечи:

— Не бойся, в глупую ссору не полезу. Но что я за шляхтич, если стану прятаться от драк в тяжелые для родины времена? За кого драться? Ясное дело, за волю, за Беларусь! Ну, прощайте!

Прантиш выбежал во двор, вскоре по мостовой застучали копыта его коня…

— Как думаешь, он не попадет в беду? — спросила Саломея.

Лёдник только пожал плечами.

— Во время ливня не вымокнуть невозможно. Неизвестно, куда нас политические вихри занесут. Будем молиться, Залфейка, и ждать. Если у человека есть честь и любовь к Родине — он не станет щепкой на чужих волнах. Не пропадет и его мость пан Прантиш Вырвич.

Над Вильней зазвенели колокола, поплыли облака, заплакали ангелы… Солнце пробилось сквозь тучи, как огненный меч.

И не было иного времени и иного места для тех, кому была предназначено жить, любить и бороться здесь, где живет Беларусь.

Перевод с белорусского Павла ЛЯХНОВИЧА.

Софья ШАХ

Нет, судьба не даст в обиду

* * *

Синевою высь горит,
сине-солнечный зенит.
Стоит шире лишь взглянуть, —
можно в далях утонуть.

Можно зренье рассинить,
раззадорить, растворить,
где лучистый небосвод,
где Господень Дух живет.

Где звучат из всех веков
то ли музыка без слов,
то ль слова, в которых вдруг
гимн небесный слышит слух.

Может, там, средь высоты,
среди Божьей чистоты,
увлеченности знаток,
кистью так художник смог.

И творит он эту синь,
как святыню из святынь,
на подъеме храмов*о*м —
на родной весь окоем!

* * *

Господь Ты мой, какая сила
однажды душу окрылила
и вознесла до синевы!
Мне сила эта — Вы.

И с той поры, со встречи нашей,
я вижу мир совсем иначе,

совсем не тот, в каком жила…
Он — Вашего тепла.

И столько в мире несказанной
Поэзии, совсем нежданной,
что проза будней мне сейчас —
поэзия. От Вас.

* * *

Никаких не стану слов
зря тратить даже, —
хоть скажу я вновь и вновь
о счастье нашем,

а словам не донести
всю суть признанья,
но легко его найти
в моем дыханье.

Чудные слова — и все ж
мне что-то застит:
«Мысль изреченная есть ложь», —
неправда, значит.

Я же лгать Вам не хочу, —
несомненно,
и когда молчу — молчу
самозабвенно.

У молчанья моего
такая верность,
что слова все для него —
просто бедность!

* * *

И я живу на этом свете,
не зря присутствую я в нем.
Воспринимаю солнце, ветер,
дышу туманом и дождем.

И я так зрением вбираю
цвета, что тешат душу мне.
И я их блики не теряю
ни в ярком свете, ни во мгле.

Ловлю звучание раздолья —
живую музыку земли,
что удивляет вольной волей,
не важно, где — вблизи, вдали.

Живу, живу, — дух занимает,
и светится душа моя,
что и меня мир окружает,
что есть же в нем и я!

* * *

Как подходит родимым просторам
цвет вот этой осенней поры,
если тучи — над лугом, над полем,
а ветра уже — не бунтари!

Если где-то вдали, за туманом,
скупо зреет и свет, и тепло,
чтобы утро еще осиянно
над землею подняться могло.

Чтоб себя вволю день мимолетный
в этой скупости смог развернуть,
проникая в безлистые кроны,
обнимая их сизую грусть.

Чтоб, не глядя на зябкую влажность,
ощутил уже весь окоем,
что живая, манящая радость
есть щемяще и в цвете таком…

* * *

Слава Богу, оптимистка, —
вижу и бедой своей,
как проходит близко-близко
радость тонкая над ней.

Нет, судьба не даст в обиду,
да в такую, чтоб — навек...
Из беды я все же выйду, —
я — везучий человек!

Выйду, посмотрю в раздолье
да в загадочную даль —
и замечу там, за полем,
то, что видится едва ль,

что за дымкой лет (и стольких!)
светло-теплой, неземной,
словно духом жизнестойким,
управляет нынче мной.

* * *

А мамы нигде нет, нигде на земле…
Все те же пригорки, луг, поле во мгле,
все те же деревья так тянутся к свету,
а маминых здесь и следов даже нету…

Ветра то шалеют, то лаской встречают,
дожди то крупнеют, то снова мельчают,
тропинки то в снеге, то в талой воде,
а мамы — нигде в белом свете, нигде…

Поднимется солнце, луна расплывется,
Вселенная глубями звезд развернется…
Ни ночи, ни дни не помощники мне:
как вечность, само отрицание «нет».

* * *

Который год, который век
течет под звездами все дальше,
а я, родной мой человек, —
созвучно Ваша.

За светом тьма, за тьмою свет,
в итоге — времени пропажа,
а я и там, где солнца нет, —
сердечно Ваша.

Что знает высь — судьба взяла
так очарованно, бесстрашно,
а я, где б жизнью ни была, —
душевно Ваша.

О, эта сущность, что во мне!
Ее и впрямь не скажешь даже,
но в каждом Богом данном дне —
я вечно Ваша!

* * *

Завершилось лето дочкиным отъездом
в августа начале, в мареве окрестном.

Оглянусь с тревогой: да была ль со мною?
Вновь она далеко, вновь сама с собою.

А была меж тропок, меж берез-березок, —
в шепоте листвы мне слышен отголосок.

А была меж пенья пташек мимолетных
и меж дуновений ветерков озонных.

Завершилось лето, зори отблестели —
и в реке заметно волны поседели.

* * *

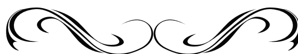
Все единое, не отреченное:
дочь, и внучка, и муж мой, и край.
Пусть же их обойдет сила черная!
Дай им светлую, Господи! Дай!

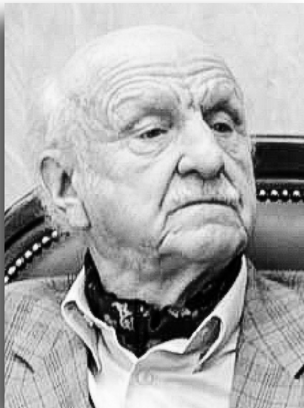
Только в этом связь вижу привычную,
и ее не заменишь ничем:
дай мне силу, а хоть горемычную, —
я нужна же им, Господи, всем!

Я о них что ни день вдохновением
беспокою Всевышний Твой слух,
ибо к ним даже сердцебиением
мой всегда устремляется дух.

Коль меня наделил беспокойностью
волноваться за них и любить,
то уже надели и возможностью
им опорою долгою быть!

Перевод с белорусского Изяслава КОТЛЯРОВА.





Владимир ОРЛОВ

Закадровые истории

Из записных книжек кинорежиссера

Когда актеры или режиссеры будут искать сочувствия: «Ах, как трудно далась мне эта роль…» или: «Ох, как трудно дался мне этот фильм…» — не верьте. Посоветуйте жалобщику поработать в Солигорской шахте или в страду полторы смены на комбайне, — может, там полегче. В искусство идут по призванию, а это, как сейчас принято формулировать, «уже по умолчанию» — любимое занятие, которое не в тягость. Результат всегда: на экране или на сцене.

А вот правдивое «как это далось»*, это «как» — всегда интересно. Столько неожиданного остается за кадром, за кулисами, в цирковых и театральных гримерках — зачастую оно не менее интересно, чем сам результат.*

Вот то, в чем участвовал, чему был свидетелем или что услышал от моих коллег.

Старт к Старку

Поскольку «Всю королевскую рать» снимали на «Мосфильме», то подбор актеров лег на Михаила Козакова. Его кандидатуры были настолько точны, что в творческой группе не обсуждались: имена гремели на весь Союз. Загадочной была личность питерца Павла Луспекаева, которого мы знали лишь по эпизоду в «Республике ШКИД». Но в начале 70-го обаял он нас ролью таможенника Верещагина в «Белом солнце пустыни». Его и утвердили на роль губернатора Старка.

Начались репетиции в номере Луспекаева, в гостинице «Пекин». Его партнеры приходили после своих репетиций, а потому их сразу усаживали за стол, который накрывала одна из тех элегантных красавиц, что посещали Павла. Но то ли от нежелания «выплескиваться» раньше времени, то ли — осмысливаю уже сейчас — от рокового предчувствия, что не сыграть им этой сцены вместе, репетировали они неохотно.

Через две-три сценарные реплики отвлекались, что-то вспоминали, некими богемными вестями обменивались, много смеялись — и то, что должно было стать репетицией, превращалось в актерские «посиделки».

Как-то сорежиссер Гуткович попросил меня свести Олега Ефремова, утвержденного на роль Артура Стентона, порепетировать с Павлом.

Гуткович раскрыл сценарий он, едва начал объяснения, его нетерпеливо прервали:

— Саша, это все замечательно написано в сценарии. Чего повторять! — подозрительно скучным голосом бубнит Луспекаев.

А чуткий Ефремов, опасаясь Пашиного взрыва, смягчает:

— Александр Захарович, вы вот послушайте, как мы сыграем, а потом сделаете замечания.

Но при слове «замечания» Павел набычивается, смотрит в окно. Ефремов произносит свои реплики, ждет ответа. Пауза.

— Очень хорошую паузу вы нашли здесь, Павел Борисович, закрепим это, — в тишине мягко вступает Гуткович, шелестя страницами сценария. — Зрители должны почувствовать, о чем Старк сейчас думает. Олег Николаевич, подайте, пожалуйста, реплику еще раз.

— Я думаю сейчас, Саша... — задумчиво и выразительно играет душевные терзания Луспекаев. — Я думаю: одеться и спуститься в ресторан или заказать закуску сюда. Ты любишь кабаки, Саша?

Деликатный, целомудренный Гуткович смущается, с улыбкой бормочет что-то. А мудрый Ефремов уже гасит искры раздражения у одного и некоторую растерянность вместе с излишней «жаждой творчества» у другого:

— Сыграем мы это, Александр Захарович, сыграем, вы уж нам поверьте.

— Да уж, поверь нам, Саша, — с глубоким вздохом и «задушевной» искренностью заверяет Павел.

На этом, собственно, репетиция заканчивается.

Неизвестное о таможеннике Верещагине

В рамках одного из «Листопадов» начала 2000-х участники ездили по республике, встречались со зрителями. В одной из поездок я сблизился с Владимиром Яковлевичем Мотылем. Я рассказал о находящейся в печати моей книжке «Закадровые истории фильма «Вся королевская рать» глазами одного из его создателей». Естественно, зашел разговор о Луспекаеве. Мотыля интересовали подробности начала съемок с Павлом Борисовичем, последних дней его жизни, чем я и поделился.

Стал откровенным и режиссер легендарного фильма:

— Луспекаев, несомненно, обладал каким-то мощным энергетическим полем. Отсняли мы для «Белого солнца пустыни» весь большущий эпизод на берегу у баркаса, как вдруг солнце зашло за плотные облака. Причем я четко рассмотрел их нижний белый слой и верхний серый, потому что с оператором то и дело выбегал из палатки, чтобы взглянуть на небо. Паша неимоверно страдал от физической боли: он снимался после недавней операции, уже после ампутации стоп. Но терпел муки молча, стиснув зубы. И вот после наших метаний он выбрался из палатки, стал сосредоточенно глядеть на небо... Тут все увидели, как вдруг между слоями облаков появился некий НЛО, очень похожий на «летающую тарелку». Паша, не отрываясь, смотрел на него... А в эти же минуты мой второй режиссер Саша Конюшин находился километров за восемь, на базе съемочной группы в Каспийске, и он потом подтвердил, что видел в нашем направлении серебристое сигарообразное тело в небе, то есть НЛО, сбоку, в профиль. А над съемочной площадкой, словно под взглядом Павла, облака стали расходиться по радиусам, очищая небо... Никто не догадался включить хоть одну из трех кинокамер, — может, и к лучшему… «Давайте снимать», — устало просипел измученный Луспекаев.

И еще рассказал мне Мотыль, как они с Луспекаевым и нашим общим приятелем режиссером Геннадием Полокой и с женой Гены красавицей Региной, развеселившись после обильного ужина, затеяли игру в полярников, якобы зимующих безвылазно в заснеженном домике. Разгорались страсти из-

за единственной женщины... Павел настолько поверил в придуманные обстоятельства, приняв гостиничный номер за зимовье, что когда семейная пара уже, наигравшись, так сказать, «выключились» и со смехом обсуждали нехитрый групповой актерский этюд, он буквально заплакал в ярости и горести, что не дали ему сыграть то, что он себе нафантазировал, не дали подействовать в жестких обстоятельствах — и, возможно, лишили себя счастья видеть гениальную актерскую импровизацию.

Смерть Павла Борисовича закрыла несколько кинопроектов, где предполагалось его участие. В частности, Владимир Мотыль сразу же принял решение отказаться от постановки фильма «Лес» по А. Островскому, так как не видел больше исполнителя роли Несчастливцева: она предназначалась только Луспекаеву.

Поиски «гения» и «личности»

Именно такую планку мы с Михаилом Козаковым поставили перед собой в поисках замены ушедшему в вечность Павлу: это должен быть гениальный — или хотя бы очень талантливый — актер и непременно — значимая личность. Да Москва полна таких! — были мы уверены.

И начали, как говорится, перебирать имена.

Правда, в первую же ночь после смерти Павла — дурные вести расходятся быстро — в квартире Козакова раздался звонок из Куйбышева. Там гастролировал Театр им. Моссовета. Звонил Георгий Жженов, он предложил свою кандидатуру на роль Старка. Михаил обещал передать предложение минской съемочной группе.

Прямо скажу: у режиссерской группы кандидатура Жженова энтузиазма не вызвала, мы отнеслись к ней как к одному из многочисленных предыдущих предложений маловостребованных актеров. Помнится, звучали такие оценки Георгия Степановича: мелковат, курнос, — и следовательно, он славянин, не американец (можно подумать, что все остальные актеры подбирались у нас по принципу некоей неопределенной «американской» типажности!). Да и вообще, мол, «замарал» себя Жженов, снимаясь в фильмах низкого жанра: в советских детективах...

Словом, Козакову посоветовали тактично отказать Жженову по какому угодно — на его усмотрение — поводу. Выслушав на следующую ночь наш «уклончивый ответ», Георгий Степанович сказал буквально следующее: «Скажи, Миша, своим белорусам, что они дураки. Лучшего, чем я, артиста на эту роль им не найти». И повесил трубку. Вот так, дословно, передал нам жженовское заявление на следующий день Козаков.

И пошли мы с Козаковым по «гениям» и «личностям»! Все роман читали, все нам сочувствовали. Но!..

Сергей Бондарчук улетал в Италию на монтаж фильма «Ватерлоо».

Армен Джигарханян только что подписал контракт на съемки во 2-й серии «Неуловимых мстителей».

Владислав Стржельчик не решался браться за эту роль «после друга Паши».

Леонид Марков из Театра им. Моссовета на кинопробе выглядел суховатым, скованным, хотя, ценя его дарование, ему приехал «подыграть» сам Олег Ефремов.

Главный режиссер ЦТСА Андрей Попов на экране выглядел староватым.

Главный режиссер Театра на Таганке Юрий Любимов — я еле пробился к нему, еле уговорил! — сцену митинга сыграл на пробе как фарс.

Уже в отчаянии «перекинули» с роли Адама Стентона на роль губернатора Олега Ефремова, хотя и он, и мы понимали тупость затеи…

И все: кончились «гении» и «личности»!

Как раз в поисках и пробах прошел месяц, вернулась с гастролей труппа Театра им. Моссовета… И мы — уже официально! — пригласили на кинопробу Жженова. Он вежливо поблагодарил и принял предложение.

Подготовился он исключительно: точно знал текст огромной сцены, придумал свое существование в ней. Он прилег перед камерой на диван и, покусывая зубочистку, слушал и как-то лениво комментировал суетливый доклад помощника Дафи, блестяще сыгранного Борисом Ивановым. Губернатор знал, что Дафи «работал» на его конкурента, был в его стане попросту шпионом. Жженов вел сцену тихо и как-то даже неохотно говорил, словно цедил каждое слово. Только изредка бросал он пронзительный взгляд, отчего толстяк Дафи словно уменьшался в объеме. В интонациях губернатора чувствовался сарказм проницательного человека, который видит собеседника насквозь, который просчитывает и свои слова, и вообще ситуацию на много ходов вперед. Честное слово, если бы не случайная выгородка, где проводилась кинопроба, — декорация интерьера губернаторской резиденции еще только строилась, — если б не собственный, явно советский, «москвошвеевский» костюм, в котором явился Георгий Степанович, эту сцену в ее «кинопробном» варианте можно было запросто брать в фильм. Мы были очарованы и обрадованы столь неожиданным «попаданием» актера в образ и как-то сразу восприняли именно такого Старка, даже подметили теперь его сходство с кинозвездой Голливуда Ли Марвином, у которого тоже несколько вздернут нос.

Талант + талант = удача

Но вот декорация — комплекс губернаторской резиденции — готова. Первый съемочный день «нового» Старка. Первый выход Жженова на съемочную площадку. Все мы как бы настороже: ему предстоит заменить умершего «губернатора» — великого Павла Луспекаева!

Репетиция: стоит каменно застывший, величественно спокойный Евгений Евстигнеев — подрядчик-строитель Ларсен. А губернатору предстоит яростно «давить» его: не давать втянуть себя в авантюру, не позволять себя шантажировать...

Но и все мы, и актеры понимаем, что сцена не получается: все перед глазами репетировавший это Павел Борисович стоит…

И тут Евстигнеев не выдерживает: «Жора, стань на мое место!» Жженов становится, а Евстигнеев проигрывает за него весь текст, всю сцену: подступается, налетает, да так грозно «давит» на партнера, что нам становится даже страшновато… Сыграв, Евстигнеев в паузе буркнул: «Прости, Жора…» — и стал на свое место в кадре.

Жженов растерянно отошел, выдавил тихо: «Сегодня сниматься не могу». И вышел из декорации. Зато назавтра пришел возбужденный и сыграл сцену по рисунку, показанному накануне Евгением Александровичем. Так и сняли.

Результат на экране: возможно, лучшая сцена у Жженова в этом фильме.

Многоликий «Иванов»

В киноролях он как-то особенно и не перевоплощался. Кто-то даже злорадно убеждал меня: мол, Олег Ефремов всю жизнь играл того артиллериста из фильма «Живые и мертвые», который, выйдя из окружения, запомнился фразой: «Как фамилия?.. Иванов. На нас, Ивановых, вся Россия держится».

Пространство своих киноролей он всегда расширял — бывало, и невольно, просто от избытка идей.

Так было в фильме «Гори, гори, моя звезда», где он предложил режиссеру Александру Митте сыграть роль сельского художника… без слов.

Так было и с Адамом Стентоном во «Всей королевской рати», и с другими его созданиями.

В чудесном, по эксцентричным придумкам даже новаторском, фильме «Айболит-66» он играл главную роль. На мои восторги от его исполнения Олег Николаевич предался воспоминаниям:

— Сценарист Вадим Коростылев все жаловался, переживал: и то, мол, не так, и это плохо, и что-то там не дают сделать, что-то запрещают!.. Я тогда и успокоил его: «Так это же подвигает нас на поиск! Сколько новых решений нашли! А значит, это хорошо, что нам плохо!» И сценарист тут же ухватился за мои слова и вскоре сочинил песенку, которую я пою в фильме:

Если б вредный Бармалей
козни нам не строил,
то не знали бы, что мы,
видимо, герои:
ведь не стал никто из нас
ахать или охать, —
это очень хорошо,
что пока нам плохо!
Это даже хорошо,
что пока нам плохо!

Но раз поет доктор, должен запеть и Бармалей! И вот уже и ему пишет Коростылев песенку «Нормальные герои всегда идут в обход!». Так полюбившийся впоследствии юным зрителям фильм обретал, благодаря подсказке Ефремова, музыкальный уклон. Он любую свою роль мог превратить в главную. Рассказывал мне про съемки в «Войне и мире» у Сергея Бондарчука:

— Сергей Федорович признался как-то, что давно хочет со мной поработать, что вот теперь есть такая возможность, фильм, мол, огромный, ролей много, — и дает при этом для ознакомления список ролей с графиком занятости и местами съемок. Я вот на это, последнее, и смотрю: чтоб было, значит, не очень много съемочных дней и чтоб без экспедиций, а тут, под Москвой. Нашел подходящее, ткнул пальцем в соответствующую строчку, говорю: «Вот кого хочу сыграть». Бондарчук глянул на имя персонажа, как-то смутился и заметил неуверенно: «Долохова?.. Олег Николаевич, но Долохов же у Толстого — красавец, аристократ...» Я молча развел руками: мол, никаких иных вариантов.

И умница Бондарчук, который до этого, может, также видел в Ефремове только «Иванова», согласился. Теперь толстовского бретера Долохова иначе как в ефремовском исполнении себе не представляешь. Он, раненный на дуэли в живот, сбитый пулей, от нестерпимо жгущей нутро боли запихивает снег себе в рот, требует от противника: «К барьеру! За мной еще выстрел...» И целится пистолетом в трясущихся руках, а в дуло уже набился снег! Разве же этот образ похож на сурового педанта Иванова? Великий артист, он из каждой своей роли делал г л а в н у ю .

Голос Эдиты в довоенном польском кабаре

Музыку к фильму «Красные листья» писал популярнейший в ту пору кинокомпозитор Николай Крюков, яркий профессионал, «симфонист»: достаточно вспомнить щемящую музыкальную тему фильма «Сорок первый». Но для сцены «Кабаре» требовалось иное: довоенное польское танго, и для этой специфической работы пригласили знаменитого Ежи Бельзацкого, музыкального хозяина джаз-оркестра Эдди Рознера. Бельзацкий вырос в Варшаве, играл там в ресторанах, был тапером в кинотеатрах, а потому «песэнки» (с ударением на «э») — его стихия.

В репетиционной комнате «Ленфильма», — а на студии уже строили декорацию кабаре, — в феврале 1958 года собрались: режиссер фильма Владимир Корш-Саблин, композитор Николай Крюков, приехавший из Минска Ежи Бельзацкий, мало кому тогда еще известная студентка университета Эдита Пьеха и ее муж Александр Броневицкий. Всемирный фестиваль молодежи и студентов, прошедший летом 1957-го, принес их ансамблю «Дружба» большую популярность.

Бельзацкий садится за рояль, они с Пьехой переходят на польский язык, и начинаются воспоминания о жизни и музыке довоенной Варшавы. Больше часа Эдита пела только ему, он играл только для нее. Она вспоминала детство, он — молодость. Мелодию Бельзацкий сочинил, по-моему, там же, за роялем, а уж наложить идейные слова про «белую, несмелую ромашку полевую» было делом сценариста фильма — поэта Аркадия Кулешова. Помните, как голос Эдиты Пьехи идеально «лег» на исполнение этой песни Кларой Лучко в роли певицы кабаре Ядвиги?

В преддверии всемирной славы

Как-то неожиданно оборвалась призрачная хрущевская «оттепель» 60-х, страна начинала каменеть в застое, а общество затаилось в сусловском идеологическом крепостничестве. Все чаще «клали на полку» фильмы, что придавало им, как и всему запрещенному, ореол страдания и вызывало дополнительный интерес. И тут к нам на «Телефильм» привез Марлен Хуциев на показ полный, еще не «резаный» вариант «Заставы Ильича» по сценарию Геннадия Шпаликова. Фильм потом столько курочили, изменив название в «Мне двадцать лет»! От Хуциева узнали, что «Совэкспортфильм» продал за валюту «Андрея Рублева», а нам в СССР демонстрировать фильм Андрея Тарковского категорически запретили: как же, он про иконописца! Ходили какие-то неопределенные слухи про необычного и совсем неизвестного актера, который дебютировал в «Рублеве», сыграв главную роль: Анатолия Солоницына.

Как раз в описываемое время в нашем Русском театре был очередной кризис: снова искали, кто бы мог возглавить коллектив. Тогда здесь каждый сезон менялся руководитель. По воспоминаниям актеров, они не успевали запоминать имена-отчества главных режиссеров. Зрительный зал, естественно, пустовал. И тогда пригласили откуда-то из Сибири «варяга»: умелого организатора, директора Половца. Тот быстро приехал со своей командой, в которую входили и актеры: были среди них одноногий силач Адольф Ильин с женой и одинокий Анатолий Солоницын. Жили они, понятное дело, в театральной гримерке, — кажется, рядом с той, где за десять лет до того жила

семья Янковских. Мы славно пировали и там, и на какой-то частной квартире, которую позже арендовал театр для семьи Ильиных. И на этих встречах я узнал про актерскую судьбу Анатолия Солоницына, про то, что он и есть тот самый неизвестный нам «Рублев».

Я пригласил Анатолия Александровича прочитать в моем фильме «Остальные 17» авторский текст. Потом много времени просиживали мы на кухне в моей квартирке на Каховской. При первой же встрече Анатолий преподнес мне превосходно, но мизерным тиражом, изданную только на экспорт книгу об иконописи своего друга-художника Савелия Ямщикова. Тот был одним из консультантов фильма о Рублеве. Так постепенно подошел Анатолий к воспоминаниям о работе с Тарковским. Не помню, чтобы он шутил или повышал голос, — говорил как-то даже монотонно, но вот от этой манеры все сказанное превращалось во что-то многозначительное, еще, наверное, и потому, что разговор шел только на высокие темы.

Нет фонограммы — и не имею права переводить исповеди в прямую речь. Но передам из его воспоминаний один действительно жуткий эпизод, доверительно поведанный мне. Здесь и отношение актера к творчеству, и ощущение им прикосновения к чему-то величественному и вечному, и яркое проявление менталитета «совка».

«Страсти по Андрею» — так изначально назывался тот легендарный фильм — снимался в небольшом старорусском городке со множеством церквей. То ли Солоницын приехал туда на день раньше, то ли задержался актер, номер которого в переполненной гостиничке он должен был занять, но с извинениями администрация съемочной группы попросила приехавшего Солоницына провести одну ночь в общей комнате. Анатолий спокойно воспринял это как незначительную жизненную неурядицу, которая была мелочью по сравнению со страданиями Андрея Рублева. Здесь нужно сказать, что, глубоко войдя в роль, Анатолий Александрович к тому времени отрастил уже длинные редеющие волосы, и как его герой дал обет молчания, пока не закончит икону, так и актер жил уже полгода молча, дав обет поститься, пока не закончит сниматься в этой роли. Он чутко воспринимал все, что касалось личности Рублева, какую с такой жертвенностью воплощал. В съемочной группе про это знали и, передавая актеру информацию, были довольны его понимающим взглядом или легким кивком. Надо ли добавлять, что это очень впечатляло и нравилось режиссеру Тарковскому.

Поужинав постным и помолившись, Солоницын лег на кровать лицом к стене, чтобы сосредоточиться на роли, войти в душевное состояние гениального художника, продумать завтрашний эпизод. В комнате было пять кроватей, и не знал несчастный служитель муз, что здесь проездом задерживались всего на одну ночь шоферы-дальнобойщики.

Вот, как стемнело, они и слетелись. Разложили ужин. Заметив неподвижно лежащего, видимо, спящего человека, перешли на разговор вполголоса. Если бы все этим и закончилось, то и не было бы Солоницыну о чем мне рассказывать. Но...

Водители обсуждали свои проблемы. Когда начинали непроизвольно повышать голоса, кто-то из них осторожно «утихомиривал» компанию. Однако чем дальше, тем трудней и трудней это удавалось: алкоголь развязывал языки.

Анатолий вживался в роль, молча мысленно повторял текст. Вдруг один из шоферов слегка дотронулся до его плеча: «Мужик, может, выпьешь с нами?»

Артист вежливо улыбнулся, отрицательно покрутил головой и снова прилег. А тот, попросив прощения, отошел. Компания теперь уже гудела громко, не сдерживаясь. Через некоторое время еще кто-то толкнул Анатолия и предложил присоединиться. Он снова отказался. Таких предложений было несколько, со все нараставшей частотой и настойчивостью. Заметив его длинные волосы, кто-то презрительно бросил: «Поп, что с него взять!» Постепенно водители, поглощая водку, с собственных тем переключились лишь на обсуждение персоны необычного соседа, стали уже, что называется, «вязаться» к нему. Анатолий в ответ только вежливо улыбался. Подпившие шоферы подступали к нему все с большей настырностью, окружили его кровать, подняли его и буквально стали заставлять пить. Его длинные волосы, немота, улыбчивая покорность раздражали их все больше. «Ах, он не хочет с нами даже поговорить!» — возбужденно подхватился кто-то из компании. «Этот поп нас форменно не уважает!» — добавил другой. «Неуважение» — это был уже вызов, убедительный аргумент. Шоферы попробовали силком влить водку прямо в рот актеру. Солоницын сжал зубы. Они зло обхватили его, скрутили руки и прямо из бутылки, «из горла», стали лить водку, расплескивая по лицу, кровавя Анатолию рот. А потом стали просто избивать — как же, компанию не уважает!

Ранним утром комната была пуста: шоферы подались в рейс. Съемочная группа, узнав про все, упрекала артиста: что ж не позвал на помощь, мы же, мол, были рядом!? Он молчал, потому что знал: терпел Христос, страдал Рублев, теперь его, актера, очередь.

А здесь, у нас в Минске, не нашлось подходящих ролей в репертуаре Русского театра, не нашлось Солоницыну крыши над головой, и вообще, места в театральной жизни столицы Беларуси. И он уехал отсюда, на прощание прочитав закадровый текст в моем «гриновско-морском» фильме. Потом уехали Ильины, куда-то исчез и Половец. Возрождение Русского театра отложилось аж до прихода в него директора Эдуарда Герасимовича и режиссера Бориса Луценко. Кстати, Борис Иванович, когда снимал на «Беларусьфильме» «Раскіданае гняздо» Купалы, пригласил на роль Неизвестного Анатолия Александровича. Правда, в осмыслении этого персонажа режиссер тогда еще не поднялся до такого озарения, что Неизвестный — это Богочеловек. Тот замысел позже воплотил он в своем спектакле на той же сцене, где так бесславно пытался закрепиться великий артист Анатолий Солоницын.

Мы с ним встречались еще. Это было в Москве, на Студии им. Горького, на съемках фильма «У озера» в постановке Сергея Герасимова. Когда я появился на съемочной площадке, то Анатолий и Юрий Кузьменков, который снимался в моем фильме «Родом отсюда» (по Ивану Пташникову), вместе бросились приветствовать меня. А знакомя со знаменитым режиссером, объяснили ему: «Мы работали с Володей раньше, чем с вами, Сергей Аполлинарьевич!»

А тот мой давний фильм о морском моделисте Малютине начинался текстом, который своим ровным, «солоницынским» голосом читал Анатолий:

— Петр Первый строил корабли, а в свободное время любил лечить и рвать больные зубы. А Игорь Петрович Малютин наоборот: семь часов ежедневно в поликлинике выхаживает пациентам зубы, а остальные семнадцать часов строит корабли.

И на экране появлялось название фильма:

«Остальные семнадцать».

Андрей СКОРИНКИН

В родном краю, как на чужбине...

Возвращение странника

Бреду дорогой столбовой,
Босой, голодный, чуть живой,
Слезами, кровью обливаюсь...
Перед глазами — край родной...
Но он ли это?.. Боже мой!..
Смотрю вокруг и ужасаюсь...

Здесь пел когда-то соловей
В тени березовых ветвей;
Я наслаждался райским пеньем,
И звезды плакали со мной
Лучами света в час ночной
От неземного наслажденья...

Все это было так давно!..
Уж небо мглой занесено,
И рощи нет уже в помине,
И нет, конечно, соловья,
И не от счастья плачу я
В родном краю, как на чужбине...

Дилемма

И куда мне пойти — простаку?
И в какую поверить идею?
Я по-старому жить не могу,
А по-новому жить не умею.

И с предчувствием грозной беды
Я слежу, как течет к нам валюта...
Все земные пути мне чужды,
Видно, царство мое не отсюда!..

Послание в рай

Нине Семеновой

О, тетя Нина дорогая!
Пишу, не ведая о том —
Дойдет ли мой пакет до рая,
Куда вы призваны Христом?
Я не успел проститься с вами,
А потому хочу сейчас,
Как старый клен, осыпать вас
Неудержимыми словами...

Под вашим ангельским крылом
Средь грозных бурь я был спокоен,
В жестоких битвах мой шелом
Не знал ни трещин, ни пробоин.
И лишь едва расстались мы,
Как я о шар земной споткнулся:
Поранил сердце и очнулся
На алтаре у князя тьмы...

О, тетя Нина, тетя Нина!
Вы были для меня святой!
Я вас любил любовью сына,
Любовью чистой и простой.
Но вы теперь на брачном пире,
Куда поэту путь закрыт...
Пускай вас в небе Бог хранит,
Как вы меня хранили в мире!..

Эдемский марафон

Один Адам, сбежав из Палестины,
Другой Адам, сбежав из СНГ,
Встречаются, достигнув середины,
И каждый вертит пальцем на виске...

Не так ли мы, в цепях мечты блаженной,
Из мира рвемся в дальние края?..
Как будто существует во Вселенной
Держава идеального царя...

Смута

(Из Гете)

Смута, смута, сколько можно
Издеваться надо мной?

Сколько будет мне тревожно
За себя и край родной?

Как нам быть? Куда податься?
Широки твои врата...
Если лада не дождаться,
Дай забвения тогда!

Цветные сны

Сказочной яркости сны
Снятся в преддверье весны.

Детство воскресло во мне,
Маленьким стал я во сне.

Мама гуляет со мной
Тихой тропинкой лесной,

Звонко поют соловьи,
Трогая чувства мои.

Сам я пока не пою
Грустную песню свою, —

Нет еще в сердце тоски...
Дома нас ждут пироги,

Ванна, кисель и кино!
Все замечательно, но

Слышу какой-то звонок...
Сонный иду за порог:

«Кто здесь?» В ответ тишина...
Кто же лишил меня сна?..

Моль и сверчок

Басня

Моль хотела птицей быть:
В небесах летать-парить!..
И откуда знала моль,
Что ее скромнее роль?…

Так и ты не смог, дружок,
Отыскать родной шесток;
Соловьем ты стать хотел,
Позабыв сверчка удел…

Но предел твоих мечтаний —
Петь за печкой или в бане…

Портрет самоубийцы

Перед лицом опасности смертельной
Как может измениться человек!
Внезапно, ощутив себя скудельным,
Он в рай замыслит совершить побег.
И многое из прошлого ошибкой
Покажется ему в последний миг;
О чем-то вспомнит с детскою улыбкой,
О чем-то прослезится, как старик...
Он за себя у Бога не попросит,
Его молитвы будут о родных;
Когда бушует в человеке осень,
В нем что-то есть от ангелов святых!..
Но вдруг из темной бездны мирозданья
Послышится заманчивый призыв:
«Прерви свои телесные страданья,
Всевышний не осудит твой порыв!..»
И человек, отчаявшись от боли,
От горьких дум о бренности своей
Готов навечно пасть на бранном поле,
Взвалив свой крест на внуков и детей...

Сосны и звезды

Небо над соснами ясное,
Замерли тучи седые.
Белые звезды и красные,
Желтые и голубые
Кружатся в небе над соснами,
В дали зовут неземные...
Дивны ночами морозными
Тихие тропы лесные!

* * *

Пусть Родина глупа, порочна и слаба,
Пусть вороны клюют ее больную печень…
И пусть моя любовь наивна и слепа —
Я вижу, как внутри несчастной плачут свечи!..

Ляман БАГИРОВА

Рассказы

Любка

О тебе я хочу думать. Думаю о тебе.
О тебе не хочу думать. Думаю о тебе.
О других я хочу думать. Думаю о тебе.
Ни о ком не хочу думать. Думаю о тебе.

Л. ОЗЕРОВ

Сумасшествие? Нет. Любовь. Та самая, единственная и неповторимая, яркая и трепетная, о которой мечтают все женщины и на которую все меньше способны мужчины. Увы, «рыцарство печальных Сирано» все больше становится уделом женщин. Только, чур, говорю о просто женщинах, которым нужна старинная прелюдия к любви, как к таинству, как к чуду, а не следование доктринам: «Скорей, скорей, скорей! Сама, сама, сама!» и «Вы привлекательны, я чертовски привлекателен, чего зря время терять?!» Нет, я о тех женщинах, о которых четко и точно сказала Цветаева: «Девчонке самой легконогой все ж дальше сердца не уйти». Как в воду глядела гениальная Марина. У мужчин все же много страстей: наука, идеи, политика, служба, работа, а в корне всех страстей — честолюбие. А Женщина, опять же повторяю, — Она, а не бесполое Оно — вся живет любовью и для любви. В этом она вся, как послушная бабочка, чутко и нервно летит на ее свет, танцует в нем, покоряется и зачастую сгорает…

В самом деле, разве красота, богатство, талант или власть покоряют женщину? Ничего подобного! Ничто так магически не действует на нее, ничто так не наполняет ее внутренним светом и ощущением собственной женской сути, как страстное, напряженное желание мужчины обладать ею. Она может отфыркиваться от этого, ханжески потупив глаза, притворно негодовать, но — все мы дочери Евы! — и уже наша кровь отравлена, мы жаждем мужского поклонения и вожделения. Не грубого обладания, разумеется, простите, не гоп-стопом, но постоянной, натянутой нити желания. «Любит тот, кто безумней лобзает», — воскликнул когда-то Надсон и был прав. О-о-о!!! Это наполняет нас силой, уверенностью в собственной неотразимости, постоянной желанности. Отними у женщины это ощущение, и... разом потухнут глаза. Все останется на месте, но глаза потухнут. А без огня в глазах даже самое безукоризненное лицо и совершенное тело — всего лишь безжизненная статуя.

Особенно чутки женщины возраста ночной фиалки. Лекции о «бабьем лете» и буйстве гормонов оставим для физиологов. Нет, я о том прекрас-

ном времени, когда все чувства опалены и звенящи. Когда перед сентябрем неизменно есть ослепительный август. Август ночной фиалки или любки, как называют этот цветок в народе. Ни одному цветку не удается так пробуждать молодые силы и нежные чувства, как ее скромным белым свечечкам.

Я знала такую «любку»! Не было в моем окружении женщины щедрее и ярче нее!

* * *

Она была близкой подругой моей матери. Та называла ее «Эльза — 33 несчастья». Каждый ее визит для нас был счастьем и бедой. Меня она осыпала вкуснейшими в мире шоколадными конфетами с миндалем и грецким орехом, тающим во рту мармеладом и замечательными игрушками. Особенно запомнилась кукла, которая открывала рот для пластмассовой каши, но отказывалась от пластмассового же молока! Эту фарфоровую, в розовом платье и сером фартуке куклу Катарину у меня потом украли, и до-о-олго я поминала вора дурным словом!

Маму Эльза заваливала какими-то кофточками и баночками с дорогими консервами. Это было счастье. Вывалив все дары и насладившись нашими ахами, она скульптурно усаживалась на оттоманку и начинала рыдать. Рыдала она долго и с переливами, и это было бедой.

В личной жизни Эльзе не везло. Она всегда боялась одиночества, всегда мечтала о счастье, но эти мечты не торопились воплощаться. С завидной последовательностью ее оставили два мужа. Рассказывая о них, она почему-то всегда прибавляла поговорку «первым не наешься, вторым подавишься». Меня это веселило до чрезвычайности. Я так и представляла себе вкуснейшего жирненького первого, чьи мосольчики обсасывались, видимо, с большим удовольствием, и анемичного жилистого второго, застревающего в горле. Почему о первом надо было вспоминать с таким трогательным придыханием, мне до сих пор непонятно. По приглушенным ахам и вздохам и утешениям мамы я догадывалась, что он бил ее смертным боем, и «...ты не представляешь, не представляешь, что он заставляет меня делать!». При этих словах мама отвешивала мне подзатыльник и выдворяла из комнаты, накрепко закрыв дверь. Мне было семь лет, я была ребенком с фантазией, но, слава Богу, мои предположения были безумно далеки от правды.

В конце концов Эльзе улыбнулась удача: муж, жаждущий изощренных утех, нашел себе достойную партнершу — не упрямицу, не скрытницу, не скромницу, и быстро сделал из семьи ноги. Единственный их с Эльзой ребенок — мальчик, родившийся на четвертый год брака, умер от менингита в трехмесячном возрасте. Больше детей не было. Эльза поплакала, вздохнула, опять поплакала и… ожила.

Второй появился в ее жизни внезапно и… ошеломил. Вообще, этого второго мужа мама называла «темной лошадкой». Каким образом и зачем он заглянул в скромное КБ на четвертом этаже обшарпанного здания, где она работала, покрыто мраком забвения. Но Эльза была сражена! Она летала и рыдала, рыдала и летала! Промежуточного состояния не было. Но именно с этим мужчиной ее жилище стало настоящим домом. Эльза оказалась хлебосольной хозяйкой. Никогда не забыть мне вечер, на который приглашены были мы с мамой. Низенький стол, толстые витые свечи, бутылка вина, кекс в виде сердца и блестящая желтая черешня в зеленой

вазе. И Эльза в красном шелковом платье. Ее горящие глаза. Полуулыбка влажных губ. И маленькие белые руки, которыми она так и норовила дотронуться до своего ненаглядного. Жилистый, маленький, заросший до самой шеи рыжим волосом, он хмурился, покашливал, подливал дамам вина, а мне сок. В конце концов, под песни Джо Дассена, вечер стал настолько томным, что мы поспешили ретироваться. Он вызвался проводить нас, но мама, видя в зеркале, как Эльза украдкой обняла его и поцеловала в затылок, улыбнулась и сказала, что дойдем мы сами.

Этот второй оказался крепким орешком. Эльза стала приходить реже, поток подарков иссякал. Кукла Катарина сиротливо пылилась в шкафу — мое десятилетнее сердце жаждало новых даров.

Они стали поступать через восемь месяцев. Первым подношением стал роскошный черный виноград в плетеной корзинке. Тугие, сизые, полные жизни гроздья так не вязались с исхудавшей Эльзой, что мама без слов обняла ее за плечи и усадила на оттоманку.

— Я несчастна, Оля! — успела сказать Эльза, и тут же поток рыданий, икоты и всхлипов прервал ее слова.

Из сбивчивого рассказа, запиваемого валерьянкой, следовало, что второй оказался: а) деспотом; б) тираном; с) монстром; д) скупердяем; е) первым, вторым, третьим и четвертым одновременно! Он не разрешал Эльзе работать, контролировал каждую копейку и требовал, чтобы она представляла чеки из всех магазинов. При этом был страшным грязнулей, увлекался выпивкой и заставлял, чтобы Эльза постоянно ходила или в красном, или в тигровом! «Я не могу, не могу так больше, Оля! Мне кажется, что я — это не я, а какой-то окровавленный Шерхан!»

Наконец Эльза нашла в себе силы и выставила его из дома. Гладко сей акт не прошел. Деспот и тиран несколько раз ставил ей фингал под глазом, ночевал на половичке перед дверью, и в середине ночи соседи трезвонили Эльзе, чтобы она или забрала своего Мусечку в дом, или отвезла его куда-нибудь. За страстными ссорами следовали такие же страстные примирения, потом опять ссоры. В конце концов Муся исчез так же бесследно, как появился. Расписаны они не были, так что обошлось без юридических проблем.

— А-а-а-а! — раскачивалась Эльза на оттоманке. — О-о-о! Фар вос! (За что?) В минуты наибольшего волнения она переходила на идиш. Темными волнами этот язык всплывал в ее подсознании и протягивал невидимые нити к родным по материнской линии, к полузабытому детству и к бабушкиным песням.

— Эльза!!! — мама звякала чашкой с чаем так, что брызги разлетались по столу. — Возьми себя в руки! Тебе только сорок. Какие твои годы?!

Какие твои годы… У большинства из нас на лбу аршинными буквами написано: «Хочу счастья!» И только у некоторых, как исключение, нежностью мерцает фраза: «Хочу дарить счастье!» Эльза не была исключением.

Через восемь лет счастье услышало ее. Тогда-то я впервые услышала от мамы слово «любка».

Эти восемь лет Эльза прожила кочевницей. Она меняла жилища, как меняют чулки. Продав свою квартиру, она купила новую, начала делать в ней ремонт, не закончила, продала. Купила другую, опять ремонт, пыль, рулоны обоев, штукатурка, вещи, сваленные в углу. За восемь лет она сменила шесть квартир! Вечный ремонт, из постоянной мебели только раскладушка да старинная ширма, разрисованная веерами и листьями. Креслами служили мешки с трухой и опилками, стульями — перевернутые ящики. Знакомые сначала

шутили, потом ворчали, говорили, что у дровосека-бобыля в избушке уюта больше, чем у нее, предлагали помощь, деньги, мебель. Бесполезно! Эльза бежала от уюта, как от дикого зверя. Сейчас мне кажется, что она поступала правильно. Как могла. Уют — состояние души и стремление к нему, а у нее не было ни того, ни другого.

И «вдруг, как в сказке, скрипнула дверь».

История их знакомства была покрыта тайной. Версии были различны, но больше озвучивалась одна: на пляже. Эльза была хорошо сложена, с желтовато-белой кожей, гладкими черными, словно лакированными волосами. Не портили ее чуть выпирающие зубы и плоские мочки ушей, будто приклеенные к голове. Более всего хороши были глаза: удлиненного разреза и необычного фиалкового цвета. «Такие глаза в мире только у двух женщин, — говорила мама, — у Элизабет Тейлор и у тебя». Сравнение с Элизабет льстило Эльзе, всегда у нее на стене висел портрет актрисы в роли Клеопатры.

Что произошло на пляже, что произошло после пляжа — трудно сказать. Но сорокавосьмилетнюю потухающую Эльзу закружил, смял, заворожил вихрь страстей. Даже не вихрь — вулкан, огнедышащая лава! Без того худощавая, она еще больше постройнела, глаза не просто вспыхивали и горели, а светились постоянным внутренним огнем, она пламенела дивной и страшной красотой предувядания.

Олегу было двадцать девять. Шатен с узкими зелеными глазами. Актер местного ТЮЗа. Когда вышел из возраста четвертого дерева и пятой кикиморы в «Аленьком цветочке» и «Царевне-лягушке», стал играть Д’Артаньяна и пирата Джона Сильвера. На момент знакомства с Эльзой эти два персонажа кристаллизовались в нем и выдали миру коктейль чего-то безумно отважного и обаятельно-циничного. Самоуверенного. В общем, того, что безотказно действует на женщину. Семьи у него не было. Жил он в маленькой съемной квартире на окраине города.

Несколько глубоких взглядов и искренняя задушевность подействовали на Эльзу опьяняюще. Через несколько недель он переехал к ней. Они стали жить вместе.

Эльза была прекрасна. Никогда раньше она не цвела так ослепительно. Глядя на нее, язык не поворачивался подумать и сказать что-то плохое. Хотелось, чтобы это состояние продлилось у нее как можно дольше. Мама осторожно крестила ее вслед, когда она, уходя от нас, не сбегала, а слетала по ступенькам. Все сомнения мамы: «Он же молодой, прощелыга, он же поиграет с ней и бросит, еще и в квартире ее пропишется», — повисали у нее на языке. У Эльзы были такие струящиеся счастьем глаза, что все слова казались бессмысленными и беспощадными.

Скромница в первом браке, осторожная и деликатная женщина во втором, сейчас она будто наверстывала за всю свою недолюбленную жизнь. Запаленные кони страсти гнали и гнали ее к последнему пределу. Казалось, она нашла то, что невольно искала всегда. Кочевница обрела Дом. Рыдания прекратились. Были только слезы радости и беспрестанное «Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить бы!».

О-о-о, какие сыпались на нас в это время подарки! Шарфы, кофточки, сувениры, духи и конфеты, конфеты, конфеты... Сладкая вуаль счастья. Да бог с ними, подарками! Какими лучистыми словами она обволакивала всех окружающих. И не только окружающих! Нежностью своей она не обделяла ни бездомных кошек, ни блохастых собак, ни травинку, ни камень. А уж для единственного любимого Олеженьки сколько выдумывалось ласковых имен!

Аленький мой, Аленький, Легонький, Леженька-Неженька, Олегушка, Ольгушевич и даже Оле-Лукойе!

Ее ласка била фонтаном! Когда она забегала к нам и с размаху усаживалась на оттоманку, мама уже не говорила ни слова. Молча ставила перед нею чай и слушала. Чай или стыл нетронутым, или же мгновенно отхлебывался кипятком, так что обжигал ей все небо, но на поток слов это не влияло. Никогда в жизни я не слышала столько восторженных эпитетов. Обнаженное сердце трепетало в каждом из них.

— Ты знаешь, Оля, — шептала она, — знаешь, что он мне подарил?! — она наклонялась над ухом матери и шептала ей что-то. Мама улыбалась и бормотала: «Дай Бог, дай Бог!» Потом Эльза шептала еще что-то, мама краснела, опускала глаза и махала на нее рукой. Вообще этот шепот на ухо и мамино залитое краской лицо повторялись с четкой периодичностью. При этом глаза у обеих загорались мгновенно.

— Эльза, ну ты любка! Смотри, не сглазь! Не надо так часто об этом рассказывать, — сказала однажды мама.

— Ну, я же только тебе!

— И мне не надо! От греха подальше. Мало ты в жизни мучилась?! Нашла — молчи и потеряла — молчи!

— Да ну тебя, бабка-кликуша! Оленька моя! Так хорошо!

— Любка ты, любка!

— Ага! И мне это очень нравится! И ему тоже!

— Кто бы сомневался!

Эльза с хохотом валилась на оттоманку, а потом начинала целовать нас мамой.

— Да пусти ты, сумасшедшая! — отбрыкивалась мама. — Ну точно, совсем сдурела!

Но Эльза уже стояла в дверях, сияла пунцовой помадой, искрилась.

— Все! Пока-пока! Я убегаю! Скоро Аленький с репетиции придет. Такая ответственная роль у него. Представляешь, они ставят «Алые паруса». Он играет матроса Летику. Все, я побежала мужа кормить!

— Летику! — усмехалась мама, закрывая дверь. — Ответственная роль! А чего же Грея ему не дали? Хорошо еще, что не пятое весло и не восемнадцатый парус играет! А, да ладно, лишь бы она счастлива была.

Мне тогда было семнадцать. Я оканчивала школу, считала себя взрослой и позволила себе спросить:

— А как ты думаешь, это у них надолго?

Реакция моей строгой матери, вырастившей меня без отца, была на удивление растерянной и жалкой:

— Не знаю, Софинька (так ласково называла меня только в раннем детстве). Нет, наверно.

— А что будет тогда? — я от неожиданности присела.

— Боюсь я. Лишь бы все было тихо. Любка она, а это плохо. И жизнь как-то шиворот-навыворот сложилась. Ни ребенка, ни котенка, ни мышонка. Бесприютная она.

— Как это: любка?

— А вот так...

И тогда я впервые услышала от мамы о ночной фиалке — любке. О том, что растет она в чаще леса и ночью заливает поляны одуряющим любовным ароматом. Много говорить мать не любила и сунула мне в руки книгу Пришвина. На отмеченной странице я прочла:

«На мое чутье у нашей ночной фиалки порочный запах, особенно под конец, когда исчезнут все признаки весны и начнется лето. Она как будто и сама знает за собой грех и стыдится пахнуть собой при солнечном свете. Но я не раз замечал: когда ночная красавица потеряет первую свежесть, белый цвет ее потускнеет, становится желтоватым, то на этих последних днях своей красоты она теряет свой стыд и пахнет даже на солнце. Тогда можно сказать, что весна этого года совсем прошла и такой, как была, никогда не вернется».

— Поняла? — спросила мать, когда я захлопнула книгу. — Она — любка!

* * *

...Прошло еще несколько месяцев. Эльза забегала к нам, закидывала подарками, болтала без умолку. Фиалковые глаза струили счастье.

Тот сентябрьский день я помню очень хорошо. Эльза забежала к нам. Руки ее были оттянуты кошелками. Она возвращалась с рынка.

— Оля! — крикнула она. — Смотри, какую я рыбу купила! И вам, и нам! Она вывалила на стол в кухне серебристую большую рыбину. — Это жерех. Свежий! Только сейчас привезли. Я взяла две!

— С ума сошла! — мама всплеснула руками. — Зачем? Спасибо! Подожди! — и полезла в кошелек. — Сколько ты отдала за него?

— И не думай! — завопила Эльза. — Не возьму ни за что! Ты что, хочешь меня обидеть?! Вот я сегодня рыбки нажарю, мы с Аленьким поедим, а мне будет приятно, что вы тоже рыбу едите.

— Да ты совсем уже со своим Аленьким! — мама вздохнула и улыбнулась.

— Оля, я еще ежевику взяла! И груши. Пирог буду печь. Олежка ежевику любит. Я и варенье сварю.

— Хорошо, хорошо! Беги! Осторожно только!

Мама закрыла дверь и посмотрела на стол. Рыбина тускло блестела чешуей, и оскал ее был хищным.

…Испекши пирог и нажарив рыбы, Эльза решила прогуляться в сторону театра, чтобы потом вместе с Олегом вернуться домой. Светлыми и ясными были глаза у этого дня. Такие, полные притворной ясности глаза бывают только у лгунов.

…Эльза идет быстро, высоко подняв голову и чуть улыбаясь. Ажурная сиреневая кофта свободно течет от ее шеи к плечам, к углублению матовых грудей, переходит в пояс на фиолетовой юбке. Маленькие туфли-лодочки с открытым мыском. Светлые колготки. Фиалковые глаза чуть прикрыты и оттого кажутся бархатными. Она идет к своему любимому, желанному, чтобы потом прижаться к его локтю и вернуться вместе домой.

Цок-цок-цок… Каблучки стучат!

Коричневая дверь театра. Служебный вход. Охранник знает ее, улыбается и пропускает.

Лестница на третий этаж. Мужские гримерки.

Эльза улыбается и толкает белую дверь с табличкой «Мазурин. Соловьев». Гримерка одна на двух актеров.

Дверь не заперта. В гримерке на столе ее Аленький и молоденькая актриса делают «семнадцатый трюк — шпагат орла». Мюзикла Чикаго тогда не было, но эти фигуры были всегда.

Эльза осторожно прикрыла дверь. Выдохнула. Тихо пошла вниз. Вначале она ничего не слышала и не видела. Кажется, никого не встретила. Кивнула охраннику и вышла на улицу.

…Такой светлый день. С притворной ясностью, которая отличает глаза лгунов. Смеются маленькие дети. С деревьев нежно падают листья. Один, другой, третий…

В мозгу отчетливо всплывает картина. Стол с отодвинутыми коробочками грима, запрокинутое в зеркало молодое девичье лицо, раскинутые стройные ноги и спина ее Аленького…

Ландыш, ландыш белоснежный,
Розан аленький!
Каждый говорил ей нежно:
«Моя маленькая!»

Что было потом, я помню со слов мамы. Кажется, обошлось без скандалов. Олег не стал отпираться, сказал, что давно любит эту актрису, они думают пожениться, собрал вещи и переехал к ней. Вроде он в самых искренних выражениях поблагодарил Эльзу за счастье, которым она его дарила. Мама, рассказывая об этом, неизменно отплевывалась и цедила: «Акт-т-тер!», вкладывая в третью букву все свое презрение.

Эльза была спокойна, как может быть спокоен человек, у которого сожгли душу. Взгляд ее был светел, но мама говорила, что лучше бы ей видеть Эльзу снова рыдающей, смеющейся, болтающей без умолку и утомляться от этих бешеных смен настроения, но не такой тихой.

Мама и другие знакомые навещали Эльзу по очереди, звали к себе. Она со всеми была ровна, вежлива и даже улыбчива. Но всякий, выходя от нее, давал себе слово не спускать с нее глаз.

— Слишком много воли им дали! — ворчала старая соседка. Без этого непременного атрибута дворовых посиделок, знающего все обо всех, не обошлась и жизнь Эльзы. — Подумаешь, мужик бросил! А чего ты хотела?! Молодой же! На себя в зеркало бы посмотрела! О душе давно надо думать, а она юбки-кофточки напялила, подмазюкалась и идее-е-ет! Тьфу!

Спорить с ней было бесполезно, но мама после этих слов принципиально с нею не здоровалась, хотя возраст всегда почитала.

* * *

Эльза умерла внезапно, на переходе. Понесла два баула своих вещей, половина из которых были новые, в детский дом. Вещи ее были яркими, нарядными, она хорошо шила и вязала.

В тот декабрьский день она была одета в черную шубку и черные же полуботинки. Остановилась, пережидая поток машин. Заметила, что молния на одном ботинке расстегнута. Нагнулась закрыть и уже не поднялась. Оторвался тромб.

Пока вызывали «скорую» и милицию, ее уложили на тротуаре. Нетающие снежинки опускались на белое лицо, на фиалковые прекрасные глаза. Их так и не смогли закрыть, и они медленно тускнели.

Потом ее увезла «скорая», началось разбирательство, выяснилось, что близких родственников не было, вызвали знакомых, подруг. Из своего КБ она давно ушла, еще во времена Мусечки, подрабатывала шитьем, вязанием и репетиторством по математике.

На похоронах собралось много народу. Знакомые, соседи, ученики, их родители, клиентки, которым она шила платья. Аленький не пришел. Возможно, не знал или намеренно не пришел.

— Эленька моя! — надрывалась мама. — Эленька-а-а! Подружка моя единственная!.. — Ей вторили и другие. Жаль было Эльзу. Любили ее…

Похоронили ее на старом кладбище рядом с родителями. Соорудили маленький железный крест с табличкой. На табличке имя, отчество и фамилия, две даты. Все как полагается. Снег вскоре укрыл могилу.

* * *

Весной мы с мамой пошли на кладбище навестить ее. Апрельская земля растрескалась, и ее покрыли легкие синие цветы. Их были сотни. Головки их качались на ветру, кланяясь Эльзе.

— Вот и синяя птица твоя прилетела, Эленька, — сказала мама и заплакала.

Я вспомнила, что всякий раз Эльза, рассказывая о новой любви, говорила о синей птице счастья. Эту пьесу Метерлинка она очень любила.

— Ты представляешь, Оля, — говорила она с придыханием, я все же поймала свою синюю птицу! Она со мной!..

Яркое апрельское солнце освещало могилу.

Яркие синие цветы. На них алели принесенные нами гвоздики.

Яркие, яркие, яркие…

Не было в моей жизни женщины щедрее и ярче…

Филемон и Бавкида

…О, счастье мое, единственное, снежное, искристое мое счастье, где ты? В каких несбывшихся далях-глубинах рассеялось, затерялось? Да и было ли ты — обжигающее, золотое, из света и страсти сотканное, не привиделось ли?.. Качается в сердце моем печаль по тебе, и поет, поет синяя птица твоя, пугливая, незабвенная, насмешливая. Эх… Бессмертное счастье мое, дом мой, где ты?..

Вспыхивают, дрожат огоньками воспоминания. Зеленый ковер, гасящий звуки, красавец тополь за окном, книги. Некрасивая девочка читает о Марии Кюри. Зачем? Что в имени тебе ее? Тебе, заведомо призванной вести жизнь женщины добропорядочного восточного семейства: стряпать, принимать гостей и быть как все. Но мелькают в смуглых пальцах рассыпанные страницы, оседая на сердце, и учит девочку великая полька цельности и своей дороге.

«Если тебе дали линованную бумагу — пиши поперек», — прошита душа девочки судьбою наособь, и только ковер — незыблемость дома — гасит неясный ропот. Но уже печально вглядывается мама в упрямые черты, прозревая особый путь, и тревожно ей за дочку. «Ведь напишет, напишет судьбу свою поперек, хоть сотни линованных бумаг подложи».

И вот уже нет матери, сверкнула и рассыпалась, как искра, и стала она частью прошлого. И дом перестал быть Домом, стал пристанищем, потом складом пыльных реликвий, неряшливых и сирых. И сотни линованных страниц исписаны поперек, а счастья нет в моей душе, и нет покоя… И не будет, потому что иду по своей дороге: «...ведь я — сочинитель, человек, называющий все по имени и отнимающий аромат у живого цветка»!..

* * *

Это — не досужий вымысел, не фантазия сердца. О, нет! История эта проста, обыденна и бессмертна, ибо только в повседневности и случаются порой истинные чудеса. Я позволила себе лишь скрыть имена героев, чтобы земная тоска не замела память о них.

Они выходили из дома всегда вдвоем. Он — высокий, худощавый, серебристо-седой. В неизменном пепельном костюме весной и летом, в сером пальто, побелевшем на швах, — зимой.

Она — маленькая, худенькая, суетливая. С подстриженными в кружок густыми седыми волосами и детской челочкой над карими, всегда удивленными глазами. В сером платье-халате летом, черном пальто с порыжевшим воротником — зимой. Кто-то из соседей метко окрестил их Пат и Паташон[1]. Прозвище это, остроумное и жестокое одновременно, пристало к ним навсегда. Впрочем, они вряд ли догадывались о нем, существуя в каком-то своем мире, словно стеклянным перевернутым колоколом защищенном от мира внешнего.

Повинуясь даже не женскому, а какому-то кошачьему любопытству, я часто наблюдала за ними, идя на работу по утрам и скашивая взгляд на их маленький деревянный балкон, серый от времени и увитый с одного края серо-зеленым диким виноградом. В другом углу балкона стоял деревянный шкаф, в котором, видно, хранили когда-то домашние заготовки, а сейчас — пустые банки. В пору своей молодости шкаф был ярко-голубым, но с течением времени тоже стал мышиного цвета. Бакинское солнце — яростное и всепроникающее — не меркло, а словно стушевывалось в этой симфонии серого.

Как-то я осмелилась спросить у свекрови о них:

— А я знаю?! — пожала плечами она. — Вроде как она — его вторая жена. Взрослые его дети не приняли ее, посчитали — матери их изменил, и перестали с ним знаться. Это ее однокомнатная квартира, она до него замужем не была. Он все детям оставил, переехал к ней. Дети не приезжают. Ну, живут как-то, пенсия, конечно, копеечная, а где раньше работали — не говорят, скрытые больно! (Свекровь так и говорила — «скрытые», без «н».) А чего нос задирать-то, — заводилась она, — все среди людей живем, поговорили бы по-людски, по-соседски, так нет, все только сами с собой, фанаберничают! Да и ладно, мне-то что, так уважительные, здороваются, но смешно на них смотреть — чистые Пат и Паташон!

Так шли день за днем, Пат и Паташон продолжали существовать, окруженные и защищенные своим колоколом, и веяло от их фигур, так комично смотревшихся рядом, какой-то трогательностью и… стойкостью. Эти двое были наособь: они ходили по земле, но будто парили над ней. Он — шагавший широко и размашисто, она — семенившая рядом, были как посланцы другого мира — непонятного, но притягательного, словно звук флейты среди трубного звона.

Был зимний день, 10 декабря 2002 года. Баку завалило снегом.

О, это непростые слова для любого бакинца! Они наделены страшно-волшебной силой! Кто-то боится снега как огня, потому что город не приспособлен к зиме, или как говорят старожилы: «Баку снег не подходит». Это все же летний город. Нам нипочем 50-градусная жара, но +2 для нас — уже трескучий мороз. Особенно при ветре. Он проникает под одежду, он высви-

---

[1] Пат и Паташон — датский дуэт актеров-комиков эпохи немого кино.

стывает, воет, хохочет, вцепляется ледяными руками в горло, вбивает вашу голову в плечи, и вы бежите, поскальзываясь, падая, к автобусу, к метро, скорей домой, к горячему супу и чаю! Снегу радуется ребятня. Это их праздник. Их волшебство и раздолье! Когда еще выпадет возможность наиграться в снежки и слепить снежную бабу?! Снег как счастье, искристое и тающее, но памятное надолго.

Но этот снежный день был особенным. Уже клонились под белыми шапками верхушки сосен в парках, уже с глухим треском ломались и падали один за другим кипарисы и туи, распространяя холодный смолистый дух, уже скамейки и машины напоминали авангардные скульптуры, а снег все валил, и фонари, неизвестно для чего зажженные средь бела дня, казались дымно-призрачными кораблями.

С работы нас отпустили пораньше. Я вспомнила, что свекровь поручила мне купить продукты в бакалее, и по пути домой зашла в магазин. В нем кипела жизнь, и покупатели дружно обсуждали снегопад. Быстро сделав покупки, я вышла.

Чуть поодаль от магазина стояла маленькая фигурка в черном пальто с порыжевшим воротником. Паташон!

Стояла, видно, не один час, потому что снег полностью покрыл ее цветастый, голубой, с поблекшей золотой нитью головной платок. В руках она держала что-то.

Я подошла к ней. Этим «что-то» оказалась нарисованная на обложке 96-листовой тетради картина. Зимний пейзаж с горящими фонарями. Обложка была обрезана очень аккуратно и служила картине одновременно и рамкой. Акварельные краски были очень свежими, недавно просохшими.

Я залюбовалась. Красота этого снежного, необычного для Баку дня была передана наивно и нежно.

— Она стоит два мамедэмина, — раздался тихий, но ясный голос.

«Две буханки хлеба», — мгновенно поняла я, и сердце мое сжалось.

— Мне очень понравилось, — решительно произнесла я. — В Баку снег бывает редко, я хочу оставить себе на память. Два мамедэмина — слишком мало за такой труд. Я дам ширван.

Два удивленных карих колодца взглянули на меня.

— Вам правда понравилось? — голос прозвучал еще тише. — Спасибо.

— Конечно! — я почти выдернула из ее ручек обложку. Она показалась мне ледяной.

Паташон не спеша сунула ручки в карманы пальто. Потом добавила совсем тихо:

— Вы ведь, кажется, наша соседка? Не обидитесь, если я попрошу вас об одной вещи?

— Да, конечно! Надо купить что-нибудь?

— Нет. Мне так неловко, но, пожалуйста, если можно, пройдите к выходу метро на другой стороне улицы. Там стоит мой муж. Вы ведь его знаете, высокий такой. Это он нарисовал эту картину. У него в руках точно такая же. Дайте этот ширван ему и похвалите так же, как хвалили мне. Пожалуйста, если вам не трудно. Только не говорите, что видели меня. А эту оставьте себе просто так. Пожалуйста. Но говорите громче, он плохо слышит.

Я побежала к противоположному выходу из метро. Высокая фигура Пата в сером пальто стояла неподвижно и почти сливалась с молочной мглистостью этого дня. Руки без перчаток сжимали такую же картину на тетрадной обложке.

— Один мамедэмин, — прошелестел бесцветный, даже какой-то серый голос. Он не узнал меня.

Я повторила те же слова похвалы и предложила за картину два ширвана!

— Нет, это очень много, — слабо, но быстро заговорил Пат. — Одного достаточно. Спасибо вам. Я вас прошу, пожалуйста, там, у другого выхода, стоит пожилая женщина в черном пальто и голубом платке. У нее в руках точно такая же картина. Отдайте, пожалуйста, деньги ей и скажите те же слова, что вы мне говорили. Ей будет приятно. Пожалуйста.

Кивнув, я взяла картину и перебежала улицу. Паташон стояла на прежнем месте и издалека походила на маленького зверька, припорошенного снегом.

Насилу удалось запихать ей в карман два ширвана. Больше у меня не было, да и взяли бы они?..

— Мне надо еще в аптеку, — пробормотала я. — Всего вам доброго.

Ни в какую аптеку мне, конечно, не надо было. Но за стеклянной дверью ее я увидела, как дорогу не спеша перешел высокий человек в сером. Он подошел к небольшой фигурке в черном пальто с порыжевшим воротником и голубым платком на голове. Она проворно взяла его под руку, они зашагали к дому и скоро почти растворились в снежном дне. Только платок все еще выделялся на белом фоне крохотным голубым пятном, но вскоре и оно исчезло за поворотом.

Подари мне платок,
Голубой лоскуток,
По краям голубым
Золотой завиток.

К середине следующего дня распогодилось, снег превратился в грязную кашу, и наша родная серая бакинская зима вступила в свои права. Картинки я положила в папку и вскоре забыла о них. Жизнь покатилась стремительная, обыденная, рутинная в тесной роевой связи со всеми проблемами и радостями родственников и знакомых, и за всеми этими бесконечными днями рождений, обручениями, свадьбами, родинами-крестинами, болезнями, похоронами Пат и Паташон совсем выпали из памяти. Не до них было, да и не встречала я их после того дня.

Увидела я их только в августе следующего года на балконе. Виноградная лоза заплела угол нашей лоджии, и я могла беспрепятственно наблюдать за ними. Супруги собирались завтракать: на откидном столике были разложены хлеб, масло, сыр и инжирный джем в пиале.

Пат, по-прежнему серо-стальной с зачесанными назад пепельно-седыми волосами, четкими отточенными движениями нарезал хлеб и принялся намазывать его маслом. Сделав бутерброд, он положил его на тарелку жены и стал сооружать себе такой же. В это время появилась она с небольшим чайником в руках. Налив чаю, она протянула чашку ему и придвинула розетку с джемом. Потом налила себе и села напротив. В неизменном сером платье-халате и голубым с золотой нитью платком на плечах. По утрам в конце августа уже свежо.

После завтрака они так же молча сели рядом и стали смотреть вниз на улицу. Набежал легкий ветер, она поправила ему воротник пиджака и осторожно положила руку на спину. Одновременно то же самое, почти бессознательно, повинуясь одной только давней привычке или… любви, сделал он: положил руку поверх ее платка, приобняв.

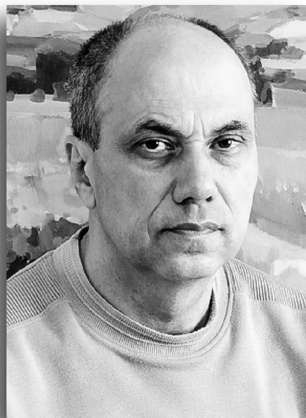
Не в сундук положу,
На груди завяжу,
И что ты подарил,
Никому не скажу.

«Чистые Пат и Паташон!» — подумала я словами свекрови и усмехнулась.

«Филемон и Бавкида», — отозвалось во мне тихим голосом флейты среди трубного звона. Символ супружеской любви и верности. Одно сердце на двоих. Неужели наяву бывает так?! Тихое счастье, так вот ты, оказывается, какое?!»

Ветер стал усиливаться, они ушли с балкона. Зашла в комнату и я. Становилось зябко и как-то тревожно. Мгновенно и отчетливо промелькнула мысль, что я больше их никогда не увижу, потому что такие моменты не повторяются, и они должны быть неповторимы, что невольная сопричастность чужому трепетному счастью сродни чему-то запретному. Будто сорвала волшебный цветочек аленький и за это непременно придется платить душой, нервами, страстями, слезами. Даже если сорвала нечаянно.

Так и случилось. Следующий год разметал нас жестоко, болезненно. Затерялись реликвии. И «Зимний пейзаж с фонарями» исчез в небытии. Быстра Гераклитова река — не войдешь в нее дважды. Но, видно, прошита жизнь моя судьбой наособь, и все равно дышу и пишу поперек линованной бумаги. И если спросили бы: «А сейчас подсмотрела, наблюдала бы за чужим счастьем трепетным, тихим?» — сжав сердце, я бы сказала: «Наверно! Ведь только так можно идти по единственной своей, любимой до боли, невыразимо прекрасной дороге, называемой творчеством. Ведь я — сочинитель, человек, называющий все по имени, отнимающий аромат у живого цветка!»



Алесь КОРЕНЕВСКИЙ

Украл я вновь тебя у солнца

Селена

Исчез мой сон… Как будто амальгамой
Наполнено свечение Луны.
Стеклом незримым и оконной рамой
Сейчас с тобою мы разделены.

Хитрить напрасно — штора не поможет,
Не спрячешься, ведь пробовал не раз.
Как ты горишь в своем черненом ложе…
И бисер звезд с тобою в этот час.

Зачем тебе я, дева? Знаю, знаю…
И помню строчки, что тебе дарил!
А за окном последние трамваи…
И Звездный пес за стенкою завыл.

Все, все, Селена, — быстро одеваюсь!
Смешон тебе мой карандаш в зубах...
Два с четвертью... Нет, нет, я не шатаюсь, —
Сейчас Земля качает нас в мирах.

* * *

Украл я вновь тебя у солнца!
И вот улыбку ловишь ты…
И эти алые цветы…
Как мы познали ночь до донца…

А утро открывает дверцы…
И зачарованный… смелей
Зовет и манит соловей
Ответною игрою сердца!

* * *

Сад отцветает,
В сумраке тает…
Искрится нежно
Узором снежным.

Вверху подруга
В сияньи круга…
Лес в отдаленьи…
И морок тени.

А справа, ниже,
В озерной нише,
Пейзаж зеркальный,
Как мир реальный!

В нем больше сказки,
Но те же краски,
И та же тайна
Небес печальных.

* * *

День от утренней свечки
Не успеет заняться,
Как торопится в речке
Свет вечерний купаться.

Вот и мы поспешаем
За весенним рассветом
К берегам, где пылает
Легкокрылое лето.

А потом вспыхнет осень
Желтизной и багрянцем
И закружится после
В затихающем танце.

Жизнь, печальная птица,
Здесь покоя не зная,
Сквозь метели стремится
К тайнам ада и рая…

А за гранью извечной,
За слезой покаянной —
Там ли день бесконечный
Или мрак бездыханный?!.

Может, в свете надежды,
Веры, если мы верим,
Сбросив тела одежды,
Мир душою измерим?

* * *

Осень танцует в дымке…
Птичьих не слышно свирелей…
Вот… сорвалась паутинка
С ветки в пейзаж акварельный.

Марьян ЧАПСКИЙ

Всемирная история лошади

Главы из книги

КНИГА-ЭПОС, КНИГА-ЛЕГЕНДА

Уже много лет назад заинтересовавшись историей коневодства в Речи Посполитой, я обнаружила, что труды белорусских исследователей в этой области практически отсутствуют. А единичные публикации польских авторов, которые удалось найти, были построены на цитатах из Чапского. Заинтригованная этой фамилией, обратилась в Национальную библиотеку Беларуси. И в каталоге иностранной литературы нашла великолепный литературный памятник на польском языке: «Всемирную историю лошади» Марьяна Чапского, 1-й и 2-й тома, вышедшие в 1874 году в Познани, в издательстве Яна Константы Жупаньского.

В первом томе речь идет о лошадях первобытной эпохи, Античности, Раннего Средневековья. Автор рассмотрел развитие коневодства в Европе, на Востоке, в Азии. Второй же том — вот оно, искомое! — почти полностью посвящен истории коневодства в Речи Посполитой. Причем все ее аспекты описаны столь подробно, что современные гиппографы, пожалуй, не многое смогут добавить. Лошадь в легендах и народных обычаях, на войне и охоте, на рыцарских турнирах и торжественных церемониях; торговля лошадьми, испытания достоинств боевого коня; дворы и конюшни; некоторые представления про гигиену и ветеринарию; защита прав коневладельцев и конокрадство… Это далеко не весь перечень разделов 2-го тома объемом более 500 страниц! Настоящий кладезь знаний для конников, интересующихся родной историей, и историков, неравнодушных к лошадям…

Существует еще 3-й том «Всемирной истории лошади», повествующий об исторических и гиппических случаях в Европе XVIII и XIX веков, а также о лошадях Российской империи. Уже после кончины автора, в 1876 году, в том же издательстве вышел Атлас гравюр ко всем трем томам, выполненных Марьяном Ярочиньским. Полное собрание хранится в Национальной библиотеке в Варшаве. В отсканированном виде все три тома и Атлас общедоступны в цифровой библиотеке Polona.pl, о чем мне любезно сообщила в письме заместитель директора Национальной библиотеки в Варшаве Катажина Сьляска. Иллюстрации для данной публикации позаимствованы из этого источника.

Белорусским читателям «Всемирная история лошади» до сих пор вовсе неизвестна. Пора исправить это досадное обстоятельство, ведь ее автор — наш земляк, которым мы по праву должны гордиться!

Как сообщает Польский исторический словарь (PSB), земянин Марьян Чапский был ссыльным повстанцем, ученым и литератором. Он родился 30 марта 1816 г. в деревне Лахва Пинского уезда (теперь она относится к Лунинецкому

району) в семье полковника Станислава Чапского и Софии из Обуховичей. Чапский всегда подчеркивал в своих трудах, что он поляк и горячий патриот безвозвратно ушедшей в прошлое Речи Посполитой. Но судьбы и творения талантливых людей принадлежат всем, кто способен соприкоснуться с ними, познать и оценить, восхититься и проникнуться благодарностью — независимо от национальностей, границ и эпох.

Марьян был старшим сыном в семье. Первые науки постигал в пансионе панов Планцон в Вильно. В 1828 г. вместе с братьями был зачислен в пансион отцов пиаров в Жолибоже под Варшавой. После выпуска закончил еще среднюю школу в Берлине. Затем по воле отца получил степень кандидата права в Харьковском университете.

Однако Марьян Чапский ощущал в себе призвание натуралиста, а не юриста. С младых лет он интересовался историей конного дела и разведением лошадей и всю жизнь собирал материалы для своего фундаментального труда.

Во время заграничных путешествий Чапский также изучал искусство планирования и посадки английских садов, чтобы использовать полученные знания на родине.

В 1844 г. Чапский взял в жены Юстыну Ростворовскую, наследницу Мирополя на Волыни. После смерти отца унаследовал от него Кейданы и с тех пор жил то в Кейданах, то в Мирополе.

В 1846 г. Чапский был избран маршалком шляхты Ковенского уезда, а в 1852 г. — губернским маршалком. Находясь в этой должности, он приобрел заслуги в деле освобождения крестьян.

В 1863 г. тиражом «Gazety rolniczej» («Сельскохозяйственной газеты») в Варшаве Чапский издал под именем своего пасечника Юзефа Знамировского двухтомник «Пчеловод польский, или Практический путеводитель в пасечных занятиях… изложенный доступно для понимания братии из народа».

За содействие повстанцам в 1864 г. наш герой был выслан в Сибирь, а его Кейданские владения конфисковало правительство. Три года он провел в Томске, после чего был помилован. В 1867 г. Чапский осел в Дорпате, где написал отчеты о пчеловодстве, переведенные на литовский язык.

У Марьяна Чапского были две дочери: Софья, вышедшая замуж за Станислава Брэза, и Анна, обвенчавшаяся с Константином Брэза. С 1871 г. Чапский поселился в Великопольше, у своего зятя Станислава в Венцковицах (Познаньское воеводство). Здесь он заложил английский сад и завершил «Всемирную историю лошади». До сих пор этот труд признается основополагающим в гиппологии. В 1876 г. трехтомник вышел в Берлине в переводе на немецкий язык.

Достойно пройденный жизненный путь Марьяна Чапского завершился 10 июня 1875 г. в Венцковицах, где он и похоронен. Надо полагать, что старый шляхтич покидал сей мир с легкой душой. Он успел подержать в руках свежеизданные тома книги, которую считал своим главным трудом…

Чапский писал в свободной эссеистской манере, часто увлекаясь и далеко уходя от собственно конной тематики. Его произведение содержит любопытные подробности о нравах и традициях разных народов и сословий, воспитании детей, ведении хозяйства, торговле, военном искусстве и т. д. Автор проработал огромное количество источников — летописей, мемуаров, документов, литературных произведений, однако не утруждал себя точными ссылками. Иногда он подкреплял свои рассуждения стихотворной цитатой по памяти, иногда ограничивался лишь намеком на персонажей и события, опираясь на культурный контекст, понятный

всем образованным людям его круга. К сожалению, нельзя сказать того же о современных читателях. Мы хотя бы в общих чертах осведомлены об интригах во Франции эпохи Людовика XIII и о покорении Дикого Запада, потому что это, как теперь модно выражаться, раскрученные исторические бренды, но не имеем представления о том, что происходило в гораздо более близком к нам географически и культурно славянском регионе. А между тем в Польше, Чехии, Словении, Хорватии, Сербии разворачивались не менее остросюжетные драмы и на сцену выходили не менее колоритные герои. У книги Чапского обнаруживается богатое смысловое «второе дно», для понимания которого необходимы комментарии.

Бесценную помощь в редактировании перевода избранных разделов 2-го тома и составлении комментариев оказала магистр образования, знаток польской лингвистики и литературы ***Агата Ракова.*** *Также благодарю за содействие историка и конника-любителя* ***Вадима Воронкова,*** *переводчика и литератора* ***Инессу Курьян*** *и заведующую отделом редких книг и рукописей Национальной библиотеки Беларуси* ***Галину Кирееву.***

Манит тайнами старинная книга. Еще одно славное имя возвращается на родину после долгого забвения.

Значение коня в первичной вере славян

Славянское идолопоклонство, по мнению ученых, почитало единственного бога-создателя, окруженного в своем величии множеством второстепенных духов, покровительствующих [людям] или злокозненных, подчиненных его наивысшей воле. Этот единый бог всех славян в разных местностях носил различные имена, всегда отражавшие одно из его главных качеств. Итак, в Гнезно, Колобжеге, Юлине, Вильно, Новогруде этого единого бога славили под именем Нии. Для его почитания поддерживали негасимый священный огонь Знич. Это он из ничего создал все. Он владел бездной небытия и был творцом мира.

У хорватов, сербов и поляков тому же самому богу поклонялись под именем Ессе: мол, он единый, а после добавления звука [б], имеющего значение собирания воедино, преображался в Бье, Бьех, Биг, Бог, Буг, Бис, Бес. Это он свое «Я» вывел на Явь, или объявил Йит, Сущее, Быт, давая начало Свиту, Святу, Свету и открывая, или образуя, зъер, зверь, зверя, твор, творение. Этот единый бог, создатель мира из ничего, который есть и бытностью своей вечно сиять будет, принял по мере более совершенного развития славянской теософии имя Святовид и был чтимым под этим именем почти во всем славянском мире. Его арконская фигура была точно описана еще в XII веке датчанином Саксо. Недавно, в 1848 году, похожий на это описание истукан, или каменный столб Святовида, был выловлен из реки Збруч, пересекающей Медоборы поблизости от деревни Лишковцы, между устьями речек Гнилая и Тайная, впадающими в Збруч, в окрестностях, где когда-то находился город Богод, имевший на холме, прозванном Замчище, ныне сожженное святилище, столетия назад служившее местонахождением этого идола.

Итак, символами обеих этих известных четвероликих фигур Святовида служили труба, меч и конь. У Богодского изваяния эти символы представляют собой барельеф на длинном одеянии самого божества. Статуя арконской святыни держала трубу в правой руке. В эту трубу каждый год наливали вино и в зависимости от того, как оно сохранилось, предсказывали, благополучным или неудачным будет следующий год. Меч непомерной

величины, чьи лезвие и рукоять украшали серебром и резьбой, лежал подле статуи, а рядом с ним — узда и седло для коня, которого жрецы старательно растили для служения божеству. Святовидов конь содержался в отдельной изысканной конюшне и был белым как молоко.

В таком случае, единый бог славянства, почитаемый под окончательным именем Святовида на острове Ругия, в Чехии и на Подолье, то есть в наиболее древнем поселении полян, тот создатель, властвующий, покровительствующий, управляющий советом и судом (Радогост), четырьмя ликами своими на четыре стороны света за всем следящий, — это наивысшее естество славян было всадником на белом коне, объезжающим свое творение. Естество и всадничество были неделимы в польском воображении. Тот, кто есть, ездит на совершенном и необходимом ему коне из конца в конец сотворенного им мира. В образе конной погони мчит по бескрайним просторам.

Самое необходимое человеку создание — лошадь — вышло со славянскими племенами из первозданной колыбели человечества и наверняка было снабжено другим названием, нежели то, которое дали ему в последующие века. Современное название — конь — уже не носит черт дальнего языкового родства с названиями этого животного у других народов, также знакомых с конем в первичном месте проживания. Чрезвычайно развитое у этого первого человеческого питомца качество кона, или безусловного выполнения любого желания всадника либо возницы, дало этому животному имя от главной его черты.

Исчезнувшее первичное наименование, сроднившееся с санскритским словом asp, имеет еще у славян родственника в слове *овца*, но аргамаку, скачущему, опережая человеческую мысль, чтобы до конца своего оказывать необходимые в людской жизни услуги, дано название коня. В диалекте кашубов — польского племени, осевшего между Вислой, Одером, Нотецью и Вартой, употребляется слово *фоск*, обозначающее коня, преимущественно рыжего; разве это слово не было наидревнейшей славянской формой названия коня? И разве оно не было близким санскритскому слову «асп»?

Любопытна старая молитва кашубов к св. Николаю, просящая его о выздоровлении коня: «Святой Николай, добрый наш защитник, молись Отцам Небесным за нашего Фоска, к которому подкрался злодей волк с орлом и покалечил ему зад, и длинные черви [в ранах] завелись. Ударь его посохом, на который опираясь, стоишь, и высокой шапкой, которая на голове Твоей пренаисвятейшей, — а мы за это дадим Отцам нашим добродетелям пару уток, пару гусей, окуньков, угрей и капельку сивухи».

Слово *конь* очень старое и наверняка датируется еще той эпохой, когда все без исключения славянские племена, его употреблявшие, составляли один народ. Некоторые из них образовали кроме этого общепринятого на славянских землях сло́ва другие слова́, обозначающие то же самое, что уже можно бы считать показателем превращения наречий в отдельные языки. У говорящих на виндийском диалекте штирийцев кроме слова

конь есть слова *клюсь, клисе, клисина, клюса*. У боснийцев — слово *парип*, у рагузан — *конлюсина* и *бедев*, у москалей — *лошадь!*

Польский язык все эти выражения народов-побратимов ввел в свой говор, чтобы получить бо́льшие разнообразие и точность в обозначении разных нюансов в статях и качествах коня. Будто для более убедительного упоминания первоисточника слово *конь* именно у старых польских писателей сохраняет, чаще всего в винительном падеже, форму *конь* вместо *коня,* что до сих пор осталось в военной команде и других оборотах речи, и сегодня мы говорим: «сесть на́ конь», «вскочить на́ конь» и т. д. вместо «на коня».

Комментарии

Гнезно *— польский город, входит в Великопольское воеводство.*

Колобжег *— польский город, возникший на месте славянской крепости. Расположен на реке Парсента близ ее впадения в Балтийское море.*

Юлин *— полулегендарное древнее военное укрепление, предположительно находилось на месте современного города Уолина, на южной оконечности о-ва Уолин от Балтийского побережья Польши.*

Новогруд *— польский город в Подляском воеводстве, Ломжинском повяте.*

Арконская фигура *— от Аркона. Священный город храмов Аркону построили на острове Рюген западнославянские прибалтийские племена (венды), достигшие к IX—X векам нашей эры высокого уровня развития. Для славян Аркона играла ту же роль, что и Мекка для мусульман или Дельфийский оракул для древних греков. Главным богом Арконы был Святовид (Святовит), чья огромная статуя стояла в особом храме.*

Река Збруч *— приток Днестра на западе Украины.*

Збручский идол *— выловлен вблизи поселка Гусятин (соврем. Тернопольская обл. Украины). Датирован приблизительно X веком нашей эры. Хранится в Краковском археологическом музее. В Москве, Киеве, Гродно, Варшаве, Вильнюсе, Одессе и Тернополе имеются копии этого идола в натуральную величину.*

Медоборы *— сейчас природный заповедник, расположенный на территории Гусятинского и Подволочинского районов Тернопольской области. В X—XIII веках здесь существовал Збручский культовый центр, один из последних оплотов язычества в Киевской Руси.*

Лишковцы *— соврем. Лычковцы, село в Гусятинском р-не.*

Речки Гнилая и Тайная*: *Гнилая *— река в Подволочинском и Гусятинском районах Тернопольской области, правый приток Збруча; река* ***Тайна*** *(соврем. назв.) — ее правый приток.*

Виндийский диалект *— один из диалектов словенского языка.*

Штирийцы *— жители Штирии, Австрийской провинции. Современная Штирия — федеральная земля на юго-востоке Австрии, столица — город Грац.*

Рагузане *— жители Рагу́зы (Дубровника), средиземноморского города в южной части Далмации (Хорватия). Основанная в VII в. Рагуза была одним из центров развития хорватского и ныне исчезнувшего далматинского языка, «Славянскими Афинами».*

Остров Ругия (Рюген) *— расположен в Балтийском море. На его северном мысе находился священный город славян Аркона. В русских народных сказках фигурирует как остров Буян, Лукоморье. Сейчас Рюген принадлежит Германии.*

Подо́лье *— историческая и географическая область (Подольская возвышенность) над северными притоками среднего Днестра (напр., Смотрич, Збруч) и верхним течением Южного Буга. Охватывает несколько областей современной Украины.*

Аргамак *(заимствование с тюркского) — ценный резвый скакун, как правило, восточных кровей.*

Нотець *— река в Польше, правый и самый длинный приток р. Варты.*

Варта *— река в Польше, правый приток Одры (Одера).*

Конь легендарный

В наших преданиях конь занимает незаурядное положение. Тот сказочный вещий Сивка-Златогривка, который на произнесенное условленное заклятие прибегал к зовущему «вихрем — не полем, птицей — не конем, ниже туч плывущих, ниже лесов шумящих» и на месте выполнял приказанное, несомненно, состоит в определенном духовном родстве с мифическим белым и крылатым конем Святовида, на котором этот бог побеждает черного смока, или хворя. Этот сюжет славянской теогонии вновь традиционно повторяется в повествовании о сживании со свету вавельского смока сказочным героем Кракусом и в уничтожении чудовищного паука в Паенчном.

Легенды, записанные Глинским в «Сказочнике», рассказывают еще о богатырском коне, которого чародей запер в подземелье за 12 железными дверями с пудовыми замками, прикованным на 12 цепочках к стойлу, с притороченными к седлу палицей, невидимкой-самобойкой, в седле же сон-трава [спрятана]. У этого коня очи как звезды, храп огнедышащий, грива как туча, — словом, конь — не конь, чудо-конь. Когда [он] тронулся с места под заклинанием рыцаря Юнака, земля дрожала. Реки хвостом застилал, уносился над лесами под тучами, преграды грудью разбивал, горы перескакивал, моря переплывал и, летя как стрела, ни травки легкими ногами не приминал, ни пыли на дороге не поднимал.

Еще один легендарный конь, наделенный такими же качествами, как и те двое, в том числе и даром речи, носит кличку Ветролет, у него золотая грива и серебряные копыта.

Супруга вещего Сивки-Златогривки — кобыла Серебряная Грива с 12 жеребятами, которая тоже говорит по-человечески.

Конь славян был другом и товарищем в бою и опасности, мысли человека угадывал, утешал его беседой, а в случае смерти на пустоши «копал ему могилу по колено и в ней хоронил своего хозяина», после чего падал возле него, горюя, что им обоим воронье глаза выклюет.

После смерти верный конек вместе со своим хозяином появляется в виде призрака и помогает

ему в бегстве с его единственной любовью к холодному вечному приюту.

Конь польских преданий белый, серый или белоногий, в германских сказаниях — вороной, в монгольских же — пегий. У москалей, подвергшихся влиянию монголов и норманнов, в преданиях фигурируют кони пегие, вороные и в яблоках.

Христианство не сумело искоренить сохранявшиеся в польском воображении связи коня с божеством, и существуют две краковские песни, одна из которых воспевает пышность костела св. Криштофа, где стены увешаны костями жеребцов и кобыл, как в языческие времена. Другая описывает св. Щепана на правом коне в четверике, запряженном в золотой плуг.

И по сей день во всей Польше существует языческий обычай вешать конские черепа на кольях у заборов и прибивать подкову к косяку над дверями, чтобы отгонять болезни.

У мазуров на Масленицу, а у краковян — в Вербное воскресенье конь, выструганный из дерева и привязанный к палке, с длинным соломенным хвостом, занимает место масленичной козы русинов, ибо та в Польше служит верховой лошадью старым бабам. На деревянном конике батрак объезжает дома, постукивает по колесу деревянным молотком и поет, а его обход зовется «обходом барышника».

В легенде «Золушка» благословение снизошло на сострадательную девушку, которая захоронила истлевавший в поле конский череп и полила его слезами милосердия.

Легендарный конь словаков зовется Татош и наделен силой превращаться для добрых людей в птиц и других существ, масть его вороная. Скачет же одним прыжком на Матру, другим — на Татру, а третьим — на Фатру. В чешских легендах на него похож Шентик, а в сербских — Шарач.

Комментарии

***Кракус (Крак)** — легендарный польский князь, основатель города Кракова, хитростью победивший свирепого огнедышащего дракона (смока), который жил у подножия Вавельского холма. Мотив битвы с драконом, вероятно, заимствован из сказания о св. Георгии. Однако про участие боевого коня в общеизвестной краковской легенде ничего не сказано. Кракус взял кожу молодого ягненка и заполнил ее смолой и серой. Под покровом ночи, пока дракон спал, он отнес приманку к Вавельскому холму, а сам спрятался в кустах на краю реки. Дракон с аппетитом проглотил ягненка, но его содержимое вызвало у чудовища нестерпимые муки. Задыхаясь от боли, дракон понадеялся водой потушить внутренний жар от смолы и серы и пополз к Висле. Он пил и пил, пока не лопнул.*

***Паенчно** (Pajęczno) — польский город в Лодзинском воеводстве. Легенда рассказывает о пауке небывалых размеров, долго терроризировавшем местных жителей. Отсюда, как предполагают, и произошло название города. Паука убил герой, которого в некоторых вариантах легенды звали Ясь или Белый. Он воспользовался таким длинным копьем, что паук не смог дотянуться до него.*

***Глинский Антоний Юзеф** (1817—1866) — фольклорист и литератор. Сын крестьянина, родился в Щорсах под Новогрудком — имении Адама Хрептовича. Разглядев одаренность мальчика из народа, филантроп и просветитель Хрептович поспособствовал его образованию и допустил в свою знаменитую библиотеку. После смерти своего покровителя Глинский переехал в Вильню, где вошел в круг писателей и ученых. Переводил на польский язык басни И. А. Крылова и сказки А. С. Пушкина. В 1853 г. вышел*

его «Bajarz polski» («Сказочник польский») — сборник народных сказок, повестей и рассказов в 4 томах, которыми зачитывались дети и взрослые. Глинский записал их в окрестностях Новогрудка и обработал, искусно вплетя в них мотивы русских сказок.

***Мазуры** — жители южной части Восточной Пруссии, потомки польских переселенцев из северных районов Мазовии. Они зачастую считают себя ни поляками, ни немцами, а польскими пруссами. Пользуются мазурским говором польского языка. В настоящее время в Польше проживает около 5000 мазуров.*

***Матра** — горный массив на севере Венгрии с самой высокой точкой страны — горой Кекеш (104 м).*

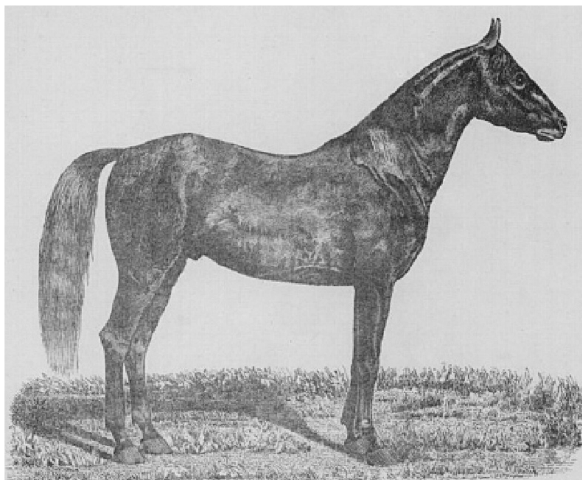
***Татра** — горы Татры, наивысшая часть Карпат. Находятся на территории Польши и Словакии.*

***Фатра** — имеется в виду Большая или Малая Фатра (горные массивы на севере Словакии, составляющие часть Фатранско-Татранской обл.).*

Лошадь в мифической истории Польши

Мифическая история о скачках, которые состоялись после смерти Пшемыслава I, дает нам право предположить, что на выборах предводителя польского народа уже в наидревнейшие времена вручали жезл власти тому, кто доказал свою наибольшую компетентность в науке коневодства и в искусстве верховой езды. Подобный обычай говорит о гиппическом пристрастии народа даже во временах, покрытых мраком неизвестности, но порождающих в нечетких еще очертаниях те характерные склонности народа, которые с течением веков должны будут в нем возобладать.

Лешек V за то, что предательски насыпал гвоздей на трассе для скачек, или, по-тогдашнему, турфе, был разорван лошадьми, а Лешек VI, который сумел подковать своего скакуна слепыми подковами и наверняка стал первым распространителем кузнечного мастерства в этих краях, был избран королем. Однако после этого случая подковывание лошадей долго не было, как кажется, общепринятым в Польше. Копыто польского коня достаточно твердое для обычных работ в стране. Хронисты упоминают Мшоя Ястшембца как первого воителя, который в эпоху Болеслава Храброго прибегнул к кузнечному мастерству, чтобы совершить то, о чем другие вовсе не помышляли, — забраться верхом и с оружием на Лысую гору с целью захватить последнюю горстку еще прятавшихся там язычников и разрушить их последнюю святыню. Что и осуществил успешно на свежеподкованном коне. А то была такая высокая гора, что про нее говорили:



С этой горы человек
так далеко бросит взгляд,
Сколько за день пройдет
шаговитый конь.

Несколько сотен лет спустя ксендз Клюк сообщает, что польских лоша-

дей повсеместно хвалят чужеземцы за то, что они сильные, выносливые, удобные для верховой езды, а копыта их столь тверды, что не требуют подковывания.

До сегодняшнего дня во многих краях старой Польши господствует обычай ковать лошадей только на передок, а задние ноги всю жизнь оставлять «босыми». Во многих местностях Польши появляются кони, прозванные босаками, которых отродясь не ковали.

Выборы Пяста — колесных дел мастера и Лешека-кузнеца на польский трон показывают высокое уважение, которым пользовались в народе ремесла, способствующие совершенствованию использования лошади. Как кузнечное дело было аристократичным занятием рыцарства Англии в Средние века, так оно же и изготовление колес были в Польше занятиями, мостящими дорогу к наивысшим почестям в народе, дающим право занять трон.

Скачки соперничавших за польскую корону Лешеков скрыты за завесой легендарных традиций и, предположительно, должны быть первым следом обычая, который дожил аж до наших дней среди силезского народа. Во многих польских деревнях, например, в Лястковицах недалеко от Вроцлава, существует обычай скачек в первый день Троицы. Батраки, которые пасут лошадей, с рассветом выезжают на состязания. Их конечной целью бывает столб, установленный на горе, а началом скачек — озерцо Прохник. Кто первым достигнет цели, становится королем, кто последним — остается рохвистом. Молодежь возвращается в деревню во главе с королем, которому рохвист служит шутом. Везут его в двухколесном возке, украшенном цветами, к каждому подворью в деревне, и просят о малом вспомоществовании для вечернего пира. Рохвист сыплет шутками, чтобы рассмешить короля, приятелей и хозяина, и таким образом выманивает пожертвование.

Похожие скачки имеют место и у других славян, а у лужичан они проводятся еще с языческих времен.

Комментарии

Пшемыслав I Великопольский *из династии Пястов (род. между 5 июня 1220 и 4 июня 1221 — ум. 4 июня 1257) — князь Великой Польши в 1241—1247 гг.*

Лешек V и Лешек VI *— полулегендарные князья полян из династии Пястов. Упоминаются в «Хронике» Мартина Бельского.*

Слепые подковы *— закрывавшие и защищавшие от повреждений всю подошву копыта. Могли изготавливаться разными способами. Ими подковывали лошадей в особых случаях и ненадолго, т. к. они препятствовали сцеплению копытной стрелки с грунтом и амортизации ударов ног о землю, а также росту копытного рога, что вредило опорно-двигательному аппарату лошади.*

Болеслав Храбрый *(ок. 967 — 17 июня 1025) — польский князь (992—1025) и король (1025) из династии Пястов, сын Мешко I, князя Польши, и чешской княжны Дубравки.*

Лысая гора *— в восточнославянском, в частности, белорусском и украинском фольклоре место, связанное с колдовством и сверхъестественными силами. На Лысой горе якобы справляют шабаш ведьмы. Лысая гора есть в центре Логойской возвышенности (на севере Минского р-на), в Голосеевском р-не г. Киева и в других местах.*

Пясты *— первая польская княжеская и королевская династия. Ее легендарным основателем считается крестьянин Пяст, бортник или*

колесник. Он стал символом честного пасторального предка, приносящего государству благо тяжелой работой, а не силой оружия. Первый же исторически достоверный князь династии Пястов — Мешко I (около 960—992).

***Ксендз Клюк — Ян Кшиштоф Клюк** (1739—1796), польский натуралист и католический священник. Написал ряд книг о растениях, животных, сельском хозяйстве, геологии. Вероятно, Чапский имеет здесь в виду его труд «Животных домашних и диких, особенно отечественных, естественной истории начала и хозяйствование. Нужных и полезных домашних — содержание, разведение, болезней лечение; диких — ловля, приручение, использование, вредных же — истребление», том I «О животных млекопитающих» издавался в Варшаве в 1779, 1795, 1809 г.*

***Рохвист** — шутовская роль для проигравшего в польских народных играх.*

***Лужичане** (лу́жицкие сербы, сорбы) — западнославянский народ. В настоящее время проживают в регионе Лужица, расположенном на территории Саксонии и Бранденбурга (Германия) и Южносилезского воеводства (Польша).*

Лошадь в народном хозяйстве Польши и Литвы

Густо рассыпаны по Польше места, чьи названия происходят от коня, — это Конины, Конюши, Конюши горы, Конюхи, Конюшки, Конские, Конские Воли, Конские Воды, Конояды, Оджикони, Кобыльники, Кобылины, Кобыльи горы, Кобыльи поля, Кобыльи болота, Кобылки, Кобылюны, Кобылини, Кобыльне; в Литве — Кумялы и Кумялки; на Поморье же — Коновы и Куновы: одни под Щецином, другие — под Старогрудом, а также многие другие [названия] были памятками о поселениях, изначально отданных сугубо под разведение табунов, и могут служить доказательством того, насколько широко распространился в Польше гиппический промысел. По старосветскому обычаю, полюбившемуся в широко разбросанных жилищах, польские деревни отличались от немецких оседлостей и формой, и родом занятий жителей. Земледелие было занятием исключительно чужеземных посадов, в то время как большая часть польских сел занимались главным образом пастьбой, коневодством, рыболовством и охотой.

Духовенство примером своим приучало народ к хлебопашеству и огородничеству. Духовный хозяин, бывало, как хронист сообщал: «По образцу усердия мирского и всей душой трудам земледелия отдавшись, в плодородии почвы и росе искал благословения Неба». Светский господин давних времен, менее просветленный шляхтич, хозяйствовал с ленцой, заботясь больше об охотничьей добыче, о табуне и о чинше с кметей. Как шляхетские владения славились преимущественно стадами, так наделы епископов и духовенства уже с незапамятных времен были известны земледельческим достатком и, несмотря на то, что скотоводство играло в них второстепенную роль, однако на протяжении XIII века за один неприятельский наезд можно было с легкостью угнать из них 475 лошадей, 575 волов, 1176 коров, 1260 свиней и 1174 овцы «с приплодом», — как говорится в вынесенном по этому делу решении полюбовно закончившегося суда: «Не хотим упоминать все».

Наряду с тем, что шляхта приобретала целые польские деревни исключительно на службе и за доходы от животноводства, охоты и бортничества, король, со своей стороны, также отдавал шляхте некоторые королевские

владения с обязательством поставлять ко двору нужную меру зерна, муки, мяса, дичи, напитков и упряжи. Тогда, в давние времена, многочисленные табуны бегали самопасом по лугам, недавно отвоеванным у топей Великой Польши, лесам Мазовии и обрывистым зарослям Малой Польши.

Старая легенда тех времен рассказывает, как табун прибился к Шренявите Пшибыславу, поселившемуся на одинокой горе поблизости Прошовиц, которую с тех пор зовут Конюшей горой. Этот табун привел к Пшибыславу жеребец, который был продан им в Венгрию, затосковал по родным местам и спустя несколько лет вернулся к своему хозяину во главе многочисленного косяка кобыл и жеребят.

Геральдическая легенда о походном коне Топорчика Жеготы увековечила новым гербом «Старый конь, или Отступник» память о единственной любви и единственном наследстве, оставшемся Жеготе, когда родные братья отреклись от всякого с ним родства, растратили все, что завещал ему отец, ничего не отдав ему после его нежданного возвращения из долгого гостевания в чужих краях.

В Польше, как и везде, пик наивысшей гиппической славы страны соответствует периоду максимального раскрытия всех жизненных сил народа. Сигизмундовские времена наивысшей славы богатства и просвещения, а также наибольшей протяженности польских земель, были кульминационным моментом развития, гиппического успеха в Польше. Беспримерная в истории уния Литвы с Короной, выведшая Польшу на путь защиты славянских интересов от дерзости немецких притязаний и на путь апостольства европейской цивилизации на обширном Востоке, немало поспособствовала повышению исторического значения польского народа, чья гиппическая популярность также приобретает большой размах.

Литва, защищенная гербом Погони, всегда уступала Польше во всадническом и гиппическом аспекте. Ее густые леса — приют последних язычников — поросли такими огромными деревьями, что в их сердцевинах можно было бы выполнять конные пируэты либо надежно гнездиться в их ветвях, — и не благоприятствовали успешному коневодству.

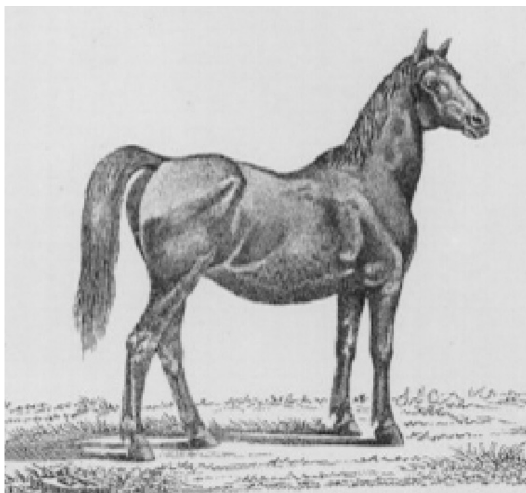
Но единение обоих народов имело весьма благотворное влияние на гиппическое развитие общего Отечества. Просторные степи Руси и Украины скоро покрылись несчетными табунами, а литовская шляхта переняла от своей коронной братии здоровые и просвещенные понятия о коневодстве, которые постепенно получали тем большее применение, чем больше литвины входили во вкус прав собственности и личных свобод.

До унии обоих народов великий князь литовский был единым и представителем народа, и законотворцем, единым господином над людьми и лошадьми. Великие литовские князья соответствовали, насколько могли, своему всестороннему призванию, а их старания поставили Литву на тот уровень развития, на котором видим ее перед унией.

Гедимин был выдающимся всадником своего времени.

Про Ольгерда его современники крестоносцы писали, что великий князь при ходьбе хромает на правую ногу и поэтому обычно опирается или на палку, или на оруженосца, но зато на коне сидит крепко. Конь и десница его были грозными для татар и других врагов государства.

Кейстут, на конике до наших дней воспетый в народных песнях, про которого сами крестоносцы говорили, что более всего любил войну и правду, без устали выходил с ними на бой, долго их громил и мужественно сражался; и не единожды, взятый ими в плен, сумел ловко выбраться из него. Раз, например, сбежал из темницы на лошадях самого великого магистра с Альфом, литвином, которого нанял себе для услуг и шпионажа, а на грани-



це отослал лошадей магистру с благодарностью.

Похоронным трупосожжениям всех этих мужей всегда сопутствовали их верные боевые кони. Обряд похорон Кейстута свершился с необычайной торжественностью, а это было уже последнее трупосожжение останков языческого великого князя. На виленском жертвеннике Святорога, на вершине могилы, выдолбленной в глубину на полтора человеческих роста, сложили огромный штабель сухих дров. Там же, облачив Кейстутово тело в доспехи и княжеские одежды, с оружием, копьем и луком наверх положили, а при нем — живого слугу наивернейшего, оседланнного коня наилучшего, пару борзых и гончих, когти рысьи и медвежьи вместе с охотничьим рогом. Потом, произнеся молитвы и принеся жертвы, пропев про благородные деяния князя, свершенные им за всю жизнь, подожгли тот просмоленный штабель дров, и так все тело сгорело. Присутствовавшие на похоронах крестоносцы с ужасом смотрели, как пламя достигло нижнего пласта дров — и все сооружение с треском обрушилось в невидимую для них могильную яму и новым взрывом огня и дыма ошеломило народ.

Витовт ни минуты не тратил без пользы для государства. Всегда на коне, повсюду с приказом и надзором своим поспевал, был он в одном лице вождем, судьей, главой церкви, заводчиком и покупателем табунов.

В Литве в то время лютовали разбойники, или грабители, званые повсеместно казаками, и это вынуждало Витовта направлять всю свою энергию на сдерживание закоренелого стремления к старым практикам, которые смог окончательно искоренить только Статут Казимира Ягеллона.

Едет Витовт по улице, / пред ним несут две саблицы для безотлагательного покарания злодеев по его высочайшим приказам. С одной стороны, был он справедливым, но суровым до жестокости, с другой же — кротким, как дитя, беспримерно щедрым и готовым сразу прийти на помощь тем, кто в ней нуждался. Его щедрость распространялась на всех достойных его ласки, и особенно на поляков, которых любил чрезвычайно, так что их лошадей забирал в свои фольварки на зимовку. Целостность государства, ему доверенного, бдительно стерег и необычными способами его границы очерчивал. Раз, до середины Днепра на коне доплыв и саблю выхватив, выкрикнул: «Доселе мое!» И границу, обозначенную этим неординарным актом, долго никто не осмеливался ни изменить, ни нарушить.

Мелкие поначалу литовские коники, которые в разбойничьих, или казацких, набегах Древней Литвы безупречно служили, на которых переправлялись через реки, держась одной рукой за хвост, а другой тянули деревянный плотик, на который были погружены оружие, снаряжение и амуниция; эти коники стали со временем, после осуществленной унии обоих народов, такими совершенными, что на них литовская конница могла дать отпор разным врагам, и даже утонченным шведам. А блистательные отряды Сапеги, Гонсевского и других не одну из больших рек на спинах своих лошадей вплавь преодолевали.

Два народа, объединенные в единую могучую державу, развивались благодаря взаимным влияниям, общему успеху, и прежде всего обеспечивали себя лошадьми. Корона все больше начинает использовать конюшенный способ коневодства; в Литве и на Руси появляется неслыханное множество табунов, выпасаемых на свободе или в полудиком состоянии; в глухой же Украине на землях запорожского казачества скачут совершенно дикие табуны. На самом юге Польши карпатский горец воспитывает своего мелкого коника только в руках, а тем временем на северной окраине Литвы жмудин бережет своего низкорослого клепперка от всякого скрещивания.

Комментарии

Кумялы и Кумялки — *литовского китẽℓe̊ — кобыла.*

Чинш — *в Речи Посполитой денежный оброк, платившийся с земли или дома, надолго отданных в чужое владение.*

Кметь — *на старопольском языке солидный, зажиточный земянин, земледелец, хозяин.*

Поморье Балтийское — *исторический и этнографический регион на южном побережье Балтийского моря, примерно соответствующий нескольким северным воеводствам Польши и прибалтийским землям Германии, идентифицируемым на русском языке как Померания. Охватывает все исторические области расселения славян к западу от Прибалтики. В письменных источниках упоминается с 1046 г. В польской части Поморья выделяют две основные области: Западное Поморье (с центром в Щецине) и Восточное Поморье (с центром в Гданьске). В составе Западного Поморья ранее выделялись Внутреннее, Переднее и Руянское (от Ругия) Поморье.*

Щецин — *город на северо-западе Польши, столица Западно-Поморского воеводства.*

Старогруд *(нем. Старгард) — город в Щецинском княжестве, наистарейший на Поморье после Щецина. Был центром Внутреннего Поморья. Входил в Ганзейский союз.*

Великая Польша — *историческая область на западе Польши в бассейне реки Варта. Впервые упоминается в 1257 г. Стала ядром образования Польского государства.*

Мазовия, Мазовецкая земля — *историческая область в центре Польши. Ее главный город — Варшава.*

Малая Польша — *историческая область на юго-востоке Польши. Ее столицей считается Краков. В 1314 г. король Владислав I Локетек объединил территории Великой и Малой Польши. В состав Малопольской провинции кроме Малой Польши в 1569—1795 гг. входила также часть территории современной Украины.*

Прошовицы — *на то время фольварк с деревнями в Меховском повете при старинном пути из Кракова в Кельцы.*

Сигизмундовские времена — *период правления трех Сигизмундов, польских королей и великих князей литовских: Сигизмунда I Старого (правил с 1506 по 1548), его сына Сигизмунда II Августа (правил с 1529 по 1572, до 1548 г. — вместе с отцом) и Сигизмунда III Вазы (правил с 1587 по 1632).*

Статут Казимира Ягеллона — *вероятно, имеется в виду Нешавский Статут 1454 г., важный законодательный документ в истории Польши, которым король и великий князь Казимир Ягеллон (правил с 1440 по 1492) подтвердил права и привилегии шляхты.*

Сапеги *— магнатский род Великого Княжества Литовского, второй по значению после Радзивиллов. Многие его представители были полководцами и участвовали в войнах с Россией, Турцией, Швецией, так что неясно, кого именно из них автор имел здесь в виду.*

Корвин-Гонсевский Александр *(конец XVI в. — 1639 г.) — государственный и военный деятель Великого Княжества Литовского. Участвовал в войнах Сигизмунда Вазы со Швецией, в т. ч. в победной битве при Кирхгольме (1605). Был активным сторонником интервенции Речи Посполитой в Россию «Смутного времени». В 1609 г. возглавил большой поход на Великие Луки и принял участие в осаде Смоленска. В 1610 г. отдельно от главных сил королевской армии, во главе собственного отряда взял пограничную крепость Белую на севере Смоленщины. В том же 1610 г. участвовал в военном походе на Москву под командованием коронного польного гетмана Станислава Жолкевского. В 1612—1618 гг. командовал гарнизоном в Смоленске, успешно отражая атаки московских войск (в 1613—1615 гг.). Участвовал в неудачном военном походе королевича Владислава Вазы на Москву в 1617—1618 гг., в польско-шведских войнах (1621—1626, 1626—1629) в Ливонии, где одержал ряд побед над шведами. В 1629 г. Гонсевский получил должность смоленского воеводы. В 1632—1634 гг. принял деятельное участие в русско-польской войне за Смоленск. Сражался под Витебском, Оршей и Мстиславлем. В 1634 г. в качестве королевского комиссара участвовал в заключении Поляновского мира с Россией.*

Пируэт *— в выездке выполняемый в два следа круг с радиусом, равным длине корпуса лошади. При этом передняя и наружная задняя ноги двигаются вокруг внутренней задней, служащей осью поворота.*

Гедими́н *(ок.1275 —1341) — великий князь литовский, основатель династии Гедиминовичей. Правил с 1316 по 1341 гг. Воевал с крестоносцами, нанес им ряд поражений.*

Ольгерд *(около 1296 —24 мая 1377) — великий князь литовский, сын Гедимина, брат Кейстута. За время своего правления с 1345 по 1377 гг. значительно расширил границы ВКЛ.*

Десница *(от старославянского деснъ — правый) — правая рука. Употребляется в возвышенном стиле.*

Кейстут *(ок. 1297—1382) — великий князь литовский, правил с 1381 по 1382 гг., князь трокский (1337—1382), сын Гедимина, брат и фактический соправитель Ольгерда. Постоянная борьба за родную землю, преданность языческой вере и обычаям предков сделали Кейстута любимым героем литовского народа. Летописцы говорят о нем как о безупречном рыцаре. В 1360 г. Кейстут попал в плен к крестоносцам, но вскоре был обменян на большое количество пленных. Спустя некоторое время в очередной битве его сбили с коня, и он вновь попал в плен к тевтонцам. Кейстут был помещен в замковую тюрьму Мариенбурга, откуда, по преданию, сбежал с помощью рыцаря литовского происхождения Альфа и вместе с ним добрался до Мазовии, где их приняла дочка Кейстута, княгиня Данута.*

Витовт *(около 1350—1430) — великий князь литовский с 1392 по 1430 гг. Сын Кейстута, племянник Ольгерда и двоюродный брат Ягайло. Один из наиболее известных правителей Великого Княжества Литовского, еще при жизни прозванный Великим.*

Клепперок *— уменьш. от «клеппер». Эстонская порода лошадей. Высота в холке современных клепперов — 136—146 см (раньше не превышала 140 см). Это крепкие, энергичные, неприхотливые и добронравные лошади. Используются в упряжке и под седлом.*

Влечение к чародейству

Существовало всеобщее убеждение, например, что колдуньям большую пользу приносят жеребячьи бородавки, которые Плиний называет *hippomanes* и которые имеют вид неких кусочков мяса, находящихся на лбу у новорожденных жеребят. Обычно матки слизывают их, как только жеребята родятся. Вот эти-то бородавки изо всех сил старались раздобыть колдуньи и могучие чары с ними творили.

Ржание лошадей ночью в конюшне повсеместно предвещало войну. Если кому-то повезло найти конскую подкову на дороге, в самой колее, случайно, не ища умышленно, тот прибивал ее над своими входными дверями у верхнего косяка, веря в то, что такая подкова не впустит в дом заразные болезни.

Верили в существование людей с дурным глазом, со злым взглядом, которым из зависти наводили сглаз или воображаемую болезнь на коня, коим овладеть хотели, да не могли. Говорили: «Есть сглазы, которые из глаз заражают, как василиск, и есть очи, которые всю немощь забирают».

Следствием подобных понятий и настроений был обычай при Владиславе Ягелло ставить на королевском столе против отравы змеиные языки, которые за королем повсюду возили в футлярах. Верили в силу нашептываний в ухо коню, чтобы уберечь его от болезни или чтобы у него не отвалилась подкова, если где-нибудь наступит на определенные зловредные травы. Верили в заговоры, останавливающие кровь, а также и в такие, что унимали развитие опухоли, образующейся от укуса гада. Верили в чары и сглазы, а когда вера в них угасла, то сетовали, что устало чародейство, ибо это был, как говорили, «пристойный способ придумывания приятных снов».

Под конец XVII в. Гаур сообщает, что уж редко слыхать, чтобы кони от чар болели: «По-видимому, похоже на то, что колдуньи до Лысой горы не на лошадях, а на кочергах ездят», — однако ж дает признаки сглазов и предписывает средства, предотвращающие их вредные последствия. Явным признаком сглаза считалось, если конь весь потел, а зубы у него шатались. В таком случае с целью противодействия сглазу брали мирру, ладан, белую березовую тонкую кору и белый куриный помет, смешивали это разом и этим коня окуривали, потом ехали с ним к воде, не оглядываясь и ни с кем не разговаривая, и обмывали его водой.

Конюшенная прислуга, отчитанная паном или конюшим за ночное потение лошадей, доверенных ее дозору, до нынешнего дня привыкла сваливать вину за это явление на колдовство и ночное гарцевание невидимых адских духов, хотя настоящей причиной этого бывает своеволие самих же слуг и ночные их поездки в трактиры или к подружкам. Менее бдительные и легковерные принимают такое объяснение за правдоподобное и смиряются перед неведомой силой духов.

Преториус, говоря о надбалтийских славянах в своей «Космогонии», ч. II, с. 162—163, сообщает, что конский череп, вброшенный в ясли, должен унимать власть духов над лошадьми, на которых в ночи Мор или Лектон до жара и изнурения скачет; что у людей не немецкого происхождения в ходу обычай вешать головы павших лошадей вокруг конюшен и на кольях плетней, чтобы отвести болезни от своего скота, а сей обычай не практикуют больше нигде, кроме как на славянских землях.

Один из путешественников так упоминал в 1841 году: «В нашем краю почти в каждой деревне есть обычай прикреплять конские черепа на кольях у заборов. За границей я нигде такого не видел… В Краковском [воеводстве], в живописной околице Вислицы над Нидой, где с одной стороны

целительные воды Буска, с другой — Чарковы из земных недр серу источают, где расположены многочисленные памятники, несколько лет назад я совершал путешествие. Дорога вела нас через деревню, в которой изгороди украшало большое количество конских черепов».

Конские черепа, которые должны отвращать сглаз, заразу и хвори от лошадей в Польше, не имеют ничего общего с теми тремя черепами — человеческим, конским и воловьим, нанизанными на рогатину литовского бога разрушения Поколе, которые сопутствуют ему в качестве трофеев.

Я знал хозяев, которые, поверив в наболтанные бредни конюхов, создали теорию некоего весьма тяжкого и мучительного сна, который должен был вызывать у лошадей все признаки сильной одышки. Однако более внимательный и менее наивный хозяин не оставлял своеволия безнаказанным.

Известно, что тайна уже заключенного брака Счастного Потоцкого с Гертрудой Коморовской была раскрыта лишь из-за того, что отец Потоцкого принадлежал к чутким, а не легковерным любителям своих лошадей. Старый воевода по старопольскому обычаю, рано вставши, обходил весь замок, а прежде всего заглядывал в любимую конюшню, осматривал стоявших в ней лошадей и с четками в руке проговаривал утренние молитвы, по завершении которых принимался делать замечания и раздавать указания. Раз, когда, произнеся ежедневную молитву, приблизился к своему любимому арабчику чистой бедуинской крови, потомку кобыл пророка, то с большим удивлением заметил, что конь был загнанный, покрытый пеной, и бока его ходили ходуном. Трудно было перед таким оком утаивать правду. Призванный конюший не отважился в этот раз свалить на гарцевание чертей очевидные следы прогона и признал, что виновником преступления был молодой воеводич, коему противиться не смел. Притом припугнутый придворный открыл, что это делалось не в первый раз. Воевода по ниточке распутал клубок и задумал жестокое покушение на свободу, если не на жизнь законной супруги сына, отважившегося выбрать ее против отцовской воли. А горячая любовь двух сердец и трагический конец Гертруды вдохновили молодого барда нашего времени на поэму, полную огня очарования и тоски, всем известную под названием «Мария».

Если еще сегодня вера в сверхъестественные силы не полностью искоренена, то в давние времена она была куда более сильной и всеобщей. Чтобы упредить сглаз, после каждой поездки, возвращаясь домой, было принято уголком платья отереть коню лоб и глаза, потом сплюнуть и чуприну, то есть природный чуб, или волосы, растущие [у коня] надо лбом меж ушами, притянуть [к себе], или также брали метлу, только не свежую, и через нее поливали коня помоями. Все эти средства были напечатаны в старосветских книжках как не подлежащие сомнению секреты. Кто коня любил, не пренебрегал ничем, что могло уберечь его от зла. А любили коня безмерно, как необходимое в жизни создание; его же почитали как предсказателя хорошего или плохого будущего.

Плохим предзнаменованием под Варной сочли то, что королевский конь долго не давал монарху сесть на себя. Перед Буковинским поражением белый королевский конь, шедший на войну, утонул в малом потоке. Дурное предвестие, о котором переговаривались с тех пор, обрело еще бóльшую достоверность, когда грозой убило под шатром шляхтича и 12 лошадей. Плохие предсказания сопровождали Ракоци, собиравшегося на войну в 1657 году. Его скакун пал под ним, когда он садился в седло, на глазах у матери. Встревоженная этим знамением родительница стала отговаривать его от войны, — не послушал ее Ракоци, велел подать ему другого коня, но и с того свалился, споткнувшись на мосту.

Пасек сообщает про отряд Чарнецкого, шедший в Данию: «Переходя границу, запело все войско на польский манер: «*O gloriosa Domina*!» Кони же по всем полкам учинили яростное фырканье, аж сердце окрылилось, ибо все расценили это как быть *bonum Omen*». Ржание и фырканье коня у нас до нынешнего дня считается доброй приметой. Ибо не один кавалер приближался к дому возлюбленной с бьющимся сердцем, уверенный, что ему будут рады, и «такой счастливый, такой веселый, словно его на турецкого коня посадили», если его лошадь заржала, приближаясь к цели поездки.

Комментарии

Плиний (*Старший) — Гай Плиний Секунд (23 (24)—79 гг. н. э.), знаменитый всесторонней ученостью римский писатель. Единственный сохранившийся его труд — «Естественная история» в 37 книгах.*

Василиск *— здесь: сказочное чудовище с телом петуха, змеиным хвостом и короной на голове, убивавшее одним своим взглядом.*

Гаур (Haur) Якуб Казимеж *(1632—1709) — автор книг по сельскому хозяйству: «Экономики земянской» (1675) и «Склада, или сокровищницы выдающихся секретов экономики земянской» (1693). Вторая книга была своего рода энциклопедией на 500 страницах. В ней кроме 14 сельскохозяйственных трактатов содержались сведения по медицине, астрономии и астрологии, зоологии, живописи, обычаям, организации домашней жизни и т. д. Книги Гаура сыграли важную роль в польской агрономической литературе и были весьма популярны у шляхты на протяжении XVIII в. «Экономика земянская» использовалась как один из учебников по земледелию.*

Иоганн Преториус *(1630—1680) — немецкий каллиграф, историк, компилятор. Его книга «Космогония» в 2 частях была издана в Магдебурге в 1666—1667 гг.*

Мор *— злой дух эпидемий.*

Лектон *— злой дух, вероятно, «родом» с мыса Лектон в Эгейском море, где находились алтари 12 главных языческих божеств, якобы воздвигнутые микенским царем Агамемноном.*

Вислица над Нидой *— польский поселок на левом берегу реки Нида (левый приток Вислы), сейчас входит в состав Буского повята Свентокшиского воеводства. Административный центр гмины Вислица. В 1326—1869 гг. имел статус города. Вблизи Вислицы находятся обширные залежи серы, здесь создан Наднидзянский ландшафтный парк с девятью заповедниками. В 12 км на юг расположен город Буско-Здруй, известный лечебными Бускими источниками — серно-соляно-известковыми.*

Чарковы (Чаркова, Чаркув) *— село на правом берегу Ниды, известное своим серным рудником.*

Ясли *— кормушка для зерна в деннике у лошади.*

Станислав (Счастный) Потоцкий *(1752—1805) — граф, единственный сын волынского и киевского воеводы Франца Салезия и Анны Потоцких. Обремененный миллионными долгами, воевода рассчитывал поправить свои дела, выгодно женив сына на молодой графине Жозефине Амалии Мнишек. Но Станислав полюбил дочь небогатого шляхтича Гертруду Коморовскую и тайно обвенчался с ней в 1770 г. Узнав об этом, родители Станислава были страшно разгневаны. Люди Франца Салезия похитили Гертруду и по его приказу повезли в монастырь. По дороге молодую женщину накрыли перинами, чтобы встречные не слышали ее криков, и она задохнулась, либо ее задушили. Слуги старого графа бросили ее тело в прорубь. Отец Гертруды начал судебное разбирательство, которое угрожало Францу Салезию изгнанием из Польши. Не выдержав*

позора, в 1772 г. родители Станислава умерли один за другим. Унаследовав огромные долги, Счастный женился-таки на богатой графине, которую сватал ему отец.

***«Мария»** (1825) — поэма польского поэта-романтика украинской школы Антония Мальчевского (1793—1826).*

***Битва под Варной** произошла 10 ноября 1444 г. между объединенной армией крестоносцев и Османской империей. Она завершила неудачный крестовый поход на Варну венгерского и польского короля Владислава III Варненьчика (1424—1444). Исходом битвы стало полное поражение крестоносцев, гибель Владислава и усиление турок на Балканском полуострове.*

***Буковинское поражение** коронной армии произошло в 1497 г. Польский король Ян Ольбрахт организовал военный поход в Молдову. Он намеревался посадить на престол Молдовы своего брата Сигизмунда, чтобы удобнее было вести борьбу с турками. Страшный разгром поляков повлек за собой опустошительное нападение татар и турок на Польшу. Планы короля расстроились: после этого он вынужден был поддерживать мир с турками, чтобы оградить свое государство от опасных врагов.*

***Ракоци — Дьёрдь II Ракоци** (1648—1657), трансильванский князь. Стремился осуществить планы своего отца Дьердя I, жаждавшего завладеть польской короной. В январе 1657 г. в союзе со шведским королем Карлом X Густавом, во главе 25-тысячного войска, состоявшего из венгров, немцев, трансильванцев, валахов и молдаван, выступил против польского короля Яна II Казимира Вазы. Богдан Хмельницкий выслал на помощь Дьердю Ракоци десятитысячное казацкое войско.*

Трансильванский князь вторгся в Галицию, где захватил Перемышль, вступил в Краков, вместе с Карлом X занял Люблин и Брест-Литовск. Оттуда *союзники выступили на Мазовию и осадили Варшаву. 9 июня 1657 г. польская столица капитулировала и была разграблена и сожжена, а население частично перебито. Но в июне того же года Трансильванию разорили польские отряды под командованием великого коронного маршала Ежи Себастьяна Любомирского, который таким образом отомстил Дьердю Ракоци за вторжение в Польшу. Ракоци не смог добиться своих политических целей. Напротив, жестокость его войска вызвала в Польше сопротивление и ненависть к его имени.*

12 июня под Варшавой Карл X Густав со шведской армией отделился от трансильванского князя и двинулся на север, оставив в помощь Ракоци корпус фельдмаршала Густава Отто Стенбока. Ракоци решил поспешно отступать из Варшавы на Волынь и Подолию. 22 июня Стенбок по королевскому приказу покинул трансильванского князя.

Тогда Ракоци принял решение возвращаться на родину. Под его командованием оставалось 16 тысяч трансильванцев и 6 тысяч казаков. Ян Казимир Ваза отправил войска в погоню за ним. Казацкий корпус под предводительством киевского полковника Антона Ждановича взбунтовался, оставил Ракоци и вернулся в Украину. 20 июля 1657 г. войска Речи Посполитой настигли и окружили трансильванцев. 22 июля Ракоци капитулировал и подписал мирный договор с Речью Посполитой. Он отказался от претензий на польский престол и обязался заплатить огромную контрибуцию польскому правительству.

На пути в Трансильванию Ракоци со своим войском был окружен татарской ордой под командованием крымского хана Мухаммед-Гирея. 31 июля 1657 г. трансильванский князь попытался вырваться из окружения, но был наголову разбит превосходящими силами противника. Сам Ракоци все же прорвался и вернулся в Трансильванию с отрядом личной охраны из 400 человек.

В ноябре 1657 г. семиградская аристократия под давлением Порты сместила Ракоци с престола за поход против Польши, формально сославшись на то, что османский сюзерен не давал на него разрешения. Ракоци вновь попытался завоевать власть, однако ему пришлось бороться с новыми кандидатами, которых поддерживали турки. Дело дошло до гражданской войны, в которой Ракоци одержал победу и в январе 1658 г. вернул себе княжеский престол Трансильвании. Этим он окончательно испортил отношения с Османской империей.

Пасек Ян Хризостом *(около 1636—1701) — воин и мемуарист. В 1655 г. вступил в дивизию Стэфана Чарнецкого и служил в ней до выхода в отставку (в 1667 г.). Написал мемуары (Pamiętnik), которые были впервые изданы в 1836 г. и сразу завоевали успех у читателей. Пасека высоко ценили Адам Мицкевич и Генрик Сенкевич.*

Стэфан Чарнецкий *(1599—1665) — национальный герой Польши, выдающийся полководец. Вершина его военной карьеры — звание польного коронного гетмана (1665). После ухода шведов из Польши и заключения союза Речи Посполитой с Данией (1658) Чарнецкий командовал войском, посланным в Ютландию (п-ов, разделяющий Балтийское и Северное моря, на то время принадлежавший Дании) для изгнания шведов.*

«O gloriosa Domina!» *— гимн «Владычица Преславная», входит в Литургию Часов (общее название для богослужений, совершаемых в течение дня по часам).*

Bonum Omen *(лат.) — хорошее предзнаменование.*

«…на турецкого коня посадили…» *— лошади восточных кровей (турецкие, арабские, персидские) особенно высоко ценились в Речи Посполитой.*

Укрощение лошади

Итак, после поимки трехлетки, после надевания на него холщового оголовья, если был кротким, или ременной уздечки без удил, если был пугливым или свирепым, после того как поставили его на конюшне в деннике и наложили на него клеймо, приступали не торопясь к его укрощению

и приручению. Вначале брались за это слегка и осторожно, применяя приличествующие уловки: «…ибо безумец тот, кто бы хотел от коня пятками отбрыкаться, а от собаки зубами защититься». Позднее с каждым разом действовали все настойчивей и смелей, всегда следя, чтобы конь, не дойдя до осознания собственной силы, обретал надлежащее уважение к человеку.

Если б конь о своей силе знал,
Никто б его не оседлал.

Вскоре нововзятого на конюшню жеребца брали на чистку, сразу тупой скребницей. Полотнищем, смоченным в холодной воде, вытирали ему голову, а теплой водой или слабым отваром хмеля вымывали хвост и гриву; ибо считалось, что от теплой воды волос растет и грубеет, а от холодной становится более тонким. Скребница называлась по-старопольски конской шропой, гжеблем или цудзидлом. Чесадлом звался гребень для расчесывания хвоста, гривы и чуба. Лошади, свежевзятой на конюшню, не давали овса в надлежащем количестве до тех пор, пока не начинала втягиваться в работу; ибо излишние жидкости, которые в молодых изобилуют и которые овес умножает, тогда уже частично с потом выйдут, частично их сама работа израсходует и разгонит. Гр. Дзедушицкий сообщает: «Это в выездке *notandum*, что нужно хорошо кормить коня ячменем, как пищей горячей, чтобы и для работы в выездке был более выносливым и подвижным, и чтобы ему работа так быстро не опротивела, но сам превосходный быт придавал охоты, особенно когда уже притрется в первые месяцы: «Ибо сразу пусть не в большом теле будет, чтобы лучше слушался всадника». Следовательно, лишь после приручения молодого жеребца можно было хорошо кормить.

Жеребцы, когда уже будут объезжены,
Пусть вес набирают, мягчайшей сечкой раскормленные,
Ибо перед заездкой собой гордятся
И, пойманные, подстегнуть себя не позволяют.

В полное приручение, или укрощение, лошади входило приучение ее давать ноги и позволять подковывать их без единого затруднения. Урок терпеливости через постукивание деревяшкой о копыто давался обычно перед самым кормлением, чтобы в надежде на близкую еду конь соглашался на всякие манипуляции вокруг его копыт, ибо:

Конь ради овса,
Пес ради хлеба, } многому рады научиться.
Птица ради мяса

Также обычаем давать выстрел в качестве сигнала, чтобы лошадям засыпали корм, их приучали к звуку огнестрельного оружия, или обстреливали. После утреннего кормления коня приучали носить на спине груз — мешок с корцем овса. Постепенно знакомили его с уздечкой и седлом, а освоившегося со всем этим коня начинали объезжать. Коня, дающегося чистить, звали прирученным, укрощенным, дающегося надеть уздечку, или взнуздать, — обузданным, дающегося седлать — одернутым, ускромненным, а позволяющего ездить [на себе] — выезженным, объезженным, вышпоренным и выученным.

Молодые лошади, прирученные, обузданные и одернутые, уже привычно стояли под седлом все утро, от первого кормления аж до полудня. Потом, перед выдачей обеденного овса, их на минуту взнуздывали и снимали уздечку перед самым кормлением.

Комментарии

Дзедушицкий *— вероятно, здесь имеется в виду Ежи Станислав Дзедушицкий (1670—1730) — великий коронный конюший, автор «Трактата об улучшении, или придании совершенства польским лошадям» (1705 г.).*

Notandum *(лат.) — необходимо отметить.*

Птица ради мяса… *— имеется в виду ловчая хищная птица.*

Кóрец *— существовавшая в Польше от раннего Средневековья до XIX века мера объема сыпучих тел. В зависимости от региона корец составлял от 43 до 128 литров.*

Разные конские норовы

Не всегда в купленной лошади находили те качества, на которые надеялись, и при ближайшем знакомстве с ней нередко обнаруживали в ней дурные привычки, которые нужно было искоренять терпеливостью, умением и работой.

А в этом повторном обучении испорченной лошади приличествовал особый такт, сообразно с часто повторяемым предостережением:

С лошадью не играй,
Женщине не потакай, } если хочешь быть без ущерба.
Деньги сам прячь,

По возможности избегали брать коня в работу на всю ночь, особенно в котором не были уверены, ибо считали, что одна такая ночь больше повредит ему, нежели три жарких дня. Говорилось, что «из-за ночной езды уйма лошадей погибает», что наибольшие дневные труды и невзгоды лечит ночью спокойный сон, в который днем не изнуренный работой конь редко когда погружается.

В ночи ездить,
Глупцу служить, } почти одно и то же.
В корчме хозяйничать,

Норовистых коней, или фантазеров, отучали от пороков различными способами с разными результатами.

Норовистого коня,
Упрямого холопа, } почти никто не имел.
Бесстыдной жены

Правду искажая,
Коня портя, } сожалением расплачивайся.
Добродетель очерняя,

К фантазерам причисляли таких лошадей, которые либо вбок били, либо задом отбивали, то есть таких, которые либо передними ногами топтали, или загребали, либо задними лягались.

Всеобщим было убеждение, что лошади татарского или, скорее, монгольского происхождения и степные казацкие больше доверяли зубам, а также своему передку, и чаще передом напирали на врага, нежели задом от него защищались. Кони же, выведенные в юго-восточных краях, в обороне больше надеялись на зад. Возможно, то, что широкие головы и выпуклые глаза, присущие всем арабским, турецким и персидским лошадям, позволяют им одинаково хорошо видеть все, что делается позади них, так же как

и спереди, было врожденной причиной для такой системы самозащиты. Узкие головы и запавшие глаза, характерные для лошадей монгольского происхождения, были естественной причиной того, что такие лошади и их потомки были вынуждены больше доверять меткому натиску своего переда, нежели заду.

С лошадью, купленной на торге или ярмарке, обходились так осторожно, будто с молодым жеребцом, остерегаясь всего, что могло бы спровоцировать дурную повадку или какое-то упрямство. Наиболее нуждавшийся в коне товарищ брал в поход только что купленную лошадь не раньше, чем мог достаточно убедиться, что она была надежной и доброй, а уж на такой лошади на все войны пускался волей судьбы и предпочитал на ней это делать, хоть бы и в самом простом и бедном седле, нежели на дорожайшей разукрашенной клячонке, что вставала на дыбы и брыкалась, и хвостом мотала.

К фантазерам причисляли лошадей, имевших привычку сметать, высаживать, т. е. сбрасывать всадника. Такие лошади, хоть иногда в общем-то и не норовистые, любили, если с ними плохо обходились, пугаться, топорщить гриву, взбрыкивать ногами и до тех пор дурачиться и совершать козлиные прыжки, аж пока не сбросят ездока. Но несмотря на то, что в целом таких лошадей не считали чем-то хорошим и невысоко их ценили, все же почти не было в стародавней Польше конюшни, в которой бы хоть одного такого сметателя не держали; нарочно на потеху молодежи, которая находила в этом большое развлечение, — чтобы на таких лошадях испытывать крепость посадки и ловкость в управлении скакуном.

Если лошадь упиралась, то есть когда под всадником или в повозке вовсе отказывалась сдвинуться с места, «а плохая кляча коль упрется, то и с горы не хочет», в таком случае ее сдвигали с места при помощи другой лошади в шлее, постромком за шею, и таким образом не раз избавлялись от этой дурной привычки, но всегда считали, что:

Конь, что упирается,
Судья, что дары берет,
Урядник, что с мужиками братается, } ненадежные.

От привычки осаживаться, или пятиться назад, верховую лошадь отучали выстрелами из пистолета между ее задних ног, повторяемыми несколько раз. Или также велели пахоликам следовать с арапником за пятившимся конем, которого всадник с силой высылал пятками, и столько раз по заду его стегать, сколько раз остановится. В целом такой порок относили к существеннейшим, ибо:

На коне, который пятится, ехать небезопасно.

С конем, не приученным к выстрелам, становились при пехоте, занимающейся огневой подготовкой, однако ж не настолько близко, чтобы ему аж морду опалило.

Впрочем, и наисмелейшие лошади, как правило, падали мостом от близкого удара грома и пугались верблюдов, если смолоду не были к ним приучены.

На лошадь, что вскидывалась, вздыбливалась, т. е. вставала на дыбы, садился, бывало, крепкий мужчина, а второй вел ее за кавессон, держа в руке палку и этой палкой ударяя лошадь по голеням, как только она начинала вставать на дыбы. Если это не помогало, а лошадь долго стояла на задних ногах и со всадником падала навзничь, то ездок ловко соскакивал с седла на правую сторону, ибо считалось, что лошадь чаще всего опрокидывается на левый бок.

Не любили коня, который горячился без надобности, «ибо конь, который не успокаивается, быстро поранится». Если конь кого-то понес — или закусив удила, или когда у него уздечка лопнула, а

Конь без узды,
Татарин через Подолье, } не пройдут без вреда;
Пилюли через брюхо

то в таком случае всадник закрывал ладонями глаза понесшего коня, и, внезапно ослепленный, он чаще всего останавливался. Если это не помогало, поскольку в то время «кто бывал на коне, бывал и под конем», приходилось как можно скорее падать, всегда на левую сторону, с тем убеждением, что на правую конь чаще всего отбивает. В ловком падении искали единственного спасения в случае, когда конь, тщетно сдерживаемый натянутыми поводьями, закусив удила, мчал со всадником в ужасную пропасть.

Лошадей, склонных носить и взбрыкивать, наказывали обычно, убавляя им порцию корма, ибо считалось, что это в них овесик так разбрыкался. «Тяжелее всего, когда лошадь закусывает удила, ибо тогда неукротимо ожесточается и куролесит».

Весьма предательским считали такого коня, чьим ногам нельзя было доверять, который часто спотыкался и падал, когда у него ноги скользили. «Только первое спотыкание находило прощение». «Второй раз на одном споткнуться неразумно», и говорили: «Спотыкающийся конь плох на ноги». Нередко причиной спотыкания бывал сам всадник, если невнимательно или неумело управлял лошадью.

Часто у скакуна в ногах путаница
Когда у всадника в голове беспорядок.

И как бы могло быть иначе, если, «вообразив себя всадником, упал с козел возница».

Если бы коник при выездке споткнулся, то следовало крепко держать его кавессоном, «хлестнув раз слегка или со свистом взмахнув пальцатом».

Коня пугливого или злобного старались ничем не дразнить, чтобы не травмировался, обезумев от гнева. Ибо конь, когда разгорячится, то даже из того тишайшего, каковым казался во время торга, внезапно делается как бешеный, и говорили: «Горячего аргамака бойся мундштуком окорачивать и не сдерживай его вовсе, ибо этим еще больше его разгорячишь».

Лошадь, которая не поддавалась [поворотам] на одну сторону, бывало, стояла на конюшне с затянутой подпругой и уздечку на голову получала, а с той стороны, на которую упиралась, была пристегнута ремешком к подпруге так, чтобы шею к ней нагибала. В таком закрепленном положении вынуждена была находиться дни напролет, лишь на ночь и на обед ее освобождали, повторяя это до тех пор, аж пока не поддастся.

Комментарии

Товарищ *— здесь: воин гусарской или панцирной хоругви, элитного рода войск Речи Посполитой. Товарищи всегда сражались в первом ряду, на их доблести основывалась победа в битве.*

«…выстрелами из пистолета между ее задних ног…» *— в оригинале у Чапского сказано: «между передних», но тогда бы лошадь еще сильнее шарахалась назад, так что это случайная описка, которую переводчик взял на себя смелость исправить. К. М. Дорогостайский упоминает этот*

метод среди прочих в «Гиппике» (Книга вторая, раздел XIX): «...иные пугают [коня] огнем от зажженной соломы, трескучими ракетами, бросанием камней и ***стрельбой из рушниц без пуль меж задних ног****, и отучают от этого упрямства, и делают много других приспособлений, которые для краткости пропущу, ибо и этого достаточно. Хотя дозволяю все это применять, если чем-нибудь можно избавиться от такого порока, но значительно чаще это более вредит не кляче, а тому, кто на ней сидит, ибо она может отчаянно понести».*

Пахолик *— молодой расторопный слуга шляхетского происхождения в доме и при доме у более богатого шляхтича; подросток-оруженосец у гусара.*

Арапник *— длинный охотничий кнут с пеньковым, волосяным или шелковым навоем на коротком кнутовище. Первоначально применялся в псовой охоте для порсканья (т. е. вспугивания) зайцев и наказания непослушных собак. В настоящее время используется в цирковой дрессуре и джигитовке.*

Кавессон *— специальный недоуздок в академических школах верховой езды. В переносный ремень кавессона вшита цепочка или металлическая пластина. Также на переносном ремне закреплены три кольца, свободно поворачивающиеся во всех направлениях. К боковым кольцам крепятся поводья при работе с лошадью в руках, на вожжах или верхом, к центральному кольцу — один повод при работе на земле или корда (прочная длинная веревка, на которой лошадь гоняют по кругу).*

Механизм действия кавессона заключается в давлении на нос лошади, чтобы выработать у нее четкое выполнение команды на постановление (поворот головы в нужную сторону) и сгибание, отучить ее тянуть в сторону. Кавессон используется в обучении молодых лошадей, дрессуре, разучивании элементов Высокой школы.

Па́льцат *— 1) палка для упражнений мальчиков в фехтовании; 2) дубинка; 3) в верховой езде — аналог хлыста (стека).*

Предисловие и перевод с польского Светланы ИЩЕНКО.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ

Переводчики, которым хочется сказать «спасибо»

Вильгельм Вениаминович ЛЕВИК
(31 декабря 1907 г. — 16 сентября 1982 г.)

Искусство поэзии

Сначала — музыку! Певучий
Придай размер стихам твоим,
Чтоб невесом, неуловим,
Дышал воздушный строй созвучий.
Строфу напрасно не чекань,
Пленяй небрежностью счастливой,
Стирая в песне прихотливой
Меж ясным и неясным грань.

ВЕРЛЕН (перевод В. ЛЕВИКА)

Наш разговор о выдающемся русском советском переводчике Вильгельме Вениаминовиче Левике я не случайно начала со стихотворения в его переводе. Ведь Вильгельма Вениаминовича по праву называют одним из основоположников и создателей советской школы поэтического перевода, пожалуй, из числа лучших, если не самой лучшей на тот момент в мире. Высокая планка качества, заданная мастерами, которых относят к этой школе, и по сей день остается непревзойденной, несмотря на вроде бы обилие новых имен и новых вариантов переводов уже переведенных произведений. Увы-увы, но это так. Редкие жемчужины выносит на берег бурный переводческий прилив. Остается лишь восхищаться гениями былых времен, по мере сил равняться на них и почаще вспоминать их имена.

Словом, у нас с вами, глубокоуважаемый читатель, снова появляется весомый повод нарушить хронологию наших заметок о переводчиках. За окнами декабрь, а Вильгельм Вениаминович родился как раз в декабре. Более того, в 2017 году исполняется ровно 110 лет со дня его рождения. Хорошая дата и отличная возможность вспомнить имя того, кто подарил всем нам, его читателям и почитателям, радость общения с целой плеядой замечательных европейских поэтов.

В детстве будущий корифей поэтического перевода (а детство и отрочество Левика прошло в Киеве) и думать не думал о том, чтобы становиться профессиональным переводчиком. Разумеется, в гимназии он баловался стихотворчеством, впрочем, как и многие в его возрасте. Увлекся мифологией, даже задумал написать поэму о Прометее, но дальше замысла дело так и не пошло. А еще прилежно изучал французский и английский языки, обязательные в те годы в гимназическом курсе наук, то есть, все как положено. А вот немецкий выучил уже самостоятельно, по «Всеобщей морфологии организмов», фундаменталь-

ной работе известного немецкого философа и естествоиспытателя второй половины XIX века Эрнста Геккеля, того самого Геккеля, кому мы обязаны появлением в нашем словаре термина «экология». Собственно, он-то и ввел в язык XX столетия такое научное понятие, как «окружающая среда». Разобраться в сложных построениях оригинального текста подростку помогло знание зоологических терминов. Вильгельм с детства обожал животных, особенно лошадей и кошек, и всерьез подумывал о том, чтобы связать свое будущее именно с естественными науками. Словом, не прошло и года, как мальчик свободно читал самые серьезные научные книги, написанные на немецком.

А в шестнадцать лет впервые опробовал свои силы в переводе. Перевел с немецкого стихотворение Гейне «Зазвучали все деревья». Первая проба пера оказалась столь совершенной, что с тех пор это стихотворение великого немецкого поэта неизменно печатается во всех русскоязычных изданиях именно в переводе Левика.

Однако успешный переводческий старт поначалу никак не повлиял на планы юноши. Ведь у него, помимо зоологии, была еще одна страсть — живопись. Он с детства много и усердно рисовал, главным образом, столь обожаемых им кошек и лошадей, и даже начал выставляться. Так, к примеру, устроил выставку собственных творений прямо под открытым небом, разместив полотна на одной из киевских улиц. И надо сказать, уличный вернисаж получился очень успешным. А потому когда в 1924 году семья Левиков перебралась в Москву, молодой человек, уже имевший на тот момент в кармане аттестат зрелости, без каких-либо усилий поступает во ВХУТЕМАС. И одновременно на биофак МГУ — детская страсть к животным и любовь к природе с годами не угасла. Однако совмещать полноценную учебу одновременно в двух таких серьезных учебных заведениях было просто нереально, а потому после недолгих, но мучительных раздумий чаша весов все же склоняется в пользу живописи. Левик успешно заканчивает ВХУТЕМАС в 1930 году и получает диплом профессионального живописца. Кстати, он учился в художественной мастерской Александра Александровича Осмеркина, одного из наиболее ярких членов группы «Бубновый валет», приобретшей широкую известность в начале прошлого века. Казалось бы, выбор сделан раз и навсегда и дальнейшая профессиональная стезя определена. Но выбор этот, как показало время, оказался двойственным, и долгие годы Вильгельм Левик умудрялся сочетать профессиональные занятия живописью с литературным творчеством. Между прочим, он один из немногих, кто на протяжении всей своей жизни состоял членом сразу двух творческих союзов. Причем он не просто числился в Союзе писателей и Союзе художников, но и плодотворно трудился и как живописец, и как переводчик.

Да и вообще, профессиональное занятие живописью, глубокие познания в области истории живописи несомненно сказываются на его переводах, отличающихся обилием ярких, живописных, но при этом всегда очень точных деталей и подробностей. Отголоски этих знаний мы находим даже в некоторых его теоретических статьях, посвященных проблемам художественного перевода. Так, в своей известной статье «Перевод как искусство», рассуждая о пределах допустимого в свободе творчества переводчика и отстаивая право переводчика на такую свободу, Левик в качестве главного аргумента ссылается именно на пример из истории живописи.

«Едва ли можно сомневаться в том, что Филипп IV на портрете Рубенса похож на свою модель. И то же самое можно сказать о портрете Веласкеса. Но поставьте рядом оба портрета. Так ли уж велико сходство обоих изображений между собой?»

Пожалуй, при желании можно было бы и возразить маститому автору, напомнив ему, что, к величайшему огорчению, не все, кто берется переводить, в том числе и поэзию, дотягивают до уровня мастерства Веласкеса или Рубенса. Да и в живописи лишь единицы могут посоревноваться с этими общепризнанными гениями, не так ли?

Но живопись живописью, а чем дальше, тем сильнее молодого художника тянуло именно к переводческой работе. В 1938 году выходит в свет поэма Гейне «Германия. Зимняя сказка» в переводе В. Левика. Нельзя сказать, чтобы эта публикация тут же произвела крутой разворот в творческой судьбе Вильгельма Вениаминовича. И критики, и коллеги по переводческому цеху были весьма сдержанны в своих отзывах. Никто не торопился приглашать молодого переводчика в круг избранных корифеев перевода. И тем не менее, перевод не остался незамеченным, что уже само по себе явилось серьезным успехом. Надо сказать, что творчество великого немецкого поэта красной нитью прошло через всю жизнь Левика. А уж свой перевод «Зимней сказки» он продолжал шлифовать и доводить до совершенства вплоть до самых последних дней своей жизни. В каждое очередное издание поэмы Левик в обязательном порядке вносил все новые и новые правки и дополнения, максимально приближая перевод к вершинам поэтического гения великого Гейне.

Но по-настоящему большой успех и широкое признание приходят к Вильгельму Левику лишь в первые послевоенные годы. В 1947 году он издает книгу своих переводов из Пьера де Ронсара, прославленного французского поэта эпохи Возрождения. Переводами Ронсара Левик начал заниматься еще до войны. И потом, все долгие четыре года, которые Левик провел на фронте в качестве военного переводчика, томик со стихами Ронсара был неизменно при нем. В тяжелых, порой нечеловеческих условиях, Вильгельм Вениаминович продолжал колдовать над волшебными строками великого француза, приближая его поэзию к русскому читателю. И вот, наконец, исполнение желания: Левик видит свой текст в напечатанном виде. Книга с первого же дня своего выхода в свет производит самый настоящий фурор. Да она и по сию пору заслуженно числится среди лучших литературных достижений в области поэтического перевода.

Ронсар, истинное дитя эпохи Возрождения, гуманист до мозга костей, исповедующий в своем творчестве культ красоты и природы, воспевающий человека как венец творения, славящий человеческую любовь как высшую земную радость бытия, оказался не просто созвучен своей лирикой душевному настрою переводчика. В какой-то степени он стал его *alter ego,* то есть его вторым я, столь созвучны были мысли и чувства поэта с тем, что переживал и чувствовал сам Левик. Именно это полное слияние двух авторов, творивших один — на французском, второй — на русском, с пустяшным с точки зрения вечности интервалом всего лишь в каких-то четыре с лишним века, и обусловило превосходный результат на выходе. Ронсар заговорил на полноценном русском языке, став воистину своим среди своих. Итак, открываем книгу и читаем.

Скорей погаснет в небе звездный хор
И станет море каменной пустыней,
Скорей не будет солнца в тверди синей,
Не озарит луна земной простор,

Скорей падут громады снежных гор,
Мир обратится в хаос форм и линий,
Чем назову я рыжую богиней
Иль к синеокой преклоню мой взор.

Я карих глаз живым огнем пылаю,
Я серых глаз и видеть не желаю,
Я враг смертельный золотых кудрей,

Я и в гробу, холодный и безгласный,
Не позабуду этот блеск прекрасный
Двух карих глаз, двух солнц души моей.

Замечательный сонет, не правда ли? И какой чеканный язык, как выверено каждое слово, какие свежие и незатасканные метафоры и эпитеты. Один «звездный хор» чего стоит! Или тот же «хаос форм и линий», который немедленно отсылает нас не столько к переводчику, сколько уже к художнику Левику. Но почему сонеты? Но почему Ронсар? — быть может, воскликнет кто-то, недоуменно вскинув бровь. Архаичный стиль, устаревшая, по меркам нашего времени, стихотворная форма, к тому же, заформализованная донельзя. Разве тяжело было отыскать в современной французской поэзии что-то более созвучное духу и чаяниям послевоенного времени? Мало ли поэтов сражалось в рядах Сопротивления?

Но вот какая любопытная история у нас вырисовывается, если попытаться взглянуть на состояние переводческого искусства, так сказать, в его ретроспективе. И вот такие чудеса вдруг обнаруживаются во временах семидесятилетней давности. Почти одновременно с переводами лирической поэзии Ронсара на книжных прилавках появляется еще один томик переводных стихов. На сей раз это знаменитые сонеты Шекспира в не менее знаменитых переводах Самуила Яковлевича Маршака. Как тут не вспомнить и не процитировать — уже в который раз! — знаменитое пушкинское: *«Бывают странные сближенья...»*

Впрочем, в данном конкретном случае никаких странностей за таким сближеньем не наблюдается. Напротив! Ибо если поразмыслить обстоятельно, то можно при желании даже вывести некую универсальную формулу сохранения красоты в этом мире, в том числе и с помощью переводов. Судите сами. В 1948 году книга сонетов Шекспира выходит в издательстве «Советский писатель» массовым тиражом, а всего лишь годом позже, в 1949 году, переводчик Маршак удостаивается за свой труд наипрестижнейшей в те годы Сталинской премии.

Так почему же вдруг переводчиков потянуло к архаике со всеми ее красотами и забытыми образами, спросите вы. Да, наверное, потому и потянуло, что все, и читатели, и издатели, и писатели, и переводчики, и кинематографисты (если вспомнить к месту лубочно-красочный фильм «Кубанские казаки»), за годы военного лихолетья успели истосковаться по этой самой красоте. Вдруг одномоментно всем и вся захотелось простых и понятных радостей бытия, хотя бы на бумаге или на экране кинотеатра. Словом, душа алкала возвышенных чувств, благородных поступков, романтических порывов и всего того, что и составляло суть поэзии тех, кто творил в далекую эпоху Возрождения. А потому Ронсар, а потому Шекспир… Высокое и вечное, непреходящее и несуетное, то, что остается с человеком всегда, то, что помогает человеку оставаться этим самым человеком да самого своего смертного часа. Как это там у Ронсара? *«Все тянется к любви и жаждет ласки вновь...»*

Ну, и опять же, страна-победитель! Нужно было продемонстрировать всему «цивилизованному миру», как принято выражаться сегодня, что советский народ, победивший фашистскую гадину в такой кровопролитной войне ценой таких невероятных усилий и жертв, — это не просто народ-победитель, а народ, понимающий и ценящий все величайшие духовные ценности, созданные человечеством на протяжении веков. Более того, мы

эти ценности не просто ценим, но и приумножаем по мере сил и одновременно делаем доступными для каждого, кто говорит по-русски.

Приблизительно такими доводами и соображениями руководствовались, наверное, те, кто в далекие сороковые давал зеленый свет переводам Ронсара и Шекспира. И очень правильно сделали! Ибо можно сколько угодно соревноваться в метании стрел, к примеру, в маршаковские переводы сонетов, выискивать в них неточности, обидные опущения и досадные ошибки. Кстати, я и сама не принадлежу к фанатам маршаковского клуба. Но факт остается фактом. Лучше Маршака (при всем обилии к нему претензий, как мелких, так и крупных) пока никто сонеты Шекспира на русский язык не перевел. Косвенно это подтверждает и тот факт, что многие строки из переводов Маршака разлетелись на цитаты, стали крылатыми выражениями, вошли в саму плоть русского языка, обогатив его новыми красками и образами.

Но вернемся к Ронсару и его переводчику на русский язык.

Любя, кляну, дерзаю, но не смею,
Из пламени преображаюсь в лед,
Бегу назад, едва пройдя вперед,
И наслаждаюсь мукою своею.

Не могу отказать себе в удовольствии процитировать еще один фрагмент, строфу из еще одного сонета Ронсара. Хорошо, правда? Читаешь и чувствуешь, как буквально каждое слово ложится тебе на душу. Или вот этот отрывок:

Исчезла юность, изменила,
Угасла молодая сила,
И голова моя седа.
Докучный холод в зябких членах,
И зубы выпали, и в венах
Не кровь, но ржавая вода.

Но даже это горькое признание, понятное в полной мере лишь тем, кто уже сам достиг преклонных лет, тоже звучит своеобразным утешением всем старикам. Дескать, не печалься, брат! Все проходит в этой жизни, а уж молодость… Она буквально пролетает, оставляя после себя лишь легкий шорох воспоминаний и тихой грусти. Ну да не нами сказано: *«Секрет спокойной старости — это не что иное, как заключение честного союза с одиночеством»*. Маркес знал, о чем говорил. Недаром ведь написал «Сто лет одиночества».

Впрочем, одиночество — это не про нашего героя. Успех переводов Ронсара открывает перед Левиком двери во все ведущие издательства, в редакции крупнейших литературных журналов. Отныне он тоже числится в списке лучших из лучших переводчиков страны. А потому ему везде рады и все готовы немедля пустить его очередные творения в печать. И Вильгельм Вениаминович трудится не покладая рук. Он переводит много и охотно, никому не отказывает, видно, памятуя известные строки Сервантеса, которые сам же и перевел: *«Если ты не умеешь пользоваться счастьем, когда оно само плывет тебе в руки, не жалуйся, если оно проплывет мимо. Одни берут земное счастье с бою, другим само является оно…»*

В 1956 году в издательстве «Художественная литература» выходит в свет томик избранных стихов европейских поэтов в переводах Левика. Он так и озаглавлен: «Из европейских поэтов XVI—XIX веков». И прямо на обложке указано: «Переводы В. Левика». Невиданная честь! Переводчик, чье имя всегда набирается самыми мелкими буковками где-нибудь в самом

конце книги, представлен на равных с самыми блистательными именами европейской поэзии.

Снимаю с книжной полки своей библиотеки это уже успевшее стать раритетным издание в элегантной обложке цвета фрез, как определили бы его искушенные модницы. Память немедленно возвращает меня в те далекие времена, когда была сделана эта покупка. Я даже хорошо помню, где именно: в книжном магазине на улице Кирова, одном из трех лучших на тот момент в городе Минске, наряду с Центральным книжным и магазином «Подписные издания». Каждый месяц родители выделяли мне какую-то скромную сумму на приобретение новых книг, и я рачительно обходила все известные мне торговые точки, в которых осуществлялась продажа книг. И вот в ходе очередного «книжного шоппинга», выражаясь современным языком, в мое домашнее собрание приплыли переводы Вильгельма Вениаминовича. Подозреваю, что не в последнюю очередь потому, что в оглавлении я увидела имя своего любимца Байрона.

Предполагаю, что сие эпохальное для моей библиотеки событие случилось этак в году 1960-м или 1961-м, на что косвенно указывает едва заметный, выцветший от времени, синий штемпель на задней обложке книги, в котором проставлена уже новая цена издания, уже в новых деньгах после пресловутой денежной реформы, затеянной Хрущевым, если мне не изменяет память, в 1960 году. Вместо старых десяти рублей и пятидесяти копеек в штемпеле радуют глаз уже откорректированные цифры: один рубль ноль пять копеек. Но по тем временам обе суммы, и дореформенная, и послереформенная, были совсем даже не шутейными. А потому уже в который раз мысленно благодарю родителей, которые по мере сил и возможностей не отказывали своему дитяти в удовлетворении (опять же по мере сил и возможностей!) его книжных запросов. Бережно листаю пожелтевшие страницы и мысленно восклицаю: «Какие имена! Какие гении!» Само собой, сборник открывается поэзией Ронсара. А далее следуют Мильтон, Лафонтен, Шиллер, Гете, Байрон, Шандор Петефи, Адам Мицкевич, конечно же, Гейне, Виктор Гюго, Бодлер и многие-многие другие.

Ах, как же заразительно я смеялась, когда впервые читала смешливую поэму Байрона под названием «Беппо». Да и как было не смеяться?

На сорок дней прости-прощай, мясное.
О, где рагу, бифштекс или паштет!
Все рыбное, да и притом сухое,
И тот, кто соус любит с детских лет,
Подчас со зла словцо загнет такое,
Каких от музы ввек не слышал свет.
Хотя и склонен к ним британец бравый,
Привыкший рыбу уснащать приправой…

Но протестанты, — вы, о леди, сэры,
Для вас поститься вовсе не закон.
Вы только иностранцы, форестьеры,
Так поглощайте мясо без препон
И за грехи ступайте к черту в лапы!
Увы, я груб, но это кодекс папы.

Или как не улыбнуться, прочитав «сочувственные» строки, которые поэт адресует обитательницам восточного гарема.

Не ходит метафизик к вам вещать,
Иль химик — демонстрировать вам газы,
Не пичкает вас бреднями печать,
Не стряпает о мертвецах рассказы,

Чтобы живых намеками смущать,
Не водят вас на выставки, показы
Или на крышу — мерить небосклон.
Тут, слава богу, нет ученых жен.

Ах, будь моя воля, я бы, не задумываясь, включила в канву повествования всю поэму Байрона целиком от первой строфы и до последнего слова. Так она легка, изящна, умна, остроумна и заразительно смешна. А еще задорна, что совсем нетипично для творческой манеры более позднего Байрона, и на редкость оптимистична, буквально пронизана светом и теплом. Взять хотя бы строфу под номером 80.

О детство! Радость! Молоко! Вода!
Счастливых дней счастливый преизбыток!
Иль человек забыл вас навсегда
В ужасный век разбоя, казней, пыток?
Нет, пусть ушло былое без следа,
Люблю и славлю дивный тот напиток!
О царство леденцов! Как буду рад
Шампанским твой отпраздновать возврат!

Замечательные стихи! И совершенно блистательный перевод! Недаром Ефим Эткинд, один из мэтров советской школы поэтического перевода, так охарактеризовал байроновские переводы Вильгельма Левика: «Левик избавил русских поэтов-переводчиков на сотню лет, а то и на две, от необходимости терзать «Чайльд Гарольда» и «Беппо» Байрона».

Но все же, что составляет суть и квинтэссенцию творческого метода Вильгельма Левика? В чем состоит, так сказать, новаторская новизна его переводческих принципов? И в чем, кстати, принципиальное отличие переводчика Левика от других его современников и коллег, маститых авторов известных на всю страну переводов? Отличие, несомненно, есть. И оно именно принципиальное, что и позволило Левику не затеряться среди других, не превратиться в рядового исполнителя огромного переводческого хора. Ведь даже такой строгий и въедливый до крайности судья, как Виктор Леонидович Топоров, много-много лет спустя после смерти Левика весьма благожелательно оценил его вклад в переводческую копилку отечественной литературы. Он не только назвал его большим мастером перевода, прекрасно переводившим лирику. Всегда скупой на похвалу, Топоров называет эти переводы «блистательными». Не припомню, чтобы еще кому-нибудь переводчик Топоров рассыпал подобные комплименты. Значит, действительно было и есть за что!

Итак, за что же? Частично ответ на этот вопрос можно получить, внимательно прочитав Предисловие к двухтомнику избранных переводов Левика, увидевшему свет в издательстве «Художественная литература» в 1977 году, аккурат в канун семидесятилетия самого переводчика. Предисловие написал Лев Озеров, поэт и один из авторитетнейших специалистов в области поэтического перевода того времени. И вот что он пишет, размышляя о творчестве Вильгельма Вениаминовича Левика.

«В искусстве перевода незначащих мелочей нет. Все подчинено главному делу: знание языков и чувство стиля, музыка стиха и умение живописать словом, общая культура, историко-литературное чутье... Не перечислить всего, что требуется для переводчика поэзии. Но все же впереди должно поставить талант. Это звонкое и емкое слово дает возможность освободить читателя от докучливого перечня».

Все так, согласимся мы. И в подтверждение этих слов процитируем еще один переводческий шедевр Левика — стихотворение австрийца Нико-

лауса Ленау «Смотри в поток». Процитируем полностью, ибо так неразрывно связаны между собой все строфы этого коротенького стиха.

Кто знал, как счастья день бежит,
Кто счастья цену знает,
Взгляни в ручей, где все дрожит
И, зыблясь, исчезает.

Смотри, уйдет одна струя,
Придет струя другая.
И станет глуше скорбь твоя,
Утраты боль живая.

Рыдай над тем, что рок унес,
Но взор впери глубоко
Сквозь пелену горячих слез
В изменчивость потока.

Найдешь забвенье в глуби вод,
И сердцу будет зримо:
Сама душа твоя плывет
С ее печалью мимо.

Перечитаешь эти внешне незамысловатые строки, и вдруг невольное восклицание сорвется с твоих уст. Бог мой! Так ведь эти такие русские, такие «свои» стихи были впервые написаны совсем даже не по-русски. Их написал великий австрийский поэт-романтик первой половины XIX века, и написал по-немецки. Конечно, можно покопаться в родословной Ленау и даже обнаружить, что его предки были онемеченными славянами, то есть проявить то самое историко-литературное чутье, о котором упоминал Лев Озеров. И все же, право дело, никакое чутье не спасет переводчика, если у него нет таланта. А в нашем случае можно и многократно усилить это качество: большого, настоящего таланта.

И еще немного сугубо переводческих медитаций. Чем лично я, как профессиональный переводчик, обязана Вильгельму Левику? Сама-то я ведь никогда не занималась поэтическими переводами. Так какие такие практические уроки мог он преподать мне своим творчеством? А ведь и преподал! За что ему моя вечная благодарность.

Но сначала буквально несколько слов о самом процессе письменного перевода. Словом, та самая информация, весьма лаконичная, впрочем, ибо никаких пространных лекций по теории перевода мы устраивать не собираемся. Но все равно, «скукатень», выражаясь языком всеобщей любимицы Маши из популярного мультика «Маша и Медведь». Однако без нее нам дальше никак не двинуться в разговоре о переводчиках и о переводах.

Итак, существует множество способов перевода слова с одного языка на другой. Самый традиционный и самый распространенный, разумеется, — это поиск по словарям соответствующего эквивалента. Иными словами, открываешь словарь, находишь искомое слово, выбираешь нужное тебе значение (то есть эквивалент) и включаешь его в свой перевод. Но есть одна небольшая загвоздка, ибо наряду с эквивалентной лексикой в каждом языке имеется и довольно обширный массив так называемых безэквивалентных слов: всякие там национальные и культурные реалии типа «пончо» или «самовара», названия газет и журналов, различные рекламные слоганы и торговые марки, названия блюд национальной кухни и прочее, и прочее. Обычно такую лексику переводчики обязаны сохранить в переводимом ими тексте в своем первозданном виде, то есть стараться максимально воспроизвести звуковое произношение слова. Но при этом рекомендуется

вводить в текст некие дополнительные слова, разъясняющие читателю суть предмета. Между прочим, для тех, кто занимается научно-техническим переводом, эти рекомендации являются уже строго обязательными. Сама помню (а я несколько десятилетий занималась именно переводом научной литературы), как после названия какого-нибудь мудреного журнала типа «Апплайд Физикс» я тут же в скобочках делала обязательную приписку: «Журнал по проблемам прикладной физики», то есть как бы расширяла переводимое понятие, делая его понятным даже тем, кто не владеет английским языком. Такой способ перевода тоже имеет свое терминологическое обозначение, и называется он так: логическое развитие понятия.

Хорошо! Но при чем тут Левик? — быть может, удивится кто-то из читающих сей очерк. А при том, что Вильгельм Вениаминович был в числе первых отечественных переводчиков художественной (подчеркиваю это особо!) литературы, кто четко обозначил проблему и сформулировал свои требования к качеству переводимого материала. Коротко суть этих требований такова: читатель, погружаясь в текст переводного материала, должен понимать в нем решительно все, что имел в виду автор. Высшая планка качества — это когда комментарий к переводу находится в нем самом. Что на самом деле чертовски сложно, особенно если речь идет о переводе художественного произведения. Ведь логическое развитие понятия неизбежно влечет за собой появление некоторой отсебятины, проще говоря, слов, которых не было и нет в оригинальном тексте. К тому же, такая отсебятина может быть не вполне точной, плохо вписываться в авторскую стилистику, нарушать ритм и рифму (если речь идет о поэтическом произведении). Да и другие подводные камни (множество камней, и даже огромных булыжников) возникают на пути тех, кто пытается неукоснительно следовать тем требованиям, которые означил Вильгельм Вениаминович.

Да! Трудно! Но пытаться-то надо! И вот вам свежий пример из собственной практики. Сравнительно недавно я завершила перевод романа, действие в котором разворачивается в Лондоне в шестидесятые годы прошлого века. Главные герои, совсем еще юные, влюблены друг в друга и преисполнены решимости преодолеть все многочисленные препоны на своем пути, чтобы быть вместе. А проблем великое множество, и чисто сословных, и статусных, и расовых, и прочих. Но любовь правит бал вопреки всему и вся. И вот в один из вечеров молодой человек, встретив свою возлюбленную после работы, приглашает ее в Сохо, обронив короткую реплику: «Сегодня мы идем в Ронни Скотс». По тому, как радостно вспыхнули глаза девушки, какими возбужденными восклицаниями она разразилась, услышав это сообщение, стало понятно, что парень пригласил девушку в не совсем обычный ночной клуб. Порывшись во всяких справочниках, поползав по всемирной паутине, я, наконец, обнаружила то, что искала. Да, действительно в средине прошлого века в центре Лондона, в той его части, которая именуется районом Сохо и где сосредоточены самые шикарные рестораны, ночные клубы, казино и прочие увеселительные заведения, функционировал и знаменитый на тот момент джазовый клуб «Ронни Скотс», в котором почитали за честь выступать самые прославленные джазмены и вокалисты, исполнители джазовых мелодий. Оставалось лишь аккуратно ввести полученную информацию в текст романа, не нарушив при этом целостность повествования. Что было сделано следующим образом: когда герои подошли к клубу, размещавшемуся в полуподвальном помещении, я добавила в переводимый текст то, что было важно знать читателю о месте действия. И вот как выглядит фраза уже в русскоязычном варианте (специально подчеркиваю слова, которых нет в оригинальном тексте).

«Они устремились вниз по лестнице, туда, где в зияющих глубинах полуподвала ***разместился знаменитый джазовый клуб»****.*

Вполне возможно, кому-то подобные манипуляции со словами покажутся пустяшным занятием, но на самом деле (повторюсь еще раз!) это далеко не так. Как поется в одной старинной солдатской песне, ловко вписано в бумагу, да забыли про овраги, а по ним шагать. Именно так! Шагать и при этом тщательно сверять каждый свой шаг с оригиналом. Ибо порой можно такого нагородить в пылу переводческого рвения, что, как говорится, курам на смех. Сама помню, как покоробило меня в первом русскоязычном издании знаменитого романа Сэлинджера «Над пропастью в ржи» то, как переводчик (специально не называю фамилии, ибо человек этот уважаемый и заслуженный, но просто ошибся. А с кем не бывает?) переиначил по-русски слово «гамбургер», обозвав его «котлетой с булкой». Уж лучше бы написали «бутерброд», помнится, досадовала я. Но человек-то ведь старался, пытался максимально конкретно объяснить русскому читателю, на тот момент понятия не имеющему об этих самых гамбургерах, что это такое и как их едят.

Впрочем, не менее досадные сбои случаются порой и тогда, когда переводчики запускают в русский язык оригинальное слово в его транслитерированном виде, не пытаясь при этом объяснять логическую сущность понятия. Так, к примеру, случилось с английским словом *cottage*, которое на языке оригинала означает прямо противоположное тому, что представляет собой русскоязычный *коттедж.* У них — это скромный индивидуальный дом, скорее, даже домик, без всяких там наворотов и прочее. Причем чаще всего расположенный в сельской местности, словом, английский вариант всем знакомой «избы». У нас же со словом «коттедж» нынче ассоциируется исключительно роскошное жилье, этакий особняк, часто с помпезными колоннами и башенками. Разве что только мраморных львов на въездных воротах не хватает. Где и как произошло это рассогласование смыслов, сказать сегодня трудно. Но то, что частично вина за такую смысловую метаморфозу лежит на переводчиках, не вызывает сомнения. Значит, где-то допустили ошибку, не добавили в контекст нужных пояснений, предпочли более легкий путь. Просто взяли и пересадили английскую реалию на русскоязычную почву в ее первозданном виде, а реалия взяла и подшутила над всеми нами: произросла и расцвела в отечественных широтах совсем другими цветами.

И что делать? — быть может, спросят меня иные коллеги-переводчики. Учиться у Левика, отвечу я с ходу. Учитесь у Левика, особенно молодые. Читайте его переводы. Это настоящие мастер-классы высочайшего профессионального уровня. Всего лишь один пример из того же «Беппо» на все ту же тему логического развития понятия.

Они пошли в Ридотто. Это зал,
Где пляшут все, едят и пляшут снова.

Посмотрите, как аккуратно и как точно вносит переводчик необходимую для читателя информацию, разъясняя ему непонятное слово. И это в стихотворном произведении! Воистину, верх переводческого мастерства.

Столь же неумолимо строг был Вильгельм Вениаминович и в отношении всяческой тавтологии, невнятицы, даже если речь идет об авторском тексте. Коряво построенные фразы, бессмыслица, коя порой случается в произведениях супер-пупер авангардных писателей, кичащихся своим особым, только им присущим стилем, так вот, все эти авторские экзерсисы Левик рекомендовал жесткой рукой править и изгонять из перевода. Его кредо оставалось неизменным: читатель должен понимать все!

Сам же он неукоснительно следовал собственным установкам и принципам. И действительно! Читаешь переводы Левика и наслаждаешься: все понятно, все ясно, все точно. Безукоризненный язык, безупречная интерпретация, качество наивысшей пробы. Словом, читайте переводы Левика, и вы все поймете сами, глубокоуважаемые мои читатели.

А каким он был в жизни, этот виртуоз переводческого слова? В 2007 году к столетию Вильгельма Вениаминовича Левика вышла в свет книга, посвященная этой славной дате: «Золотой рог Оберона». В ней помимо переводов юбиляра содержатся и воспоминания его друзей и коллег. Все они рисуют образ человека незлобивого, независтливого, деликатного, не способного обидеть, как говорят про таких людей, и мухи. Даже если к нему в руки приплывали отвратительные стихотворные переводы, мастер старательно выискивал в них малейшие крупицы чего-то стоящего. «Ну что ж, — ронял он вяло в подобных случаях, — хорошие стихи, красивые…», видно, подразумевая красоту на уровне восприятия Эллочки-людоедки. А еще Вильгельм Вениаминович был смешлив, любил каламбуры и сам при случае мог блеснуть удачной остротой. Друзья вспоминают, как метко он переиначил известную крыловскую басню: «В Во-ронеж как-то бог послал кусочек сыра…» Впрочем, чему удивляться? Ведь он же переводил самого Лафонтена.

И вот вам в качестве примера строки из басни Лафонтена, которые — ей же богу! — словно адресованы самому переводчику Левику.

Мы правду любим даже в отраженье,
Каков же правды настоящий лик!
Я силу правды смолоду постиг
И отдал ей стихи мои в служенье.

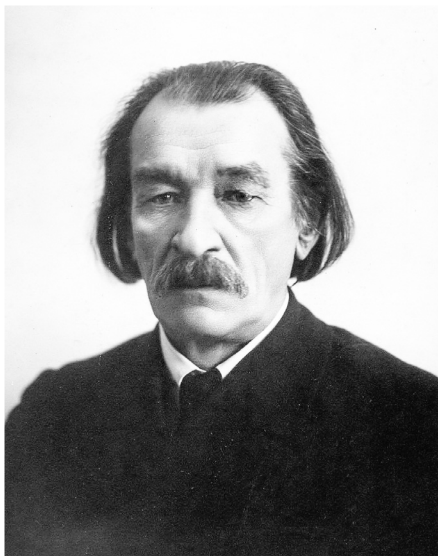
И не только стихи, добавила бы я. Весь свой недюжинный талант, весь свой незаурядный дар переистолковывать чужое, делая его своим. Плюс уникальное умение стирать ту самую грань между ясным и неясным, если снова вспомнить строки, вынесенные в качестве эпиграфа к очерку.

Что ж, самое время подвести черту под нашим повествованием. Предлагаю завершить его еще одной цитатой из последней, 99-й строфы поэмы Байрона «Беппо» в переводе Вильгельма Вениаминовича Левика, очень даже уместной в качестве прощальных слов.

Листок дописан, и рука устала.
Пора кончать. Вы скажете: о да!
Давно пора, рассказ и так уж длинен.
Я знаю сам, но я ли в том повинен!

Микола ТРУС

Народоволец, подвижник науки Адам Богданович



Громкие юбилеи этого года (500-летие белорусского книгопечатания, 135-летие Янки Купалы и Якуба Коласа, 100-летие — Янки Брыля и Пимена Панченко) несколько отодвинули на периферию общественного внимания другие памятные даты, связанные с жизнью и деятельностью других людей, значимых в истории отечественной культуры. Среди них Адам Богданович (1862—1940), упоминаемый чаще и прежде всего как отец классика белорусской литературы.

Широкой аудитории неизвестно, что на этапе выработки концепции литературной энциклопедии «Максім Багдановіч» (2011) учеными-филологами предлагался иной подход в ее составлении, логичный и обоснованный, однако дугого порядка — «Богдановичская энциклопедия», издание, которое охватывало бы не только творчество «поэта чистой красы», но и творчество Адама Богдановича. Настолько весомым для культуры Беларуси представало перед специалистами — литературоведами и музейными работниками — его научное и творческое наследие, в большинстве своем неопубликованное. По общему признанию близких поэта, в большом роду Богдановичей именно Адам Егорович выделялся энциклопедичностью знаний, многогранностью таланта.

Однако после обсуждения было принято решение придерживаться концепции персонального справочного издания, апробированного в русской (М. Ю. Лермонтов) и белорусской (Янка Купала, Франциск Скорина) книгоиздательской практике. Для энциклопедии «Максім Багдановіч» была подготовлена объемная статья, принадлежащая перу автора этих строк, в которой на основе архивных материалов, в сжатом виде, был представлен весь жизненный путь отца поэта — в проекции на этапы становления его гениального сына.

В данном случае мы сосредоточимся на тезисном освещении профессиональной, общественной и научной деятельности самого Адама Богдановича. И таким образом попробуем хоть в некоторой степени ответить на следующие вопросы: благодаря чему выходец из простой семьи безземельных белорусских крестьян состоялся как незаурядная личность, был принят на равных передовой интеллигенцией (в том числе из потомственных дворян) Минска, Гродно, Нижнего Новгорода и Ярославля; в глазах деятелей национального возрождения был не только патриархом прославленного поэтом рода, но и представителем целого поколения

общественных деятелей, летописцем будничной (сельской и городской) истории Беларуси XIX века?

Сегодня не может не удивлять, как при огромной занятости на педагогической работе, в Государственном земельном крестьянском банке, в семейных хлопотах (10 детей), А. Богданович находил время и силы для научных изысканий, общественной и культурно-просветительской деятельности.

Образование. А. Богданович окончил Холопеничское народное училище (1874). Во время обучения две зимы работал в качестве помощника учителя. Это давало небольшой заработок, но главным было — неограниченный доступ к школьной библиотеке, возможность углублять знания путем самообразования.

В 1874—1979 гг. с целью приобретения специальности и постоянного заработка, а также выполняя волю родителей, проходил ремесленную выучку в Минске: в железнодорожных мастерских, частной слесарной мастерской, кондитерской. В конце концов остановил свой выбор на профессии учителя.

В 1882 г. А. Богданович окончил Несвижскую учительскую семинарию, так называемый «крестьянский университет», коим и ограничилось его казенное образование. В дальнейшем самообразование сыграло огромную роль в формировании его кругозора, изучении иностранных языков, знании художественной литературы.

Государственная служба и общественная деятельность. После окончания учительской семинарии А. Богданович был принят на должность учителя сельской школы в д. Погорелое Игуменского уезда. В 1886—1892 гг. — учитель, заведующий 1-м Минским приходским училищем; одновременно преподавал в Минском еврейском ремесленном училище.

Учительствование длилось почти 10 лет, до 6 июня 1892 г. Затем, по рекомендации врачей, А. Богданович оставил педагогическую работу, устроился на службу в Государственный крестьянский земельный банк, где и прошла его основная трудовая деятельность — до 1 февраля 1920 г. В 1905 г. был награжден орденом Святой Анны 3-й степени — факт, доселе неизвестный исследователям. Уже при новой власти финансовая карьера А. Богдановича остановилась на должности управляющего Ярославским отделением банка.

Одновременно со службой в банке (места назначения менялись) А. Богданович на выборной основе занимал ряд должностей общественного характера: директор Гродненской публичной библиотеки (1892—1896), заведующий Нижегородской общественной библиотекой (1897—1898). Делегат на установочный Всероссийский съезд служащих государственных земельных банков (1917). Председатель профсоюзного комитета служащих Ярославского отделения Государственного земельного банка (1917—1920). Председатель правления ярославской организации профсоюза работников банковско-кредитного дела (ТРУДБАНК), заместитель председателя правления губернской организации работников финансово-контрольного дела (ФИКОНТРУД) (1919—1920).

В 1920-х гг. общественная деятельность А. Богдановича была связана с профсоюзным движением, основанием Ярославской центральной научной библиотеки, организацией культурно-просветительских мероприятий, краеведческой работой и т. д. Он вернулся к культурно-просветительской и педагогической деятельности. Работал заведующим научной библиотекой Ярославского исторического музея. Организовывал книжные выставки, посвященные 100-летию со дня рождения Н. А. Некрасова, краеведческой литературе, истории книги, русскому журналу, революционной сатире 1905—1906 гг., памяти декабристов и т. д. По совместительству преподавал в Ярославском художественно-педагогическом техникуме (лекции по истории культуры), Театральном техникуме (лекции по истории театра и драматическому анализу), Музыкальном техникуме (лекции по истории культуры).

Неоценимой услугой для белорусской культуры стало то, что в сложных условиях революционных потрясений, гражданской войны А. Богданович сохранил рукописи своего сына и в 1923 г. привез их в Минск, передал в Институт белорусской культуры. Он активно помогал сотрудникам Инбелкульта в подготовке к изданию «Твораў» М. Богдановича (1927—1928, тт. 1—2), о чем свидетельствует сохранившаяся переписка с его составителями — Иваном Замотиным, Василием Мочульским, а также писателем и общественным деятелем Язэпом Дылой.

Адам Богданович стал первым биографом своего сына-поэта. В 1923 г. он написал «Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича», ставшие основным источником информации об условиях воспитания, жизненного и творческого становления классика белорусской литературы.

В 1932 г. А. Богданович вышел на заслуженный отдых, занимался научной работой, писал мемуары. За особые заслуги в деле сохранения национального культурного наследия правительство БССР в 1928—1930 гг. и в 1940-м выплачивало А. Богдановичу персональную пенсию.

Политическая деятельность. По словам А. Богдановича, еще во время учебы в Несвижской учительской семинарии он был организатором и руководителем нелегального, с народовольческим уклоном кружка саморазвития среди учащихся. После окончания семинарии вступил в ряды минской организации «Народной Воли». Проводил агитационную работу среди народных учителей и крестьян.

Свой переход на службу в Минск А. Богданович объяснял предложением руководства организации. Был включен в состав местной руководящей группы.

Согласно «Записке о служебной, научной и профессиональной деятельности...», составленной А. Богдановичем в 1927 г. к 45-летию своей государственной службы и 40-летию научной работы, участие в минской организации «Народной Воли» проявлялось в следующем:

1. Я вел революционную пропаганду среди учителей, организовав учительскую группу народовольцев и связав эту группу с руководящей организацией;

2. Я вел пропаганду среди военных (вольноопределяющихся, подпрапорщиков и офицеров) и служил связующим звеном между этой группой и руководящей организацией;

3. Я руководил кружками учащейся молодежи в течение 6 лет и вел в ее среде революционную пропаганду.

По доносу в департамент полиции, что заведуемое мною училище является штаб-квартирой местных революционеров, двукратно подвергался обыскам, но ничего не было найдено, хотя у меня хранились в тайнике революционная библиотека и паспортное бюро. Из этих обысков я вышел «неповрежденным», но мое начальство, конечно, было радо избавиться от меня.

Отзывы о моей революционной деятельности моих оставшихся в живых товарищей (сотрудницы Института имени К. Маркса и Ф. Энгельса — Е. А. Гурвич, народовольцев — А. С. Павловского, Р. А. Протаса и В. И. Слепян, члена ВКП(Б)), при сем прилагаются.

О периоде народовольческой деятельности А. Богдановича известно также со слов его соратников по политической борьбе — в журналах «Былое» (1907, № 6), «Еврейская летопись» (1923, № 1), «Узвышша» (1927, № 2), газете «Савецкая Беларусь» (1923, № 136), других изданиях.

Перу А. Богдановича принадлежат мемуарные заметки «К истории партии «Народной Воли» в Минске и Белоруссии. 1880—1882 гг.» (белорусскоязычная публикация: журнал «Маладосць», 1995, № 11, 12), «Революционное движение в г. Минске и губернии в 80-х и начале 90-х годов [XIX века]. По личным воспоминаниям».

Научная деятельность. Основными направлениями своей научной работы А. Богданович считал этнографию и историю культуры. Системные исследования были начаты им в середине 1880-х гг. А. Богданович писал статьи по вопросам белорусской этнографии и фольклора, выступал с рецензиями на книги и театральные постановки, переводами художественных произведений европейских авторов. Печатался в газетах «Минские губернские ведомости», «Минский листок», «Виленский вестник», «Гродненские губернские ведомости», «Нижегородский листок» и др.

Во время антибольшевисткого восстания и пожара в Ярославле в 1918 г. богатая библиотека, этнографические записи и подготовленные к печати материалы А. Богдановича были безвозвратно утеряны. В 1920—1930-х гг. ученый стремился восстановить историю всех своих публикаций, но довести до конца начатую работу не успел. Предложил следующую тематическую классификацию напечатанных материалов: этнография и обычное право, земельный вопрос, народное образование, научная и литературная критика, публицистика, статьи и рецензии по драме и театру, переводы с польского и французского языков.

При жизни А. Богдановича отдельными изданиями были напечатаны «Про панщину. Очерк крепостного быта в Белоруссии» (Гродно, 1894), «Пережитки древнего миросозерцания у белорусов» (Гродно, 1895). «Пережитки...» были положительно восприняты научной мыслью того времени, а их автор снискал славу серьезного и перспективного ученого («Научное обозрение», 1895, № 33; «Живая старина», 1895, т. 3—4; «Новости», 1895, № 230; «Wisła», 1897, т. 11, вып. 3, и др.). Фольклорные записи А. Богдановича опубликованы в «Материалах для изучения быта и языка населения Северо-Западного края» известного исследователя устного народного творчества П. Шейна, напечатанных в «Сборнике Отделения Русского языка и словесности Академии наук» (1884—1901; тт. 41, 51, 57, 67).

Намного позже, уже после смерти ученого-самоучки, увидело свет его исследование «Язык земли. Население Верхнего Поволжья, Оки и Камы» (Ярославль, 1966). Неизданными до сего дня остаются фундаментальные, объемные научные разработки, в свое время благожелательно оцененные специалистами, не утратившие своей значимости и в настоящее время: «Водо-речные и озерные имена, как исторический, этнологический и лингвистический материал», «Язык земли. Образование водо-речных и озерных имен и что от них происходят», «Водо-речные и озерные имена», «Этнический состав народов славянских и русских», «Этнический состав белорусского народа», «Аграрное движение в Белоруси в связи с переселением белоруссов», «Население Верхнего Поволжья и Оки» и др.

Мемуарное наследие. Кроме воспоминаний о деятельности «Народной Воли», Максиме Горьком яркий талант А. Богдановича-мемуариста демонстрируют также записи, собранные под названием «Мои воспоминания». Впервые отрывки из этих воспоминаний в переводе на белорусский язык были напечатаны в журнале «Полымя» (1962, № 3). В 1965 г. белорусские исследователи Ирина Крень и Юлиан Пширков подготовили и опубликовали фрагменты воспоминаний А. Богдановича под одной обложкой со «Страницами из жизни Максима Горького» и «Материалами к биографии Максима Адамовича Богдановича». Мемуары отца поэта в максимально полной журнальной версии были напечатаны на страницах «Нёмана» (1994, № 5—8) — с комментариями, фотоснимками из архива Богдановичей, государственных музеев Минска. Отдельным изданием воспоминания А. Богдановича были изданы в 2012 г. (первая книга запланированного двухтомника «Я всю жизнь стремился к свету»).

Необходимость написания воспоминаний, свою личную ответственность за фиксацию прошлого А. Богданович объяснял следующим образом: «*Я — ранний выходец из среды белорусского крестьянства, — выходец, имеющий голос.*

На мне лежит долг — я это чувствую — рассказать про то, что лично переживал и что переживали мои близкие, что я видел, наблюдал и слышал от других людей, людей старого поколения, заслуживающих доверия, про людей и их дела, заслуживающие внимания».

Мемуары А. Богдановича, по сути дела, не имеют аналогов. Они ценны не только как источник изучения корней поэта, генетических кодов его таланта, но и как настоящая энциклопедия белорусской жизни, охватывающая временной промежуток в целое столетие.

Архивные материалы о жизни, общественной и научной деятельности А. Богдановича хранятся в Национальном историческом музее Республики Беларусь, Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства, Литературном музее М. Богдановича, профильных учреждениях Москвы, Ярославля, Нижнего Новгорода и т. д.

Адам Богданович и Антон Луцкевич. Один из идеологов белорусского национального движения начала XX века Антон Луцкевич имел самое непосредственное отношение к писательской судьбе Максима Богдановича, изданию, осмыслению и популяризации его творчества. Вместе с Вацлавом Ластовским он готовил к печати единственный прижизненный сборник стихов «Вянок» (Вільня, 1913), написал первую рецензию на книгу, где впервые прозвучала ёмкая образная характеристика — *«паэта чыстай красы»*. По приглашению Антона и Ивана Луцкевичей молодой поэт впервые после долгой разлуки с родиной посетил Беларусь: *Вільню*, колыбель белорусского возрождения, и усадьбу дяди братьев Луцкевичей в Ракутевщине (Молодечненский район Минской области). Благодаря ему в 1927 г., к 10-летию со дня смерти поэта, «Вянок» получил свое второе рождение в виленском издательстве Б. Клецкина.

В фондах Литературного музея М. Богдановича в Минске хранятся три письма А. Богдановича к А. Луцкевичу, датированные 1927 и 1929 гг. Одно из них, от 4 мая 1929 г., было опубликовано в книге «Максім Багдановіч: вядомы і невядомы» (2011), два других не известны читательской аудитории. Письма А. Луцкевича к А. Богдановичу, к сожалению, пока не выявлены. Но и сохранившаяся корреспонденция дает представление о сути интересующих авторов вопросов: народовольчество в Беларуси последних десятилетий XX века, пути формирования нового белорусского литературного языка и национальной письменности. Позиция отца поэта и сегодня не утратила своего значения, дискуссионного потенциала. О чем мы и предоставляем возможность судить читателям «Нёмана». От себя лишь выскажем благодарность в адрес сотрудниц Музея М. Богдановича — Марины Запартыко, Ирины Мышковец и Елены Книга — за помощь при подготовке этой публикации.

Письма Адама Богдановича к Антону Луцкевичу[1]

25/V 27 г. Ярославль, Флотский пер., д. 72а, кв. 2.

Антонию Луцкевичу

Дорогой Земляк!

В. Ф. Мочульский просил меня написать Вам, что мне известно об издании «Гомона». Охотно откликаюсь на эту просьбу, но, к сожалению, мне очень мало известно: за давностию лет, что было известно — поистерлось в памяти. Хотя я в это время уже принадлежал к партии «Народн. Воли», но жил в деревне и не входил еще в состав Минской руководящей организации (в нее я вошел в 85 году, а «Гомон» вышел, сколько помнится, в 84) и стало быть, не был посвящен в организацию этого дела и не имел прямых отношений к редакции этого подпольного издания.

[1] В письмах сохранена авторская стилистика.

Около этого времени, т. е. в 84 или 85 году, я имел в руках один номер «Гомона». Это была небольшая тетрадка страниц 16, формата обычных ученических тетрадок, отпечатанная гектографическим способом. Была ли это тетрадка, или оригинальное издание, в точности не знаю, но думаю, что это был оригинал, т. е. само издание. Помню, статьи написаны были хорошим белорусским языком в народническом духе — в духе «Земли и воли», но на националистической подкладке. Более подробно характеризовать содержание не могу. Этот орган не исходил от Минской группы народовольцев — это можно утверждать с положительностию. Отношение наше к нему было довольно безразличным: наша пропаганда захватывала интеллигентские слои, а народа только слегка касалась, так что белорусский язык для нас никакого плюса не давал. И мы в это время избегали всяких осложнений на почве национализма. Вернее — эти вопросы оставляли в стороне, как имеющие, с нашей точки зрения, второстепенное значение, как вопросы будущего.

Насколько я сейчас припоминаю — появление «Гомона» связывалось с именем Гаховича, бывшего воспитанника Минской Духовной семинарии, ведшего в ней революционную пропаганду в 80—81 году. Он был студентом медицинского факультета, кажется, в Москве; впоследствии провалился и должен был эмигрировать. Потом — я слышал — после 905 года он возвратился на родину и был врачом в Новогрудском уезде, где-то в районе Негневич или Корелич.

Вот и все, что я могу сказать по интересующему Вас вопросу. Разумеется — это очень мало, но все это — «дела давно минувших дней», и для нас, минских народовольцев, появление «Гомона» было мимолетным эпизодом, который был заслонен рядом других текущих вопросов, с нашей точки зрения — более актуального значения.

Я понимаю, что для историка белорусской политической мысли этот эфемерный журнальчик (едва ли он выходил более одного раза) должен представлять особый интерес, но — увы — едва ли хоть один номер его сохранился. Разве — где-нибудь в жандармской канцелярии.

И едва ли кто-нибудь сохранился в живых, кто был причастен к его изданию. Можно думать, что это было белорусское студенческое землячество в Москве, ибо оттуда получали и гектографированную и литографированную литературу. Анастасий Александрович Сицинский (85—86 года), ныне покойный, и другие минские студенты ее привозили. А также — Гахович. Если на Ваше счастье — он живет: поищите, поспросите.

Нас так мало осталось из когда-то мощной минской организации народовольцев: я могу насчитать не более 5 человек.

Скоро и мы отойдем один за другим — и удастся ли даже записать то, что сохранилось в памяти, о нашей борьбе и страданиях.

Суета житейская, тормошня, сутолока не дает возможности погрузиться мысленно в прошлое и занести его на бумагу…

Сегодня как раз 10-летняя годовщина со дня смерти моего сына Максима, память о котором, я знаю, дорога Вам. И мне приятно в этот печальный день пробыть некоторое время в мысленном общении с Вами. Приятно было узнать, что Вы здравствуете и питаете живой интерес к белорусскому прошлому. Здравствует ли Ваш брат? Я следил за Вашей деятельностью издалека, а частию чрез посредство сына, и достаточно знаком с нею, поскольку дело касается дореволюционного периода.

Мне Мочульский писал, что Вы отзывчиво относились ко всем запросам, касающимся издания сочинений Максима, — большое спасибо Вам. На днях первый том выходит из печати (а может быть, уже и вышел) — и это самое важное, что можно и нужно было сделать для памяти покойного, отдавшего безраздельно свою коротенькую жизнь поэтическому служению своей родине, своему народу.

Это было жертвенное служение, род обреченности — и в этом отношении он редкий пример: его стихи — поистине — выстраданные стихи. Конечно — не все им написанное попало в печать, но все же достаточно полна будет книга его страданий. Едва ли я дождусь второго издания (его поэзия далеко не в духе современных настроений) и поэтому радует, что наконец это издание осуществилось.

Всего Вам хорошего. Может быть, и встретимся когда-нибудь. Пока сердечно пожимаю Вам руку. А. Богданович

27/VI 27 г. Ярославль, Флотский пер., д 72а, кв. 2.

Уважаемый и дорогой земляк!

Хотелось бы мне ответить Вам на родном языке, которым я владею вполне, но меня стесняет непривычная орфография: я вечно путаюсь в употреблении буквы і, некоторых других, так что мне пришлось бы написать и переписать, а этого я положительно не выношу. Так что не взыщите. Правду говоря — у меня несколько иное отношение к русскому языку, чем у некоторых белорусов следующего за моим поколения: для меня они одинаково милы и дороги. Один для меня язык родины, другой — язык отечества.

С грустью и сожалением узнал из Вашего письма о смерти Вашего, доброй памяти, брата Ивана. Я знаком и с его, и с Вашей деятельностью по русской и польской печати и со слов покойного сына, который восхищался его коллекцией слуцких поясов и другой белорусской старины, а так как я также любитель старины, то это роднило нас на почве общей склонности.

Что касается вопроса о языке 1 номера «Гомона», то Ваше письмо меня смутило. Хотя я обладаю исключительной памятью и привык ей доверять, но время (43 г.) очень многое в ней стерло. Раз установлено фактически, что второй номер писан по-русски, и притом без оговорки о перемене языка, то естественно думать, что и первый номер был тоже написан по-русски. Я долго ворошил свою память, но ничего положительного не выжал из нее, кроме общего облика: тетрадки формата обычного почтового листа (половина того, на котором я пишу), синих гектографических чернил, титула «Гомон», написанного очертанием букв, т. е. они казались белыми, ибо обведены были только по краям и еще с какой-то дополнительной надписью — чей и какой орган. Вы пишете о федеративном начале: это я помню. И это меня смущает: не был ли в моих руках второй номер?

Я помню, что получил тетрадку от Ивана Марковича Околовича, в то время семинариста Минской Духовной семинарии, впоследствии студента Варшавского ветеринарн. института и военного ветеринарн. врача. Он вскоре отстал от революции, и следы его совершенно потеряны. С ним вместе я читал и обсуждал содержание. Конечный вывод таков: 1, не могу положительно утверждать — был ли в моих руках I или II номер: была одна тетрадка, т. е. один номер; 2, мне трудно решительно отказаться от белорусского языка (почему-то это маячит), но не могу на этом настаивать. Формула такова: кажется, что на белорусском языке. Большего ничего дать не могу. Еще живы человек 5—6 минских народовольцев. При встрече постараюсь осведомиться. Но едва ли какой-нибудь остался след в их воспоминаниях: это было слишком мимолетно. Обратитесь в Минске к Анатолию Осиповичу Бонч-Осмоловскому. Сделать это можно через Мочульского, а он чрез посредство его дочери Ирины Анатольевны, врача, работающего при Бел. Университете: пусть она спросит у отца и матери: авось, что-нибудь помнят.

Что касается истории народовольческого и других общественных движений в Белоруссии, то я имею в виду дать свои воспоминания. Побуждал к этому и других; и Евгения Адольфовна Гурвич уже принялась за писание. Я на днях, проснувшись ночью, после того как видел во сне одного из товарищей, заметил, что я забыл, как его зовут. Это меня повергло в сильное смущение: я не привык забывать. И я, тут же встав, набросал список всех, кого вспомнил (припомнил и

забытого): оказалось свыше 100 человек, не считая рабочих. Видите — какая это была сильная группа. Может быть, удастся написать в ближайшее время. Думаю, что они будут напечатаны в Минске, и тогда Вы сможете воспользоваться всем, что нужно для Вашей цели.

Были связи у нас и с Вильной. Я сам в конце 80 годов ездил туда, чтобы уладить кое-какие дела. Явка у меня была к некоему Лукьяненко (может быть, Лукьянов), чиновнику окружного суда. Через его посредство я свиделся с Исааком Дембо, впоследствии убитым при взрыве снаряда в Швейцарии. Говорилось, между прочим, о некоем Антоне, одном из местных жителей (я его не видел): не Вас ли разумели под этим именем?

К сожалению — ни «Венка» перепечатанного, ни «Родных Гоней» с Вашей статьей о Максиме я не получил. Что за причина — не знаю. А хотелось бы получить, по крайней мере, Вашу статью.

Будьте любезны сообщить Ваше отчество — привычная форма русских писем этого требует. Белорусы новейшего поколения привыкли отчеств не употреблять, а между прочим — это старинная наша особенность. Помимо положительных фактов из древних грамот, портретных надписей и пр. как иначе объяснить происхождение белорусских фамилий на «вич» и множества селений на «вичи»? В Москве это (вичитие) было привилегией князей и знати, а у нас, по-видимому, было общенародным обычаем, который, казалось бы, следует восстановить, как это практикуется в Росейщине и на Украине.

Всего хорошего.

А. Богданович

4/V 29 г. Ярославль, Флотский пер., д 4. кв. 2.

Дорогой Земляк!

Из датировки Вы видите, что пишу Вам накануне праздника Пасхи — праздника, который для верующих и неверующих в воскресение Христа является великим праздником — праздником особых переживаний, особых настроений, может быть, унаследованных от предков или же заразительно воспринимаемых от настроения всего народа. Так вот «в Христову ночь» мне хочется послать Вам сердечный привет с Великой Русской Реки на берега Вилии — «потоков Царицы». Чего Вам пожелать? Конечно и прежде всего — всего хорошего. Это лично Вам.

А затем — да будет на земле мир и в человецех благоволение и да придет скорее то блаженное время, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся» (Пушкин — Мицкевичу). Аминь, что значит — да будет.

Вашу книжку «Адбітае жыцьцё» — получил. Спасибо за память и внимание. Как и все, что я получаю из Белоруси, я ее сразу прочитал «от доски до доски». Она меня порадовала меткостью Ваших критических суждений, проникновенностью в лирику поэта, тонкостью понимания его переживаний и особенностей его творчества. Впрочем, с этими Вашими качествами, как критика, я уже был давно знаком, но приятно было встретиться с этой Вашей особенностью в более крупном масштабе и по поводу разнообразных поэтических явлений.

Не скрою, что меня порадовало то в Вашем стиле, что Вы не избегаете так называемых «руссицизмов»: их у Вас встречается довольно много. По отношению к моему сыну это обыкновенно отмечается критикой как его недостаток. Но я ему никогда не ставил этого в вину. Напротив, где недоставало белорусского слова, советовал заимствовать и усваивать белорусской речи рассейские слова как более близкие и понятные белорусам, а не ходить у пазыки к чужому дяде, как это делают многие современные белорусские писатели, главным образом прозаики, заимствуя то с украинского — это бы куда ни шло, если не брать новотворов, одинаково непонятных и украинцам, и белорусам, —

то с польского, то с чешского — последнее сказывается, главным образом, в научной терминологии. Все это ведет к тому, что новый литературный язык становится непонятным народным массам и не встречает сочувствия в той степени, в какой это было бы желательно. По весьма понятным причинам польское влияние на нашу литературную речь было столь огромным, что она потеряла свой исконный характер, оторвалась от древней литературной традиции. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить любой памятник XV—XVI века с любым памятником XII—XIII века, хотя бы со Словом о полку Игоревым или с Ипатьевской летописью. Это влияние оказалось значительным и по отношению к народной речи, так что едва ли целесообразно идти далее в этом направлении. Но писатели из шляхетского круга идут именно в этом направлении: нет своего — позычай у поляков. И речь становится полупольской, что едва ли в интересах сохранения самобытности белорусского народа, искони считавшегося народом русским и, в сущности, давшего славянизирующий фермент для финских племен Московщины и Верхнего Поволжья. И хотя и здесь первобытная речь изменилась под влиянием чуждой племенной стихии, но изменилась наша речь, а стало быть, — черпая из нее, мы берем только свое, а не залезаем в чужую клеть.

С другой стороны, я с грустью отметил, что Вы продолжаете держаться нашенивской традиции — употреблять порченые захолустные выражения, которые можно назвать «застенковщиной», — результат небрежности речи, недомолвок, дурного произношения, что служило всегда предметом осмеяния как деревенщины, а нашенивцами, в том числе — простите — и Вами, видимо, в интересах демокритизации, введено в литературный оборот, на мой взгляд, совершенно неуместно. Много этих словечек. Отмечу только некоторые, получившие широкое признание: «Мо» вместо «може» или «можець», «тре» вместо «треба», «геный» вместо «гэтый», «явоный» вместо «яго» и т. п. Мне, напр., кровному белорусу, эти выражения просто режут ухо.

Мне представляется неудачным «вось» вместо простого «вот», столь широко распространенного. Это «вось» служило посмешищем на моей родине, как деревенщина. Этим «вось» дразнили застенковцев, называя их насмешливо: «вось-цямне». Строгому вкусу эта форма казалась неприемлемой, и она действительно не подходит к древнеславянской форме. Может быть, являясь искажением славянского произношения древними насельниками края не славянского происхождения. Ибо чем объяснить все эти недомолвки и искажения? Не нравится мне также «апошний» вместо «последний», который вплотную примыкает к славянскому корню, тогда как апошний является явным искажением.

И многое мне не нравится, введенное Вами, любезные нашенивцы, но столь твердо укоренившиеся, что едва ли удастся их искоренить. Грешил этим, в подражание Вашему примеру, мой покойник, портя свой стиль. Ему это простительно, а Вам нет. Вы понимаете — почему? Оторванный от народной стихии, он не мог различать оттенков народной речи, а Вы могли, а стало быть, и должны были. Между тем — стиль — великое дело в процессе выработки литературной речи.

Но я с грустью вижу, что в этом направлении ничего не делается. Создается язык ужасающе однообразный, что-то вроде гербаризированных растений, потерявших живые краски и аромат.

В свое время я говорил покойному сыну: напиши им, т. е. вам, нашенивцы, — почему они не черпают из общерусского источника, древней литературы, как это делали Пушкин, Гоголь и проч. Вы этот источник проморгали, очевидно, исходя из ложного мнения, что это чуждый белорусам язык. А этот источник помог бы Вам создать «высокий стиль», как он помог расейцам.

Не черпали Вы из сокровищницы нашей средневековой речи, как переводы Скорины, писания Будного, словари Берынды и многих других писателей — все

это ценное наследие осталось и остается нетронутым. А оно тоже могло бы содействовать выработке высокого стиля. Введя же в литературный оборот застенковые словечки, вы лишили себя возможности индивидуализировать деревенскую речь, т. е. создать «низкий стиль», — и теперь не различишь: кто это говорит — автор или деревенская баба из Галькоў, Баркоў ци Узнацкаго? А в этом-то все и дело, чтобы каждый говорил своим языком. Посылая в Вашем лице упреки нашенивцам и их эпигонам, это не значит, что я за Вами и Вашими сотрудниками не признаю заслуг, — признаю, но они в другом роде. Знаю, что не разам Кракаў будаваны. Но если возведены стены, то пора приниматься за отделку и орнаментацию. И всего приличнее Вам, старому зодчему будоўли белорусского литературного языка, приняться за дело его усовершенствования. Уклон в этом направлении у Вас заметен.

Звонят ко всенощной — и надо оставить эту не совсем (Вы бы сказали: зусім! А почему не «саўсім»?) приличную критику чужого большого дела. И так — да будет на земле мир и в человецех благоволение. Радостию друг друга обымем. Вы мне великодушно простите, ибо дело идет о предмете, нам обоим дорогом.

Из Ваших критических отзывов меня заинтересовала книжка Натальи Арсеньевой «Пад сінім небам», поэтессы мне совсем не ведомой. Но не знаю, как раздобыть эту книжку. Дело, разумеется, не в деньгах, а в формальностях. Если Вам случится встретиться с поэтессой, то, может быть, Вы намекните, что бацька паэты (мой титул в Белоруси), который, по Вашим словам, имел влияние на ее творчество, хотел бы иметь ее стихи, хотя бы в качестве законной дани за то влияние, которое она испытала от стихов моего сына. И сообщите ей мой адрес… Авось наладится.

Кстати: Арсеньева — это фамилия по мужу или урожденная? Если верно последнее — это было бы любопытно. Получили ли Вы мою карточку? Послал ли я Вам I том стихов Максима или только хотел послать? Может быть, как-нибудь черкнете.

Письмо вышло чересчур длинным, а частию, чувствую, и ненужным, ну, да уж ничего не поделаешь: видимо, под старость людей одолевает болтливость.

Уважающий Вас

А. Богданович

Подготовка текста Миколы ТРУСА.

Владимир МОЗГО

Мой зеленый городок

Зельва и зельвенцы

Франциск Скорина однажды сказал: «Понеже от прирожения звери, ходящия в пустыни, знають ямы своя, птицы, летающие по воздуху, ведають гнезды своя; рыбы, плавающие по морю и в реках, чують виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, — тако ж и люди, и где зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають».

Может, потому, что я родился и вырос в Зельве, а может, по какой-то другой причине, но к этому живописному зеленому городку на берегу быстротечной Зельвянки ласку имею действительно великую. А разве можно иначе?

Любімая зямля спакон вякоў,
Ты для мяне найлепшая на свеце.
Натхняючы сяброў і сваякоў,
Тут зоры над Зальвянкай ярка свецяць.
Табе клянуцца сейбіт і паэт:
Няма мілей нідзе кутка другога.
Дарога, што адкрыла цэлы свет,
Вяртаецца да роднага парога.
Дзе віравалі ўчора кірмашы,
Спявае сёння Зэльвенскае мора.
Расці, квітней і мары калышы,
Мой родны і любімы сэрцу горад.

Сколько лет Зельве? Ответить на этот вопрос однозначно, видимо, невозможно.

Заглянув в книгу белорусского археолога Л. Побаля «Древности Белоруссии в музеях Польши», можно узнать, что в восьмидесятые годы XIX века на территории местечка был найден «топор из серо-зеленого камня длиной 6,5 см, шириной 4,5 см, толщиной 2,5 см». Находка свидетельствует о существовании жизни на этой земле еще в эпоху неолита.

А первые летописные сведения о Зельве относятся к **1258 году**, когда князь Данила Галицкий во время похода на литовского князя Миндовга взял Волковыск и отправил отряд во главе с сыном Львом на Городню, а воеводу Михайлу — воевать «по Зелеве». Об этом сообщила нам Ипатьевская летопись.

Есть предположение, что началом Зельвы послужила гора, которая возвышается над местностью на 20—25 метров, с приметами древнего поселения и с остатками валов. Именно на это обстоятельство обращает наше внимание «Энциклопедия археологии и нумизматики Беларуси».

Достоверно известно из письменных источников, что в 1470 году Михаил Ночович заложил в Большой Зельве костел, при котором в 1508 году был основан госпиталь. В 1477 году открыт костел в поместье Малая Зельва, которым владел Иван Гинейтович. После перехода в 1568 году во владение Николая

На Анненской ярмарке.

Криштофа Радзивилла Большая Зельва стала называться Зельвой. В 1616 году при князьях Сапегах местечко состояло из рынка, трех улиц: Дворной, Межеричской и Волковысской, 17 трактиров, 2 мельниц. В Зельве стремительно развивались ремесло и торговля. О росте местечка убедительно свидетельствует и увеличение количества жителей: в 1701 году здесь насчитывалось 806 человек, а в 1785 году — 1169...

Немало известных людей и важных событий видела эта земля. Так, например, в 1643 году князь Казимир Сапега принимал в Зельве короля Речи Посполитой Владислава IV.

Шли годы и века. От одного магната к другому переходило местечко, но наибольшего своего расцвета оно достигло при князьях Сапегах, которые получили 20 мая 1720 года от великого князя литовского и польского короля Августа II Сильного право на проведение ежегодных торгов и ярмарок. С этого времени Зельва становится одним из крупнейших торговых центров Европы.

Вот что пишет об этом «Евробюллетень» (№5/2010): «Раньше, когда проводилась Анненская ярмарка, люди говорили: зельвенцы одиннадцать месяцев в году прозябают, а месяц живут, — ярмарка продолжалась с 25 июля по 25 августа. В XVIII веке она была второй по размаху ярмаркой Старого Света после Лейпцигской. На «Анненскую ярмарку», названную в честь святой Анны, приезжало до 5 тысяч купцов, а торговый оборот составлял до миллиона рублей...»

Как видим, Зельва представляла в то время почти что Лейпциг в торговых масштабах. Сюда съезжались купцы из России, Украины, Польши, Франции, Саксонии, Баварии, Нидерландов, Австрии, Пруссии, Италии, Дании, Швеции и других стран Европы. Товары, привезенные на Анненскую ярмарку, были самые разнообразные. У российских купцов здесь можно было приобрести кожаные, железные, медные, бронзовые изделия, фаянсовую и фарфоровую посуду, меха, сахар, чай, сигареты, мыло, хлопковые ткани. Торговцы из Европы предлагали шелковое, льняное полотно, хлопковые изделия, швейцарский сыр, турецкий табак, напитки и бакалейные товары.

Как свидетельствует книга «Память. Зельвенский район»: «Продавали на Анненской ярмарке крупный рогатый скот и коней. Их пригоняли помещики

и торговцы Лидского, Кобринского, Брестского уездов Гродненской губернии, частично Волынской и Люблинской (Королевство Польское) губерний. Сбывали тут лошадей и Сапеги, которые имели свой конный завод, где было около полутора тысяч голов английской, датской и турецкой пород.

Основным предметом торговли (54 %) было сукно, которое поставляли со слонимской, косовской, ружанской, заблудовской и кнышинской фабрик. Виленские, гродненские и минские купцы обеспечивали ярмарку сахаром, чаем, сигаретами, табаком, мылом, слонимские и виленские — галантереей.

Чтобы повеселить народ, во время ярмарки выступали акробаты, жонглеры, фокусники, цыгане с дрессированными медведями и театральные коллективы. Любители азартных игр имели возможность заарканить свою удачу в рулетке, которую привезли в Зельву из Парижа и называли «фортуной». Огромной популярностью среди посетителей ярмарки пользовались также шинок пани Валабринской и деревянный павильон, прозванный в народе «собачьей горкой», где под музыку нескольких скрипачей можно было при желании танцевать хоть до утра.

Наибольшего своего расцвета знаменитая Зельвенская ярмарка достигла в конце XVIII — начале XIX столетия, когда сюда ежегодно привозили товары на сумму до трех миллионов рублей ассигнациями. На протяжении почти 130 лет она была одной из самых крупных в Великом Княжестве Литовском.

В наше время происходит возрождение традиции великой Анненской ярмарки, возвращение ее из прошлых столетий в современную Зельву.

Рэальнасць,
Прагнаўшы міраж,
На змену сумненням прыходзіць:
Вяртаецца ў Зэльву кірмаш
З далёкіх мінулых стагоддзяў.
З шыкоўнай карэты сышоў,
На плошчу спяшаецца пехам,
Каб лепшы адкрыць з кірмашоў,
Што Ганненскім клічуць,
Сапега.
Дзябёлы,
Як бульбы капец,
Рахманы,
Як конь зацугляны,
Стаіць разамлелы купец
І строіць багатыя планы.
Гандляр, перагрэты,
Скрывіў
Ад спёкі асмяглыя губы —
Усмешкай сагрэў краявід
У знак паспяховай рахубы.
Віруе кірмаш і гудзе.
Шчыруюць і людзі,
І коні…
Не ўчуеш такое
Нідзе,
Не ўбачыш такога
Ніколі.
Глыбока ўзараўшы пласты
Стагоддзяў,
Там конік з разбегу
У зэльвенскім скверы застыў,
Чакаючы князя Сапегу.

Говорят, что Сапеги очень ценили Зельву и в своих владениях называли ее «Зельвенским графством». В XVIII столетии они открыли здесь театр, в котором играли крепостные белорусские, вольные французские и польские актеры.

Развитию Зельвы способствовала не только Анненская ярмарка. Здесь проходил важный торговый путь: Минск—Слоним—Волковыск—Гродно—Белосток. Зельвянка в свое время была судоходной и превращала местечко в действующий речной порт. А в 1886 году на железной дороге Белосток—Барановичи открылась станция «Зельва», которая недавно встретила свой 130-летний юбилей.

Кстати, начальником зельвенской железнодорожной станции в 1920 году работал отец будущего поэта Валентина Тавлая, куда вместе с семьей вернулся из беженства. А шестилетний Валик с трепетом в сердце слушал гудки поездов и перестук колес, утоляя неудержимую жажду дорог. В Зельве умерла и похоронена его мать, после чего Тавлаи переехали на Слонимщину.

Зельвенская земля во все времена была богата литературными талантами. С нею тесно связаны судьбы поэтов, прозаиков, драматургов, публицистов, которые родились, или учились, или жили и работали в этом живописном краю. Напомню некоторых из них...

Известная польская писательница Екатерина Левоцкая (девичья фамилия Липинская, 2.10.1799—23.2.1890) родилась в семье помещика в Зельве. Рано оставшись без родителей, воспитывалась в доме дяди в Варшаве, где получила хорошее домашнее образование. Входила в Варшавское товарищество благотворительности, возглавляла литературно-художественный салон. Издала драму «Каспер Овчарек» (1832), «Рассказы для детей из правдивых происшествий» (1837), повести «Бревно в запас и дом на трясине» (1838), «Рассказ старого слуги для своих коллег» (1840). Оставила много произведений мемуарного жанра и переводов.

Родина знаменитой белорусской поэтессы Ларисы Гениюш (9.8.1910—7.4.1983) — усадьба Жлобовцы Гродненского уезда (сейчас Волковысский район). Окончила Волковысскую польскую гимназию (1928). Вместе с мужем Иваном Петровичем, выпускником Пражского (Карлового) университета, и сыном Юркой с 1937 года жила в Праге, где принимала активное участие в деятельности белорусской эмиграции. Печаталась с 1939 года в эмигрантских изданиях. После ареста и заключения (1949—1956) в советских исправительно-трудовых лагерях переехала на родину мужа в Зельву. Именно здесь написала большую часть своих произведений, основная тема которых — любовь к родной Беларуси. В разные годы вышли ее книги: «Ад родных ніў» (1942), «Невадам з Нёмана» (1967), «Казкі для Міхаські» (1972), «Добрай раніцы, Алесь!» (1976), «На чабары настоена» (1982), «Белы сон» (1990), «Споведзь» (1993), «Ластаўка» (2000), «Выбраныя творы» (2000) и другие. Ансамблем «Беларускія песняры» на стихи поэтессы создан песенный альбом «Жывем» (музыка Александра Катикова).

Прохаживаясь зелеными улицами своего гостеприимного городка, я наблюдаю, как над крышами домов «беляхцяць» вековые облака, напоминающие белые паруса. Как на позолоченных солнцем волнах Зельвянки качаются быстроходные витины, нагруженные богатым товаром. Как навстречу зельвенцам выходят известные литераторы, которые жили здесь раньше. Возможно, это только творческая фантазия. А быть может, я на какой-то миг оказался в ином столетии?..

Поэт Валентин Тавлай (8.2.1914—27.4.1947) родился в семье железнодорожника в городе Барановичи. В детстве в 1920—1921 годы жил с родителями в Зельве. Учился в Слонимской учительской семинарии, Виленской белорусской гимназии, Белорусском государственном университете. Активный деятель национально-освободительного движения в Западной Беларуси. В 1934 году был арестован и осужден на восемь лет тюремного заключения. В 1939 году освобожден из гродненской тюрьмы Красной Армией. В годы Великой Отечественной войны — связной партизанского отряда Барановичского соединения, разведчик спецгруппы «Буревестник». Работал ответственным секретарем новогрудской районной газеты «Звязда» (1944—1945), старшим научным сотрудником и заместителем директора Литературного музея Янки Купалы в Минске (1945—1947).

Панорама Зельвы.

Печатался с 1928 года. Вышли книги поэзии «Выбранае» (1947), «Выбраныя творы» (1951), «Вершы і паэмы» (1955), «Творы» (1961), «Выбраныя вершы і паэмы» (1967), «Пілую вершам краты» (1984). Выступал как критик, публицист и переводчик.

Белорусский и бельгийский педагог, православный священник Явген Сморщок (25.9.1914—4.10.1984) родился в семье учителя парафиальной школы в Зельве. Доктор педагогики (1957), профессор (1977). Окончил Свислочскую учительскую семинарию (1934). Учительствовал в Порозове (Свислочский район). Участвовал в польско-германской войне. С 1950 года жил в Бельгии. Окончил педагогический факультет университета в Левене (1957), Институт филологии и истории славян университета в Брюсселе (1966), где занимался белорусоведением. Одновременно проходил курс духовного образования в Институте святого Сергия в Париже. Был председателем Союза белорусов Бельгии. Работал преподавателем Высшей фламандской школы в Антверпене, служил священником. Является автором научной работы «Гісторыя і актуальны стан беларускай бібліяграфіі» (1966).

Михаил Иосько (5.3.1929—20.2.1986) — белорусский философ, культуролог, педагог и журналист, родился в ближайшей от Зельвы деревне Бородичи. Кандидат философских наук (1966), доцент (1970), член Союза журналистов СССР (1960). Среднее образование получил в Зельвенской средней школе. Окончил философское отделение истфака Белорусского государственного университета (1954). Работал литсотрудником, заведующим отделом, заместителем редактора самаркандской областной газеты «Ленинский путь» (1957—1963). Преподавал историю зарубежной философии в БГУ, редактировал университетскую многотиражную газету «Беларускі ўніверсітэт», был доцентом кафедры научного коммунизма Минского института культуры. Выступал в печати со стихами, очерками, документальными повестями. Автор многочисленных статей, исследований и книг, среди которых особенно хочется отметить такие издания, как «Беларусь і Узбекістан. З гісторыі развіцця міжнародных адносін беларускага і ўзбекскага народаў» (1970), «Мікалай Судзілоўскі-Русель. Жыццё, рэвалюцыйная дзейнасць і светапогляд» (1976).

Прозаик, драматург и публицист Юрка Гениюш (21.10.1935—20.11.1985) — сын Ларисы Гениюш, родился в Зельве. Жил в Праге и Белостоке. Учился в меди-

цинской академии, работал лекарем. Дебютировал на страницах газеты «Ніва» в 1963 году. Автор книги пьес «Зборнік сцэнічных твораў» (Белосток, 1876 г., в соавторстве с С. Яновичем), сборника рассказов-зарисовок «На пачатку было толькі слова» (Белосток, 1981). Посмертно также в Белостоке вышли в свет прозаические книги «Маці і сын» (с Л. Гениюш, 1992), «З маёй званіцы» (1994).

Со следующими писателями, породненными судьбой с моей Зельвой, мне пришлось встречаться в жизни довольно часто. И на «Зэльвенскіх сакавінах», и на литературных семинарах, и во время учебы в Белгосуниверситете. Это наши современники, достигшие зенита своей творческой зрелости.

Елена Таболич — языковед, педагог и переводчик, родилась 15.4.1940 г. в деревне Горно Зельвенского района. Кандидат филологических наук (1983), доцент. Окончила среднюю школу в Зельве, Минский институт иностранных языков (1963). Работала учителем в СШ №6 в Молодечно, в белорусском лицее в Гайновке (Польша). С 1969 года преподает в Минском институте иностранных языков (Минском государственном лингвистическом университете). Является автором словарей, методических пособий, научных книг. Переводит на белорусский язык англоязычных поэтов. Большой интерес у отечественных читателей вызвали сборники ее переводов «Срэбны дождж» (1999), «Ліхтарык глогу» (2006).

На хуторе возле деревни Горно 20.10.1947 г. появился на свет один из наиболее ярких и самобытных поэтов современной белорусской литературы Юрка Голуб. Его образно-метафорические произведения легко узнать по своеобразному поэтическому почерку. Красочные слова у поэта так радужно переливаются разнообразными оттенками, что невольно замечаешь, как «жарэбчыкам радок танцуе ў канюшыне».

Важными и последовательными шагами в образовании для писателя стали Зельвенская средняя школа и филологический факультет Белорусского государственного университета. Юрка Голуб работал заведующим отделом художественного вещания Гродненского областного телерадиообъединения, заведующим отделом культуры газеты «Гродзенская праўда». Автор сборников лирики «Гром на зялёнае голле» (1969), «Дрэва навальніцы» (1973), «Векапомнае поле» (1976), «Помню пра цябе» (1983), «Сын небасхілу» (1989), «Поруч з дажджом» (2001), «Зажураны камень» (2002), «Брама зімы» (2004), «Багра» (2006) и других. Лауреат Литературной премии имени Аркадия Кулешова (1999).

Поэт Владимир Марудов родился 4.2.1950 г. в Зельве. Окончил Зельвенскую среднюю школу (1968), Ленинградское пожарно-техническое училище Министерства внутренних дел СССР (1972), факультет журналистики Белорусского государственного университета (1994). Работал в Управлении пожарной охраны Гродненского облисполкома. С 1975 года живет в городе Витебске, где работал в местных СМИ и рекламных предприятиях. В конце 1976 года мы познакомились с тезкой и земляком на Республиканском семинаре молодых литераторов в Королищевичах. Свои первые стихи Владимир Марудов, как и я, опубликовал в зельвенской районной газете «Праца». Печатался в республиканских журналах и газетах, в альманахе «Истоки» (Москва, «Молодая гвардия», 1984). Издал книги стихов «Памяць» (в коллективном сборнике «Нашчадкі», 1979), «Пад небам родным» (1993). Песни на его стихи звучат в исполнении известных белорусских певцов Ирины Дорофеевой, Андрея Хлестова и др. Марудов — лауреат республиканского конкурса на лучшую молодежную песню, посвященного 60-летию ЛКСМБ.

Известный писатель Владимир Яговдик родился 14.2.1956 г. в деревне Кастровичи соседнего Слонимского района. А среднее образование получил в Зельве, окончив местную школу-интернат. Помню, как в школьные годы с увлечением читал стихи своего земляка в районной газете «Праца» и в журнале «Бярозка». Затем Яговдик поступил на филфак БГУ и перешел с поэзии на

прозу, дебютировав с рассказом «Стрэл дуплетам» в еженедельнике «Літаратура і мастацтва». После окончания университета работал в брестской областной газете «Заря», на Брестской студии телевидения, в газете «Літаратура і мастацтва», журнале «Нёман», возглавлял газету «Дзеці і мы», журналы «Бярозка», «Лесавік». Автор многих прозаических книг для взрослых и для детей. Лауреат премии Федерации профсоюзов Беларуси (1993), Литературной премии имени Янки Мавра (1994).

Поэт Валентин Семеняко родился 10.7.1963 г. в деревне Лысково Пружанского района Брестской области. Детские годы прошли в деревне Теглевичи Зельвенского района — на родине родителей. Окончил физический факультет Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (1985), Академию управления при Президенте Республики Беларусь (2003). Работал в школах Зельвенского района, начальником отдела образования, сейчас — заместитель председателя районного исполнительного комитета. Автор сборников стихов «На скрыжаванні», «Зорка залатая», коллективного сборника «Зоры над Зальвянкай». Живет в деревне Князево Зельвенского района. Стихи Валентина Семеняко родуют богатой мелодичностью и душевной теплотой.

Много лет в зельвенской районной газете «Праца», которая является победителем Национального конкурса печатных средств массовой информации «Золотая Литера», регулярно выходит литературная страница «Зоры над Зальвянкай». Аналогичное название носит и местное литературное объединение. Помню, как в декабре 1975 года мне, десятикласснику средней школы, выпала честь представлять Зельвенщину на Республиканском семинаре-совещании руководителей литобъединений в Минске, потому что в то время активно печатался во многих периодических изданиях.

Более двух десятилетий «Зоры…» зажигал деречинский краевед Петр Мартиновский, который подготовил к печати сборник стихов поэтов-земляков «Зоры над Зальвянкай». При поддержке Зельвенского райисполкома книга увидела свет в 2008 году. Презентация ее прошла на праздновании 750-летнего юбилея Зельвы.

В последнее время литобъединение возглавляла талантливый публицист Янина Шматко. Она ведет в районной газете страницы «Зоры над Зальвянкай» и «Малюся Слову». Творческий актив литобъединения составляют около двух десятков человек. Это учителя и школьники, библиотекари и медработники, которых вдохновили на творчество живописные зельвенские просторы и самые светлые человеческие чувства.

Яшчэ прабабкі, мусіць,
Шукалі лекі ў зеллі.
Лістотай захлынуся
У зеляніне:
— Зэльва…
Вятры вякоў заснулі
На сцішанай галінцы.
Не хлебам-соллю —
Куляй
Прывеціла чужынцаў.
Размашыстая ўлада
Касы —
Не размінуцца.
На вербы азірнуцца —
Сівая, як балада.
Усім: душой і целам
Ты з ім,
Касцом вясёлым.
Расшпілена нясмела
Двухшпілевым касцёлам.

Над Зельвой возвышается красивый, величавый костел Пресвятой Троицы начала XX столетия. И с какой стороны ни едешь — с запада, востока, юга или севера, первое, что открывается твоим глазам, — это тот самый костел. Издали кажется будто он своими высокими шпилями раскрывает местный горизонт.

В XIX столетии здесь, на фундаменте деревянной церкви 1443 года, архитектором Александром Градецким была возведена Свято-Троицкая церковь, в которой меня крестили в детстве. Рядом с церковью, с благословения Митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета, в 2003 году установлен памятник-бюст поэтессе Ларисе Гениюш. Автор — известный скульптор, уроженец Зельвы Михаил Иньков. Это он создал памятники Кириллу Туровскому в Турове (1993), летчику А. Горовцу в Витебске (1995), княгине Софии Слуцкой для города Слуцка (1999), мемориальную доску на улице Максима Танка в Минске (1999) и другие произведения в жанре монументальной и станковой скульптуры.

Сохранился в Зельве и памятник промышленной архитектуры — старая мельница, построенная из красного кирпича на реке Зельвянка в конце XIX столетия. Высокий фундамент сделан из бутового камня, а здание состоит из двух этажей и мансарды. В детстве мы с друзьями любили купаться и загорать возле мельницы, околдованные ее таинственной красотой.

Мемориал советским воинам и партизанам, погибшим в июле 1944 года при освобождении Зельвенщины, расположен на возвышении. Видимо, поэтому складывается впечатление, что семнадцатиметровая стела возносится до небес. А от подножия до вершины горы тянется бесконечная лестница памяти.

При въезде в райцентр со стороны Волковыска, возле самого шоссе, возвышается монумент защитникам Отечества. Установлен он к 50-летию Великой Победы (1995). Под мраморной плитой находится капсула с обращением к потомкам.

К 750-летнему юбилею Зельвы в центральном сквере открыт памятник коню. Именно это домашнее животное отражено на гербе городского поселка как напоминание о славной Анненской ярмарке.

Зельвянка, Зельва... Каково происхождение таких близких по звучанию слов? На этот счет существуют разные взгляды.

Так, писатель и языковед Владимир Юревич в своей книге «Слова жывое, роднае, гаваркое…» утверждает: «Назву цяперашні гарадскі пасёлак атрымаў ад ракі Зэльвеі, якая паступова ператварылася ў Зальвянку. У аснове назвы слова **залева** — месца паводак у веснавую і летнюю пару, калі вада залівала вялікія прасторы».

Другую версию, высказанную народным писателем Беларуси Янкой Брылем, напомнил поэт Юрка Голуб: «Пражыў паўстагоддзя і не ведаў, што Зэльва — ад літоўскай жалёі-**зялёная**»…

Когда я с любопытством гляжу на Зельвенское водохранилище, зеркальная площадь которого составляет 1190 гектаров, а объем воды — около тридцати миллионов кубических метров, то кажется, что наиболее соответствует действительности первая версия. Но ведь раньше водохранилища не было, оно построено только в 1983 году. Тем не менее, в памяти сохранились наводнения на Зельвянке, когда вода разливалась от Бережек и почти до Горны.

На берегу водохранилища, в живописном сосновом бору (напротив того места, где раньше стояла наша бережковская хата), теперь расположена база отдыха. Возле Новоселок действует детский оздоровительный лагерь «Голубая волна». Вокруг настоящее раздолье для рыболовов-любителей. В водохранилище водятся щука, окунь, лещ, карась, ерш, красноперка, карп, толстолобик…

Если же внимательно присмотреться к самой Зельве, которая испокон веков утопает в зелени садов и парков, прибрежных лугов и огородов, то наиболее приемлемой кажется вторая версия происхождения названия райцентра. Но мне думается, оба высказанных выше взгляда имеют право на свое существование.

Я родился в Зельве 5 марта 1959 года. Как потом узнал, именно в этот день (но в разные годы) на свет появились известные сегодня люди Зельвенщины — кандидат философских наук, доцент, журналист Михаил Иосько и доктор филологических наук, профессор, языковед Павел Стецко.

Свято-Троицкая церковь.

Наша семья — отец, мама и я — жила в двухэтажном доме № 5 по улице Советской. Квартира была на втором этаже, а на первом в то время находилась аптека. Рядом, на другой стороне улицы, — Свято-Троицкая церковь. В соседнем доме, как молитвы, читала свои стихи поэтесса Лариса Гениюш. Поэтому я рос, можно сказать, в атмосфере высокой духовности.

Наблюдался стремительный рост и городского поселка. В этот период увеличился машинный парк МТС, были построены поликлиника, кинотеатр, ряд продуктовых магазинов, появились новые улицы. А еще был проведен капитальный ремонт ГЭС, вступил в действие водопровод. Зельва расширила свои границы до железной дороги Волковыск—Барановичи.

Казалось бы, живи и радуйся... Но неожиданно для многих по новому административно-территориальному делению Зельвенский район был ликвидирован, а Зельва утратила свой прежний статус. Как будто рай вместе с райцентром был разрушен. Рабочих мест в местных организациях стало значительно меньше, и постепенно многие зельвенцы начали разъезжаться по свету в поисках лучшей доли.

Так наша семья оказалась в Кемеровской области, где отец устроился на работу на Западно-Сибирской железной дороге. Но несмотря на это, мы постоянно поддерживали связь со своими родственниками в Зельве. И спустя два года после восстановления района и райцентра, в 1968 году, вернулись на мою малую родину. В Сибири я успел окончить только два класса средней школы.

Пока своего жилья не было, жили у зельвенских родственников. Затем отец купил хату в соседней деревне Бережки, откуда я каждый день через сосновый бор ходил за три километра в Зельвенскую среднюю школу. Учились мы сначала в здании по улице 17 Сентября. Но вскоре перебрались в построенную для нас новую школу на 960 мест (СШ № 2). Здесь я написал свои первые стихи и песни. А в зельвенской районной газете «Праца» состоялся мой поэтический дебют.

Какое-то время занимался в секции гандбола у заслуженного тренера Беларуси Леонида Гана. Это Леонид Петрович вырастил из наших ребят Владимира Михуты и Валерия Тиунчика игроков команды СКА (Минск) и чемпионов мира среди юниоров.

Далеко за пределами нашей страны известен спортивный клуб каратэ-до «Фудасин-Зельва», в котором под руководством тренера Владимира Ламеко зани-

маются юные каратисты из райцентра и района. Члены этого клуба завоевали на республиканских, европейских и мировых первенствах очень много медалей.

На моих глазах росла и хорошела родная Зельва. Неузнаваемо менялся ее облик, формировался современный вид. Здесь возведены новые жилые дома и производственные корпуса, а на северной и южной окраинах появились новые микрорайоны. Некоторые улицы поселка названы в честь знаменитых земляков. Например, улица академика (бывшего президента АН БССР) Антона Жебрака. Или — улица командира партизанской бригады «Перамога» Павла Булака…

Сегодня в райцентре работает несколько средних учебных заведений: гимназия № 1, СШ № 2, СШ № 3, санаторная школа-интернат. Есть детская школа искусств, учащаяся которой Диана Иванова стала лауреатом международных фестивалей фортепианной музыки. Действует детско-юношеская спортивная школа. А для самых юных зельвенцев гостеприимно распахнули свои двери четыре детских сада.

Любителей литературы и искусства здесь всегда ждут две уютные библиотеки и просторный Дом культуры. Кстати, ансамблю народной песни и музыки «Весялуха» и любительскому драматическому коллективу районного Дома культуры присвоено звание народных. Такой же титул носят хор ветеранов войны и труда «Успамін», любительский оркестр духовых инструментов, ансамбль народных инструментов детской школы искусств. Не зря зельвенцы всегда любили хорошо поработать и хорошо отдохнуть.

Я горжусь, что родился на этой чудесной земле. Она для меня, можно сказать, святая. Кажется, центр планеты находится в родной Зельве, потому что все мои дороги — далекие и близкие — неизменно приводят именно сюда.

Мая раённая сталіца,
Калыска мар маіх і сноў,
Я шчыра прагну наталіцца
Тваёй гасціннасцю ізноў.
Тут вобраз вечнасці лунае
У спелым водары травы,
Дзе бусел крылы развінае —
Абсягаў родных вартавы.
Царква прыветная спаткае,
Як маці хросная, мяне,
А зеляніна трапяткая —
Пяшчотай лісця ахіне.
Чароўнай музыкай Зальвянка
У сэрцы сцішана гучыць,
Нібы маленства калыханка,—
Калі прыеду адпачыць.
Я пакланюся кожнай былцы,
Здалёк вярнуўшыся дамоў,
І наталюся словам, быццам
На свет народжаны ізноў.

Выходя из ночного поезда, я чутко прислушиваюсь к каждому звуку и шороху. И мне слышится: «А наўкола — цішыня. Напявае вышыня, каб пад коўдраю аблок спаў салодка гарадок».

На небосклоне занимается новый день. Пусть же он будет для зельвенцев солнечным!

Перевод с белорусского автора.

Зоя ЛЫСЕНКО

Ретро-шарм, или Забытые страницы классики

Произведения выдающегося композитора Исаака Дунаевского, обладателя уникального мелодического дара, пользовались огромной популярностью не только в советское время. Они не потеряли своей притягательности и сейчас, оставаясь жить в памяти поколений в основном за счет незабываемых мелодий из известных советских кинокомедий и популярных массовых песен. Но как музыкант и композитор Дунаевский родился в театре и был ему верен до конца своей жизни.

От музыки к драматическим спектаклям — до первой оперетты

После окончания Харьковской консерватории в 1919 году совсем еще молодой Дунаевский становится скрипачом-концертмейстером в оркестре Харьковского русского драматического театра, а вскоре — дирижером этого оркестра и заведующим музыкальной частью театра. На протяжении пяти лет работы в этом коллективе он создавал музыку к комедиям Мольера, Лопе де Вега, Бомарше и другим известным произведениям подобного жанра. А это дает основания говорить о том, что как композитор он возрос на комедийном театральном репертуаре и сразу же ярко проявил себя как автор музыкально-комедийного жанра, что вскоре и привело его в театр оперетты.

В 1924 году Дунаевский переезжает в Москву, где в качестве музыкального руководителя сотрудничает с Вольным театром Эрмитажа и Театром сатиры, создавая яркую музыку для пьес комедийно-сатирического плана. Для Театра сатиры он написал и свое новое комедийное произведение «Женихи» по пьесе известных в то время либреттистов Сергея Антимонова и Николая Адуева. Однако это творение Дунаевского к постановке почему-то не приняли (скорей всего, для театра, где на первом месте было слово, а не музыка, оно оказалось сложным именно в музыкальном отношении). И тогда главный режиссер Театра сатиры Давид Гутман обратил свои взоры к Московскому театру оперетты, основателем и художественным руководителем которого был знаменитый Григорий Ярон — выдающийся комик, который в своем театре работал и как актер, и как режиссер.

Любители жанра оперетты и почитатели блистательного таланта Григория Ярона знают его книгу «О любимом жанре», вышедшую в издательстве «Искусство» в 1960 году, в которой он очень увлекательно рассказывает практически обо всех постановках своего театра. Довольно подробно в ней говорится и о постановке спектакля «Женихи», который ознаменовал собой новую веху не только в истории Московского театра оперетты, но и этого жанра в целом.

«В начале 1927 года главный режиссер Театра сатиры Д. Г. Гутман пригласил меня приехать к нему ночью после спектакля. Приехав, я застал у него драматургов Н. А. Адуева и С. И. Антимонова, а также заведующего музыкальной частью Театра сатиры И. О. Дунаевского.

— Вот какое дело, — сказал мне Гутман. — У нас есть готовая комедия с музыкой «Женихи». Она написана для Театра сатиры. Наша дирекция почему-то боится ее ставить, но, по-моему, если прибавить немного музыки, — это настоящая оперетта.

И вот Адуев начал читать, а Дунаевский — петь номера, аккомпанируя себе на рояле. Разошлись мы часов в шесть утра, наметив, что именно нужно дописать, чтобы «дотянуть» «Женихов» до оперетты. Через день мы познакомили с нею труппу нашего театра. [...] Приглашенный для постановки режиссер Д. Г. Гутман вместе с художником Е. Г. Соколовым превосходно поставил спектакль. Дирижировал Ф. Ф. Эккерт».

Почему Ярон так охотно откликнулся на это предложение? Разумеется, его привлекла сама комедия с музыкой Дунаевского, которую можно было легко подогнать под жанр оперетты. Но здесь была еще одна очень важная причина — репертуарный голод, притом именно на свои, отечественные, злободневные произведения. Театр оперетты обвиняли в пристрастии к «венщине» и отсутствии собственного современного репертуара. По словам самого Ярона, в 1922 году, при создании театра, *«мы по привычке обратили свои взоры к западному опереточному репертуару»*. И далее в своей книге он пишет: *«Мы чувствовали, что интерес к нам может охладеть в любую минуту из-за того, что наш жанр далек от современности. Мы прекрасно понимали, что необходима не просто современная, а именно советская оперетта. Этого [...] хотел зритель, этого требовали пресса, общественность и сам коллектив театра. Мы явно отставали от жизни и метались в поисках»*.

Эти настроения даже нашли отражение в фельетоне Демьяна Бедного, напечатанном в 1927 году в газете «Известия»:

Московский опереточный премьер Ярон —
Это набитый смехом патрон.
Нынче он по всей Москве рыщет,
Опереточных сюжетов ищет.

Так что предложение Театра сатиры для Московской оперетты оказалось очень своевременным. И получилось, что в жанр оперетты Дунаевский пришел из популярного в те годы жанра сатирической комедии. Произведение «Женихи» действительно было острой социальной сатирой на злобу дня: в нем в карикатурно-пародийной форме высмеивалась частнособственническая психология нэповского мещанства с его остатками мелкобуржуазного быта. В основу пьесы либреттистами был положен старый расхожий сюжет с мнимым покойником, использовавшийся в мировой драматургии во всевозможных вариациях. Подошел он и для времен НЭПа. Действие в «Женихах» сводится к следующему: внезапно умирает владелец трактира; в тот же день к молодой вдовушке один за другим начинают свататься женихи: повар, извозчик, дьякон, гробовщик и бильярдный маркер, которые в надежде завладеть доходным заведением строят друг другу невероятные козни, обнажая при этом самые неприглядные черты своей частнособственнической натуры; неожиданно после летаргического сна оживает трактирщик, и нешуточные жениховские страсти вокруг общего объекта

воздыхания резко обрываются; в финале от столь желанной для всех невесты, вдруг оказавшейся без наследства, публично отказываются все женихи.

По жанровым признакам это произведение больше всего походило на бытовой русский водевиль, однако Дунаевский привнес в него черты оперетты. И здесь ему пришлось помудрствовать. Ведь характер и стиль музыки всегда определяет пьеса, и данный сюжет никак нельзя было передать в музыкальных традициях классической оперетты, опиравшейся совсем на другое содержание. И Дунаевский пошел как бы по пути полемики с господствующими в его время музыкально-театральными формами, опираясь на опыт основоположника французской оперетты Жака Оффенбаха, который свое творчество в этом жанре начинал с пародий на музыкальный театр своего времени.

В результате музыкальную драматургию «Женихов» Дунаевский построил на гротескно-сатирическом противопоставлении водевильно-бытовых и оперно-опереточных форм. Своими ироническими интонациями он как бы подсмеивается над классическими опереточными образцами, приводя из них знакомые театральной публике цитаты, но придавая им элементы пародийности. Очень показательной в этом отношении получилась увертюра: начинается она прямой цитатой из «Веселой вдовы», далее идут темы из «Сильвы», «Баядеры»… То есть композитор как бы ищет нужные для современной музыкальной комедии интонации в классических опереточных образцах, но быстро отметает их как устаревшие и не соответствующие духу времени, после чего в оркестре неожиданно начинают звучать водевильные попевки и даже фольк-хит «Во саду ли, в огороде», на смену которому приходят звуки панихидных песнопений… Далее по ходу спектакля возникает также немало пародийных номеров. Например, уморительно-гротесковый квартет женихов по своей форме напоминает «Серенаду четырех кавалеров одной даме» Александра Бородина, а куплеты бильярдного маркера строятся в виде классического романсеро, что еще больше подчеркивает его внутреннюю фальшь и напускную манерность. Соответствующий колорит создает и мещанско-нэповский «хвост-трот» — некое подобие фокстрота в исполнении трио гармонистов.

«Русская оперетта — дело трудное уж хотя бы потому, что до сих пор ее просто-напросто не было. […] Прежде всего достоинство этой оперетты в том, что она и не пытается класть заплаты на венский кафтан. Она решительно рвет с “баядерками”, “сильвами” и прочими “веселыми вдовами”. “Женихи” протягивают руку комедии», — писала «Вечерняя Москва» в марте 1927 года.

Эта неожиданная по своей форме постановка имела очень большой успех. Как отмечал в своей книге Григорий Ярон, спектакль шел под гомерический хохот и аплодисменты. А сам он играл, по его же словам, шустрого, нахального гробовщика. О новом спектакле Театра оперетты заговорила вся Москва. *«То, на что не решился Театр сатиры, для которого и писалась эта современная музыкальная комедия, проделал Театр оперетты с его зрителем, воспитанным на “венщине”. В этих условиях ставить вещь, решительно рвущую со всеми канонами опереточного “хорошего тона”, — подвиг немалый...»* — отмечал журнал «Новый зритель» (1927, № 13).

Значение «Женихов» в становлении советской оперетты

Понятно, что выход этого спектакля в Московском театре оперетты во многом был продиктован конъюнктурой того времени — его здесь ставили на свой страх и риск ради выживания как самого театра, так и жанра в целом. И эксперимент оказался более чем удачным. Это незатейливое произведение с музыкой Дунаевского вскоре подхватили и другие опереточные театры страны. О его значении в дальнейшей судьбе этого жанра красноречиво свидетельствуют слова из той же книги Григория Ярона: *«С “Женихов” мы ведем историю советской оперетты.*

Именно с этого времени опереточные театры в СССР начали делать то, чего никогда не делали или почти не делали раньше русские опереточные театры: создавать свой репертуар, а не жить почти исключительно заграничными опереттами».

Но здесь нельзя сказать и другое: спустя время, когда Дунаевский приобрел широкую известность, а шквал критики на западные образцы ослаб, он все равно обратился к традициям классической оперетты, последовательно привнося уже в советскую оперетту большие и сложные формы действенной музыкальной драматургии. Тогда и возникли его лучшие произведения, такие как «Вольный ветер» и «Белая акация», создавшие славу советской оперетте. То же самое можно сказать и о киномузыке Дунаевского. Вместе с режиссером Григорием Александровым он стал создателем жанра советской музыкальной кинокомедии, где музыка является одним из главных компонентов драматургии фильма.

А что касается первой оперетты композитора, то, выполнив в свое время функцию своеобразного прорыва в становлении этого жанра в СССР, она через некоторое время была практически забыта. На опереточной сцене появились другие произведения, отвечающие новым веяниям времени и более соответствующие критериям жанра. Однако отдельные яркие сцены из «Женихов» все же продолжали свое сценическое существование в виде концертных номеров. Уже после ухода из жизни Дунаевского на Центральном телевидении в 1960—1970 годах были сняты два фильма-концерта, посвященные его творчеству, в которых представлены отрывки из спектаклей Московского театра оперетты и других музыкальных театров, где есть и сцены из «Женихов» с участием уже немолодого Григория Ярона в роли Гробовщика. Сегодня это можно легко найти в Интернете. Так же как и одноименный телефильм, снятый в 1962 году на Ленинградском телевидении.

Пережив период своего становления, в дальнейшем советская оперетта на протяжении нескольких десятилетий успешно сосуществовала в наших театрах рядом с классической опереттой. Но постепенно ее репертуарная ниша сужалась именно из-за тесной связи с духом своего времени и идеологической составляющей. А в последние десятилетия советскую оперетту и вовсе вытесняет современный отечественный мюзикл, который в репертуарной афише музыкальных театров тоже мирно соседствует с доброй старой опереттой.

И снова — на российской сцене

На этом фоне просто не мог остаться незамеченным тот факт, что некоторые из известных российских театров вдруг начали проявлять интерес не столько к советской оперетте как таковой, сколько к ее первому образцу, который сегодня уже воспринимается как своеобразный раритет. Видимо, «Женихи» в наши дни стали привлекать постановщиков как штучная вещь, которая позволяет узнать одну из малоизвестных граней творчества раннего Дунаевского. Но смысловые акценты в сегодняшних постановках уже расставляются не столь однозначно и прямолинейно — упор в них делается не на идеологические шаблоны времен НЭПа с их острым обличительным пафосом, а на сатирическо-пародийную природу самого произведения.

Первым к «Женихам» в 2012 году обратился известный московский театр под художественным руководством Евгения Миронова — Государственный театр наций. Сразу нужно отметить, что это драматический театр, поэтому режиссер-постановщик спектакля Никита Гриншпун определил жанр постановки как «музыкальная комедия для драматических артистов». Конечно, у этого режиссера, известного своим авангардизмом, спектакль получился очень современным по принципу постановки, но при этом в нем сохранены и литературная основа,

и музыкальный материал (правда, в очень оригинальной интерпретации). В программке указаны все те же авторы пьесы Николай Адуев и Сергей Антимонов, и конечно же, — автор музыки Исаак Дунаевский. В спектакле действуют те же герои в тех же обстоятельствах, но в совершенно другом антураже и как бы в другом измерении, в чем и заключается эксклюзивная особенность этой постановки. Режиссер создает замысловатый эффект двойной пародии, когда современный театр пародирует старое произведение, которое само по себе уже является пародийным. Но при этом явно ощущается уважительное отношение постановщика к театральному авангарду того времени, когда и появились «Женихи» в их первозданном виде.

А музыкальная часть этой постановки вообще выглядит крайне неожиданно, если не сказать экстравагантно. В ней задействован своеобразный эксцентрический оркестр, когда отдельные группы инструментов как бы соревнуются или сталкиваются между собой, а музыканты при этом свободно передвигаются по сцене, попутно решая сложные актерские задачи. Это очень напоминает постановочную эстетику кинокомедии «Веселые ребята» с музыкой Дунаевского, вышедшей на экраны в 1934 году, что, в свою очередь, свидетельствует о глубоком проникновении постановщиков спектакля в творчество композитора в целом. Благодаря этому при всей вольности подхода к партитуре «Женихов» в музыкальной части спектакля сохранилось самое главное — дух Дунаевского.

В этой постановке поначалу несколько шокирующей выглядит сценография Зиновия Марголина, основным элементом которой является гигантский двухцветный гроб, занимающий почти всю сцену. Он передвигается и даже под определенным углом поднимается, его окошки-ниши служат входом-выходом для персонажей, на нем разыгрываются мизансцены и из него в конце концов появляется покойник. Но вскоре прямые ассоциации с гробом отступают, и становится понятным, что это сооружение — конструктивистский станок, своеобразная игровая площадка, облаченная фантазией художника в такую неожиданную форму (продиктованную содержанием). Так что московская постановка дала достаточно поводов для споров и критики, но никто при этом не назвал ее заурядной.

Вслед за Театром наций в 2014 году к «Женихам» обратился Санкт-Петербургский театр музыкальной комедии, где это произведение уже вписывалось в рамки жанра. Здесь не собирались как-то по-особенному осовременивать постановку и сосредоточились на первоисточнике, стараясь найти в нем черты, присущие человеческой природе вообще, а потому актуальные во все времена. Но при этом эпоха НЭПа как внешний фон в спектакле, конечно, существует. Режиссер-постановщик Юрий Лаптев не прибегал к каким-то неординарным театральным решениям и новейшим сценическим технологиям, точно так же как и дирижер-постановщик Андрей Алексеев не перекраивал и не переосмысливал партитуру Дунаевского. Но это вовсе не означает, что у них получился спектакль, поставленный в театральной эстетике того времени, когда он создавался. Даже при всем желании сделать это сегодня уже невозможно. Скорей всего, эту постановку можно расценивать как взгляд с позиций сегодняшнего дня на театр эпохи НЭПа (но не на явление НЭПа как таковое).

Внешний образ этой постановки (сценограф Сергей Спевякин) в основном создается стилизованными средствами предметной среды, притом по принципу ее усложнения: зритель видит напыщенно декорированное мещанское болото с обилием предметов буржуйско-нэповского интерьера и с его неотъемлемыми символами в виде дородных русалок, гипсовых амуров и прочих обывательских прикрас. В одном стиле с этой предметной средой подаются и видеопроекции, которые используются в сценографии. И естественно, костюмы и грим персонажей. Разработанные с особой детализацией, они придают завершенность внешнему образу постановки.

Интересный факт: некоторых исполнителей этого спектакля хорошо знает минская публика. Так, в роли дьякона на сцену санкт-петербургского театра выходит Александр Круковский, который еще несколько лет назад был солистом Белорусского музыкального театра и запомнился нашему зрителю яркими острохарактерными образами. Зная комическую природу его актерского дарования, совсем нетрудно представить его и в этой пародийной роли. Хорошо помнят в Минске и народного артиста России Владимира Яковлева, солиста двух российских театров — Иркутского и Санкт-Петербургского, который не раз блистал и на сцене Белорусского музыкального театра. Минская публика всегда видела этого неподражаемого актера в амплуа комика-буфф, поэтому тоже легко может представить его в образе гробовщика — самого колоритного из всех женихов.

Минская постановка

А в нынешнем году за постановку «Женихов» взялся Белорусский музыкальный театр. Партитура этого произведения была приобретена в Санкт-Петербургском театре музыкальной комедии и, по словам нашего дирижера-постановщика Юрия Галяса, никакой переработке не подвергалась. Так что музыкальную часть санкт-петербургской и минской постановок можно считать идентичными (за исключением некоторых вставных номеров). А вот либретто здесь решили переделать. Если в обеих российских постановках оно оставалось первоначальным и в программках были указаны оба автора пьесы — Николай Адуев и Сергей Антимонов, то в минской постановке остался лишь первый из них, а рядом появилось имя белорусского автора Александра Зотова.

Как объясняет режиссер-постановщик спектакля Михаил Ковальчик, в нашем театре эту постановку решили осовременить, по возможности убрав из нее привязки именно к периоду НЭПа, который сегодня уже будет восприниматься как анахронизм, потому что его острота давно ушла. Но в ней остаются вечные темы: любовь и предательство, стремление к счастью и рядом с ним — стремление к наживе с его холодной расчетливостью, косность и ханжество, претендующие на интеллигентность… Все это должно было найти свое отражение во взаимоотношениях тех же персонажей, но действующих в современных условиях — такая задача по переделке пьесы была поставлена перед Александром Зотовым.

В новой версии либретто оказались сохраненными не только все персонажи старой пьесы, но и полностью ее сюжетная канва. А привнесенные изменения касались не внутренней сути героев и их действий в новых реалиях, а лишь их внешнего, осовремененного образа, что и привело к ряду противоречий между содержанием и формой постановки. Так, трактирщик превратился во владельца ресторана. Бильярдный маркер стал заведующим бильярдной по фамилии Лузер, повар — шеф-поваром Черпаковым. Оба — при том же ресторане. Все выглядит вполне логичным и соответствующим дню сегодняшнему, но вот «говорящие» фамилии этих действующих лиц как бы отсылают к старинным драматургическим традициям. Особенно явственно это проявилось по отношению к такому персонажу, как гробовщик, который и в новой версии либретто остался гробовщиком с фамилией Замогильный. Правда, по ходу работы над спектаклем он благоразумно был превращен во владельца агентства ритуальных услуг. Дьякон в новой версии вначале был церковнослужителем Дьяконовым, а к концу работы над спектаклем стал просто послушником (о причине такого иерархического схождения будет сказано ниже). Но более всех в минской постановке изменился образ извозчика: поначалу он был превращен в таксиста по фамилии Клячкин, что звучало довольно-таки странно с учетом его новой профессии и тем более — с его явно выраженным грузинским колоритом, но впоследствии это несоответствие было устранено, и таксист стал индивидуальным предпринимателем по фамилии Вачнадзе.

Сцена из спектакля «Женихи».

Ну а вдова трактирщика-ресторатора осталась все той же вдовой — плывущей по течению внезапно свалившихся на нее непредвиденных обстоятельств. Этот образ не претерпел никаких изменений по сравнению ни с первоисточником, ни с предыдущими постановками. На протяжении всего спектакля новоиспеченная молодая вдовушка занимается похоронами немилого старого мужа, не скрывая при этом радости от случившегося; попутно принимает ухаживания аж пяти скоропалительных женихов; устраивает свадьбу с одним из них, а потом вдруг обнаруживает, что расписалась-то она совсем с другим; а в финале, вследствие благополучного воскресения мужа, остается у разбитого корыта. Такова нехитрая мораль этой линии произведения. Но по ходу спектакля на авансцену выходит череда тех самых женихов, образующих галерею колоритных, почти карикатурных образов, с участием которых и начинается подлинный фарс. Так разворачивается более содержательная, сатирическая линия произведения, призванная обличать всю неприглядность частнособственнических устремлений подобных типов. Все действо от начала до конца сдобрено большой долей то довольно колкого, то более мягкого юмора, что и создает ту неподдельную комедийную атмосферу, которая и притягивает в «Женихах» больше всего.

Как отмечал в своей книге Григорий Ярон, Дунаевский отличался острым чувством комедийного и у него была очень редкая способность свой природный юмор передавать в музыке. Что мы и видим на примере данного произведения. Это отчетливо проявлялось уже в увертюре (об особенностях которой говорилось выше), что сразу настраивало зрителя на комедийный лад. В первоначальном варианте минской постановки она звучала, и на сцене параллельно появлялись те самые пародийные опереточные образы, которые быстро исчезали под напором новых — не столь возвышенных и всем понятных. То есть, упор делался не столько на музыкально-образную связь увертюры с произведением, сколько на ее идейно-смысловое содержание. А поскольку действие спектакля все больше отрывалось от периода НЭПа, то от увертюры, заключающей в себе особый смысл именно в то время, пришлось отказаться.

Но если по большому счету, то и весь музыкальный материал «Женихов» привязан к той эпохе. Да и пьеса — тоже, хоть ее и старались осовременить. Вот в этом и заключалась основная проблема постановки: сцементированные между собой содержание и форма все равно довлели над теми нововведениями, которые привносились в спектакль. В результате он получился как бы вневременным, где

Сцена из спектакля «Женихи».

представление о времени действия весьма размыто. Хотя по принципу постановки это, конечно же, современный спектакль.

Над этим, казалось бы, простеньким произведением в театре работали долго и скрупулезно. В постановку то что-то привносили, то от чего-то отказывались… Например, трудно давалась ее хореографическая часть. Хореограф-постановщик Наталья Москвичева отмечала, что своеобразный разрыв между характером музыки и новыми акцентами в характере сценического действия создавали трудности при поиске хореографической интонации, соответствующей принципу постановки в целом.

Первоначально премьера спектакля намечалась на май. В означенный срок состоялась его сдача художественному совету. Но полностью готовый спектакль все же решили несколько «причесать», прежде чем показать его публике. Главная причина, по которой руководство театра пошло на перенос премьеры, заключалась в излишней остроте сатирической линии этой постановки.

Дело в том, что в «Женихах» кроме острой сатиры на нравы НЭПа с самого начала содержалась и остроумно завуалированная сатира на бюрократический аппарат молодой Страны Советов. Так, в пьесе Адуева и Антимонова были такие персонажи, как преддомкома, с участием которого разыгрывалась сатирическая сцена с уплотнением жилплощади и дележкой освободившегося метража, и фининспектор, который с цинично-непринужденным видом брал взятку у гробовщика. А в нашей постановке в результате осовременивания пьесы эта легкая сатирическая линия многократно усилилась и стала нести в себе острый обличительный пафос. Не очень приметный преддомкома превратился в наглого и чересчур самоуверенного в себе представителя администрации района, вместо фининспектора, довольствовавшегося обыкновенной взяткой, появилась коррумпированная служащая налоговой инспекции. А рядом с ними возникла еще одна разбитная дамочка — председатель ЖЭКа, которая в случае чего может и газ отключить. И вот эта чиновничья троица с милым выражением лица легко и непринужденно творит беззаконие. Гротескные массовые сцены с участием этих трех персонажей, будь то дележка наследства умершего или свадьба, проникнуты едким юмором, где и сами персонажи, и их действия заострены до карикатурности. С точки зрения режиссуры это великолепно разработанные сложные ансамблевые номера с тщательно продуманным построением и пластическим рисунком. Но если вникнуть в их смысл, то возникает ощущение некоего несоответствия: для столь яркой и масштабной обличительной формы должен быть не менее масштабный объект обличения, например, какая-то крупная сделка, в основе которой лежит многоуровневая коррупционная схема — от ЖЭКа до районной администрации, коль представители этих структур вовлечены в действие.

Но в спектакле они занимаются мелочевкой — банально стригут взятки и председательствуют на свадьбе, где путем голосования решают вопрос, когда начинать танцы. То есть, эти персонажи были осовременены чисто механистически, путем присвоения им современных должностей, но своими действиями они все равно привязаны к коллизиям старой пьесы. К тому же, в этих развернутых сценах, которые удлиняют спектакль, пропадает самое главное — своеобразие музыки Дунаевского с легкостью и динамичностью действия.

— Настоящую сатиру еще нужно уметь играть, и для этого нужна сильная театральная школа, — говорит директор театра Александр Петрович. — А наши актеры, будучи солистами-вокалистами, оперируют музыкальными выразительными средствами. Поэтому в жанре музыкальной комедии они сильны, но серьезную сатиру в этом стиле играть нельзя. И мы пришли к выводу, что наш театр пока не готов поднимать злободневные общественно-политические темы именно в сатирическом ракурсе. Поэтому мы решили наиболее острые сатирические моменты из спектакля убрать и сделать упор на его комедийность.

На переработку спектакля был дан месяц, и его премьера с большим успехом прошла в июне. Некоторые моменты сатиры в нем все же сохранились (но никто и не ставил задачу полностью от нее избавиться), а по своим основным признакам он стал больше тяготеть к музыкальной комедии, хотя жанр этого произведения определяется как оперетта. За счет сделанных сокращений продолжительность спектакля несколько уменьшилась, и он приобрел больше динамики. Перед закрытием сезона спектакль был показан еще раз. И уже тогда можно было сказать, что зрители будут с нетерпением ждать «Женихов» в новом сезоне.

Как уже отмечалось, в новой версии спектакля увертюра теперь не звучит. И начинается он несколько иначе — со сцены кутежа владельца ресторана Кукуева, после чего он и впал в летаргический сон — как будто умер. То есть зрителю наглядно показывают, что и как с ним произошло, хотя в первой версии спектакля, так же как и в оригинале, действие начинается непосредственно с монолога вдовы о похоронах мужа, а случившееся остается «за кадром».

В роли новоиспеченной соблазнительной вдовушки предстали две ведущие солистки театра Маргарита Александрович и Наталья Дементьева, для которых работа над этим характерным образом была сопряжена с определенной ломкой их исполнительской манеры — ведь обе они выступают в амплуа героинь. А тут надо играть примитивную мещанку (пусть себе и современную), томно вздыхать и петь частушки: *«Наконец-то я свободна, муженька Господь прибрал»*. Или что-то «более благородное» и не столь откровенное: *«И отныне, как в той пьесе, я — веселая вдова!»* А когда к этой «веселой вдове» входит монашка и просит всплакнуть для приличия, то оказывается, что ей и плакать-то не о чем: *«Будь платье подходящее, я кроме слез истерику бы закатила!»* Так что каждой из исполнительниц легче спеть самую сложную арию, чем выдать подобный спич. А им еще приходится и нелегкие постановочные трюки исполнять, например, когда артисты балета поднимают «веселую вдову» на бильярдных киях в своеобразных воздушных поддержках, а ей при этом приходится еще и петь с опрокинутой вниз головой. А если говорить об общем рисунке этой роли, то Маргарита Александрович, благодаря ее актерским способностям, выглядит в ней более живой и погруженной в события, а Наталья Дементьева — более отстраненной, как бы с сознательной установкой на трафаретность этого образа. А единственным «недостатком» этих исполнительниц может быть лишь то, что обе они уж слишком изящно и благородно выглядят для этой роли.

Пока Кукуева пребывает в своих покоях в ожидании траурного платья от мадам Пендрик (ведь *«раньше платья поминков не будет»*), перед ней проходит череда новоиспеченных женихов. Первым заявляется повар — ведь находясь при заведении, он раньше других узнал о случившемся. *«Если рыбный стол намечается, тогда цыплята нужны... Всякая рыба на мясе смысл имеет*, — объясняет

он вдове тонкости кулинарии и тут же, без всякого перехода, предлагает ей себя в мужья: — *Вам одной с рестораном-то не управиться».* Эту роль, не наделенную сколько-нибудь интересной фактурой, очень выразительно исполняет многоопытный характерный актер Алексей Кузьмин, подтягивая своего персонажа до уровня других женихов.

Не успела вдова выпроводить повара, как на пороге появился владелец агентства ритуальных услуг «Век живи» (по большому счету, все тот же гробовщик), держа в руках счетец и требуя деньги за гроб, прекрасно зная, что наличных у нее нет. С веселостью обаятельного наглеца, пересыпая свою речь бесконечными *«звиняюсь»* и *«виноват»,* он тут же разыграл сценку самопредставления, исполнив куплеты, суть которых в том, что *«бюро похоронных процессий всего веселее держать»* и что *«прибыль, звиняюсь, большая, а главное — тихий клиент».* И тут же, не дав вдове опомниться, выпалил: *«Счет порву! Мужа даром похороню! Да что мужа? Моею станете — вас саму даром похороню! Из твоего ресторана и моего агентства холдинговую компанию сделаем!»* И по всему было видно, что впечатлил прохвост даму. В этой роли очень органично выглядит замечательный характерный актер Александр Осипец, и видно, что играет он с удовольствием, ведь это — его амплуа.

Следующим появляется таксист — колоритный усатый грузин, самой характерной частью костюма которого является кепка-аэродром. Он интересуется, почему ресторан закрыт, — ведь обычно в это время он пропускает здесь рюмку перед поездкой. Узнав, что случилось, таксист, как и предыдущие претенденты, сразу же предлагает вдове стать его женой, а потом просит налить ему водки: *«Жениться до похорон рано, а выпить — в самый раз».* Но здесь сразу чувствуется какая-то нестыковка: если появление предыдущих женихов было логичным (один из них находится при ресторане, а другой занимается похоронами), то ситуационной привязки в появлении таксиста не ощущается. Как будто вдова видит его в первый раз. Но в любом случае, никакого впечатления таксист на нее не производит. К тому же, она очень критично оценивает его возраст, со смехом заявляя, что ему *«в субботу сто лет будет». «Не угадала,* — весело отвечает тот, — *всего 72».* (Хотя по внешнему виду актера этот персонаж даже близко не тянет на сколько-нибудь пожилой возраст.) Короче, какой-то странный таксист вырисовывается: по годам ему, может быть, уже и за руль садиться нельзя, но при этом он перед поездкой каждый раз опрокидывает рюмку. В оригинальном либретто подобных нестыковок нет. Там этот персонаж однозначен в своей простоте — это старый извозчик, большой любитель выпить, который недоуменно стучится в окно трактира, не понимая, почему он закрыт. Ведь ежедневно свой путь он начинает после посещения этого заведения, а дальше не столько он управляет лошадью, сколько лошадь его везет.

В силу такой противоречивости роль таксиста нелегка для исполнения — актеру просто трудно вылепить цельный образ. Тем не менее, Евгению Ермакову удалось за счет яркости отдельных черт этого персонажа сделать его броским и запоминающимся, а нестыковки в его внутренней сути по возможности снивелировать. Наиболее выразителен артист в музыкальных характеристиках своего героя, но при этом он убедителен и в актерском плане, особенно в его речевой характеристике.

Следующим после старого таксиста в череде женихов оказался молоденький послушник, мысли которого были очень далеки от заупокойной службы, в которой он участвовал. Именно этот образ был наиболее «причесан» в процессе переделки спектакля. Как уже отмечалось, вначале это был церковнослужитель, который практически ничем не отличался от Дьякона из оригинального либретто. А там он резко обличался за ханжество и грех сладострастия — ведь из его уст звучало нечто невообразимое для духовного лица: *«Женюсь, как бог свят, женюсь! Сниму сан, разведусь и женюсь!»* Понятно, что в эпоху антиклерикализма, когда религия была объявлена опиумом для народа, подобное развенчивание служителей церкви только приветствовалось. Этот же текст первоначально звучал и в

нашей постановке, а молодой актер Дмитрий Климович рисовал образ оступившегося церковнослужителя очень яркими и жирными мазками, пользуясь приемами гротеска и пародии. С одной стороны, получалась как бы острая сатира, а с другой — все выглядело очень комично, и было понятно, что никаких параллелей с нашим сегодняшним отношением к церкви здесь не проводится. Но в театре все же решили проявить осмотрительность, чтобы ненароком не задеть чувств верующих, и образ церковнослужителя претерпел существенные изменения: во-первых, он превратился в послушника, а во-вторых, потерял остроту своих характеристик. То есть, послушнику позволительно немного пошалить, потому что он еще не имеет сана и в случае чего может снова вернуться к мирской жизни. Но с чисто постановочной точки зрения этот образ многое потерял в своей комедийности.

Самая креативная пара — вдова и маркер (Маргарита Александрович и Антон Заянчковский).

И завершает череду разношерстных женихов самый эпатажный из них — заведующий бильярдной при ресторане (все тот же бильярдный маркер). Его интересует, *«скоро ли кончится комедия религиозного предрассудка»,* то есть панихида — ведь *«покойник бильярд занимает, а игроки ждут».* И развивает свою мысль дальше уже в музыкальном номере: *«Да если под таких давать бильярды — погибнет благородный спорт!»* Пародийно-философичная ария маркера о том, что *«наша жизнь — гостиница с трактиром»,* бередит вдове душу, а его «аристократичные манеры» и броская внешность сражают ее наповал. *«Породистый! Будь кобель или жеребец, так цены бы человеку не было!»* — в восторге восклицает она. В образе маркера предстал ведущий солист театра Антон Заянчковский, который обычно выступает в амплуа героя. А в этой характерной роли у него появилась возможность в очередной раз проявить свои актерские качества, что не всегда возможно в оперетте. К тому же, сценическая внешность этого актера как нельзя лучше отвечает внешним характеристикам данного персонажа.

Итак, из пяти женихов вдова сразу же отсеяла троих, а двое оставшихся вызвали в ее душе большое смятение: связать свою жизнь с зажиточным гробовщиком ей было бы выгодно, особенно с учетом создания трактирно-гробового треста (то бишь холдинговой компании), но ее недолюбившее сердце пронзил маркер, не имеющий за душой ни гроша …

Все эти сценки с женихами, динамично сменяющие друг друга, перемежаются веселыми музыкальными номерами, в них много юмора и тонкой иронии, и

самое главное — именно в них больше всего сохранился стиль Дунаевского, а вместе с ним и стиль той эпохи. Как ни старались постановщики осовременить спектакль, но все эти персонажи своими действиями и репликами, перекочевавшими из старого либретто в новое, отсылают зрителя в ту эпоху. И старорежимные профессии женихов все равно довлеют над их новыми названиями.

Следующий виток событий развивается в том же направлении. Наконец с траурным платьем появляется мадам Пендрик (в новом варианте — владелица ЗАО «Швея по вызову»). В отличие от всех остальных, этот образ далеко не однозначный, и для его раскрытия нужна довольно тонкая нюансировка актерской игры, с чем полностью справляется Лидия Кузьмицкая. Итак, вдова выходит в соседнюю комнату переодеться, чтобы, наконец, отправиться на панихиду по мужу, а в это время все женихи, кроме высокомерного маркера, подглядывают за ней и исполняют один из хитов этого произведения — комическую серенаду четырех кавалеров: *«Этой ночью, этой ночью стань моей, стань моей! Ну а всяких прочих, ну а всяких прочих ты отшей, ты отшей!..»*

А дальнейшие события уже начинают приобретать окраску социальной сатиры, но не столь острой, как в первой версии постановки. Здесь уже представитель администрации района Шундриков стал более скромным служащим собеса, его коллегой стала и бывшая представительница налоговой инспекции, а директор ЖЭКа осталась при своих функциях, лишь с несколько видоизмененной должностью. А все вместе они как бы создают коллективный образ современного чиновника. В этих ролях выступают Дмитрий Матиевский, Леся Лют, Ирина Заянчковская.

Итак, не успела вдова как следует проявить себя в *«надгробных рыданиях»,* как появился Шундриков и громогласно объявил: *«Нельзя хоронить! Запрещено законом!»* И с подобающим видом стал объяснять, что покойника нужно вскрывать. Свои услуги тут же предложил повар, набивший руку на разделке туш… Сбитые с толку участники похоронной процессии в конце концов оставляют гроб с покойником в церкви. В этой сцене мастерски решен музыкальный номер «Вынос» с участием артистов хора, изображающих толпу. На фоне звуков заупокойной службы скорбящие *«братья»* и *«сестры»* бурно обсуждают, в каком виде покойный оставил после себя наследство: то ли облигациями, то ли инвестициями, а может, *«деньги зашиты внутре тюфяка»* или *«в сейфе закрыл где-то наверняка»…*

А в это время в опустевший дом Кукуева во главе с чиновниками врываются соседи, жаждущие раздела освободившейся жилплощади. Проникнутый сатирой музыкальный номер «Излишки» в пародийной форме иллюстрирует жилищную политику советских времен. Но в новой версии спектакля в этой сцене смысловые акценты уже расставлены иначе, и хор жильцов поет: *«Мы вправе наследство любое забрать!»*, что дружно подтверждают чиновники и уже предъявляют вернувшейся в дом вдове не столько жилищные, сколько материальные претензии (неизвестно на каком основании, ведь при любом раскладе она все равно — законная наследница).

Не растерявшаяся вдова быстро обуздала орущую ораву, объявив, что не будет ни излишков площади, ни раздела имущества, так как место старого мужа займет новый (образец бытового правового нигилизма). И счастливым избранником она объявила гробовщика. Остальные женихи лишь дружно вздохнули: *«Из женихов попали в шафера…»* А из толпы прозвучало сакраментальное: *«От могилы до венчанья еле-еле полчаса. Надгробные рыдания творят чудеса».*

Вдова спешно готовится к свадьбе, а с ее избранником в это время происходят разные события. Прежде всего, он виртуозно уворачивается от уплаты налогов, объясняя чиновникам свой низкий доход низким уровнем смертности: *«Иной и родится-то с тем, чтобы умереть, а его, дурака, в больницу кладут. И тут здравотдел палки в колеса вставляет. И жить не дают, и умереть тормозят…»*

И тут появляется заказчица, немолодая дама приятной наружности. *«Бог вам в помощь, если веруете… Это вы будете?»* — вежливо осведомляется она. Такой незадачливый вопрос настраивает гробовщика на шутливый тон, и зритель чувствует, что сейчас разыграется очередная юмористическая сценка. *«Я к вам насчет гробика…»* — продолжает дама, но гробовщику и без слов все понятно, и быстренько сделав обмер фигуры заказчицы, он объявляет, что ей нужен гроб с дополнительной площадью, то есть двуспальный, и лучше цинковый, чтобы прохладно было. Но в процессе диалога все же выясняется, что у заказчицы немного другой интерес — она хотела бы починить уже имеющееся у нее изделие: *«А можно кожаную латочку на дырочку в гробик поставить?»* На такую неожиданную просьбу гробовщик остроумно отвечает, что чинить гроба по Богу грешно, а по Карлу Марксу не капиталистично, и пытается выяснить, как у нее при жизни гробик очутился: *«Подержанный приобрели или сами износить успели?..»*

Поначалу кажется, что это — обычная интермедия комического характера, по крайней мере, так она прописана в оригинальном либретто и так поставлена в телефильме Ленинградского телевидения. Но в нашей постановке она по своей тональности сильно отличается от всего спектакля каким-то особым, облагороженным комизмом, а по мере своего развития приобретает ярко выраженный налет романтичности. И все благодаря тому, что роль заказчицы исполняет Наталья Гайда, которая, подобрав наиболее тонкую манеру игры, подчеркнула врожденное благородство своей героини. Из слов заказчицы становится понятным, что она — из «бывших», закончила пансион и читает классиков в подлиннике. А гробик ей когда-то покойный муженек заказал из ревности — чтоб больше ни с кем не пела под гитару. В последнее время его у нее даже хотели отобрать по доносу как народное достояние. А она в нем провизию держала, вот мыши дырку и прогрызли… И в конце своей короткой исповеди дама восклицает: *«Я люблю Париж и не люблю комиссаров и революционЭров!»*

На этом в оригинале и заканчивается эта симпатичная сценка, без изменений перекочевавшая в современный спектакль. Но постановщики посчитали, что для такой исполнительницы, как Наталья Гайда, этой фактуры недостаточно, и специально для нее сделали вставной музыкальный номер, как нельзя лучше раскрывающий характер ее героини. Это «Романс о романсе» Андрея Петрова на стихи Беллы Ахмадулиной, который очень органично вписался в эту сценку. К тому же, его проникновенное исполнение было дополнено романтичным балетным номером, поставленным настолько оригинально, что фигуры танцовщиков воспринимались как парящие в воздухе музыкально-поэтические образы.

По окончании интермедии основное действие возвращается в свое русло. К гробовщику заявляется маркер, который не согласен со сложившейся ситуацией и хочет повернуть ее в свою пользу. И для этого он задумал очень хитроумную интригу: предупреждает счастливого жениха, что неудачливые конкуренты скоро заявятся к нему якобы на мальчишник, а на самом деле их цель — споить его, заколотить в гроб и отправить невесте. А в виде вознаграждения за услугу маркер требует у гробовщика его пиджак (ведь сам гол как сокол).

И тут отвергнутые женихи действительно вваливаются к гробовщику с выпивкой и закуской. Скромно начавшийся мальчишник вскоре начал набирать обороты: откуда ни возьмись в комнате вдруг появились модистки под предводительством мадам Пендрик. *«Мы случайно, прямо с утренней прогулки, вашу вывеску завидя в переулке, к вам направили свой путь, чтоб немного отдохнуть, не подумайте: ведь мы не кто-нибудь!..»* И картина непритязательного мужского застолья сразу резко изменилась. А тут вдруг выяснилось, что гробовщик пьет воду, а не водку, что доказывает его подлые намерения, о которых женихов предупреждал маркер (все та же угроза споить, только с точностью до наоборот). Разгорелся скандал, грозящий перейти в драку…

А в это время маркер, ловко подловив вдову, страстно уговаривает ее бросить гробовщика и выйти замуж за него: *«Вам поменять предлагаю гроба срочно на кий с пирамидкой!»* Звучит самый популярный номер этой оперетты — любовный дуэт вдовы и маркера в ритме вальса, который во всех музыкальных театрах часто исполняется на концертах:

— Право, не знаю, ну как это вдруг
Жениха поменять в одночасье?
— Верьте: будь жив ваш покойный супруг,
Сам бы он дал нам согласье!

И чтобы окончательно склонить вдову на свою сторону, маркер обещает ей показать, каков на самом деле ее жених. Он вводит ее в дом к гробовщику как раз в тот момент, когда его очень уж нежно обхаживает мадам Пендрик. Цель достигнута — жених развенчан, и вдова его, конечно же, отвергает. К окончательному выбору в пользу маркера ее подталкивает мадам Пендрик вместе со своими модистками. В итоге вдова просто счастлива, потому что к маркеру она и сама сильно тянулась.

В этой картине замечательно поставлены ансамблевые номера с участием модисток — и хоровые, и танцевальные. К тому же, при всей их пикантности, они отличаются своеобразным шармом и постановочной культурой.

Вообще, образ мадам Пендрик с ее модистками вызывает прямые ассоциации с героиней пьесы Михаила Булгакова «Зойкина квартира» Зоей Пельц, которая под прикрытием швейной мастерской устроила у себя дом свиданий. Эта пьеса, скрывавшая за кажущейся легкостью серьезную общественную сатиру, была поставлена в 1926 году в Театре имени Вахтангова, и несомненно, с ней были знакомы авторы «Женихов». А Дунаевский, как известно, был лично знаком и дружен с Булгаковым. Так что не исключено, что эта тема попала в оперетту под воздействием названной пьесы.

Действие в спектакле приближается к своей кульминации. В заведении Кукуева начинается свадьба. Самые почетные гости на ней — все та же чиновничья троица. Шундриков на повестку дня выносит единственный вопрос — свадьбу, и *«без всякой волокиты объявляет собрание открытым»*. Далее путем голосования одна из чиновниц избирается председателем свадебной комиссии, и мероприятие проходит четко, как по протоколу.

О том, как была поставлена эта сцена на премьере «Женихов» в Московской оперетте, интересно писал в своей книге Григорий Ярон: «В оркестре сидело трио гармонистов (это было и ново, и придавало нужный колорит), в сцене свадьбы в третьем акте гармонисты уже сидели на сцене и играли очень смешной, пародийный фокстрот, под который плясали гости».

В нашей постановке на сцене находится своеобразный джаз-бэнд, исполняющий джазовые импровизации на темы песен Дунаевского. Более того, невеста очень задушевно исполняет лирическую песню «Звать любовь не надо» из фильма «Моя любовь» с музыкой Дунаевского (этот фильм в 1940 году поставил знаменитый белорусский режиссер Владимир Корш-Саблин на киностудии «Советская Белорусь»). Конечно, эта песня резко контрастирует и с образом невесты, и с музыкальной стихией всего спектакля, но режиссер пошел на это сознательно. «Мне хотелось навести зрителя на мысль о судьбе женщины, — говорит Михаил Ковальчик. — Ведь она, при всей своей мещанской сути, действительно влюбилась в маркера и ради него отказалась от выгодной партии, а он в конце всей истории так ее предал! В финале она выглядит если не трагической фигурой, то трагикомической — точно».

Действительно, средствами комического здесь показывается немало драматического. И в ходе свадьбы уже начинают проявляться конфликтные коллизии. Например, гробовщик, увидев, что маркер явился из ЗАГСа в его пиджаке, требует вещь обратно. Тот перед всеми оправдывается: *«Сам же он сдал мне пиджак*

на концессию...» Чтобы сгладить ситуацию, новоиспеченная жена приносит новоиспеченному мужу пиджак своего покойного мужа. Однако получив свою вещь обратно, гробовщик обнаруживает невероятное: маркер женился по его паспорту, находящемуся в кармане его пиджака! Все в шоке! Особенно новоиспеченная жена. Звучит еще один популярный музыкальный номер — «Трио недоумения». *«Я муж де-факто!»* — восклицает маркер, *«Я муж де-юре!»* — перечит гробовщик. *«А мне с которым ложиться спать?»* — вопрошает непонятно чья жена. К ней приходит осознание своего фиаско: *«А я что имею? Один — умер. С другим в ЗАГС пошла. Расписалась с третьим. А в наличии — ни одного!»* Шундриков предлагает этот запутанный вопрос поставить на голосование, а остальные женихи сразу же смекнули, что у них появился второй шанс...

Чего только нет в этой свадебной сцене! Яркие массовые номера с песнями и танцами, великолепный балетный номер официантов с подносами и даже цыганщина с ее неизменным ресторанным кичем: *«Шумный вечер в ресторане, в коллективе все свои...»* А где большая пьянка, там и большая драка — бесподобная сцена-пантомима, как в замедленном кино. В общем, свадьба гремела так, что мог проснуться даже мертвый. Что и произошло: в церкви в своем гробу очнулся Кукуев. Поразмыслив, что к чему, он правильно оценил обстановку и справедливо рассудил, что в доме справляют по нему поминки. Пребывая в летаргическом сне, он сильно проголодался, поэтому поспешил прямо к столу. Ну а там даже не сразу понял, что в доме идет свадьба.

А когда до Кукуева дошла суть происходящего, он попросил жену показать ему ее нового избранника. Но муж де-факто и муж де-юре дружно от нее отказались — первый заявил, что он даже по паспорту холост, а второй — что даже в ЗАГСе не был. И лишь простоватый повар высказал то, что у всех было на уме: *«Да без ресторана кто же женится?!»*

Роль Кукуева — небольшая и не наделена какой-либо особенно выразительной фактурой, поэтому для исполнителя она не столь выигрышна, как все остальные. Но в то же время она рассчитана на опытного актера, который сможет за счет своего мастерства сделать ее как бы более объемной и содержательной. В разных составах в этой роли на сцену выходили два исполнителя: многоопытный Василий Сердюков и не так давно появившийся в театре Сергей Килессо, который сумел быть очень выразительным в этом образе.

И в заключение — о сценографии спектакля. Художник-постановщик Андрей Меренков, видимо, ощущая определенную противоречивость постановки в плане ее временного среза, образ спектакля сделал тоже как бы вневременным. Основной упор — на его основных элементах-символах, очень находчиво сконструированных. Так, бильярдные столы своей формой и отделкой одновременно напоминают нижнюю часть гроба, а его верхняя часть, обрамленная такой же отделкой, как бы витает в воздухе. В нужный момент эти части соединяются. На заднике почти неприметно происходит смена видеопроекций, несущих в себе большую смысловую нагрузку. Ну а в сцене свадьбы с колосников спускается ее главный символ — огромная свадебная кукла с чересчур серьезным выражением лица, как будто говоря о том, что ничем хорошим эта свадьба не завершится.

К этому спектаклю нет однозначного отношения ни зрителей, ни критиков. В нем есть много противоречий, вызванных прежде всего переделкой либретто, но при этом удивительным образом в нем ощущается и конструктивная целостность, что следует отнести прежде всего к заслуге режиссера. Очевидна также его постановочная культура. Ну а самое главное — театр дал возможность нашим зрителям прикоснуться к музыкально-сценическому раритету.

Фото Марии КОЛЯДА.

Искусство суждения

Татьяна ФИЦНЕР

Репрезентация гендерных стереотипов в современной белорусской прозе

В данной статье на примере наиболее ярких, на наш взгляд, художественных текстов современной белорусской литературы (независимо от пола автора) рассмотрены представленные писателями гендерные стереотипы.

Так, женская проза интересна уже самим фактом представления мужественности (маскулинности)/женственности (феминности), отличающейся от той, которую создавали писатели-мужчины в белорусской советской литературе. Женщины-авторы на рубеже столетий своим творчеством развенчали веками создаваемый мужчинами-писателями миф о женщинах/женственности, который не всегда соответствовал реальности (по крайней мере, отражал не все разнообразие проявлений женственности). Писательницы также отражают многообразие стереотипов мужественности, представленных в современном обществе, формируют стереотип «идеальной мужественности», как его понимает современная, социально активная, творческая женщина. Наиболее ярко такая тенденция просматривается в творчестве **Л. Рублевской** (повести «Сердце мраморного ангела» и «Кольцо последнего императора»). Так, стереотип мужественности, представленный романтическими образами Винцука Полецкого и Костуся Сташинского, первоначально не нравится главным героиням повестей Екатерине и Магдалине. Совсем непривлекательным выглядит Винцук при первой встрече с Екатериной: «Дверь... внезапно распахнулась, и в светлом проеме вырисовалась странная фигура в ватнике и калошах на веревочках. Высокий нескладный человек — или призрак — имел лет под сорок. В темных длинных волосах и бороде не замечалось седины. Лицо худое, глаза неестественно светлые, смотрят исподлобья, через нечесанные пряди... Просто оборотень какой-то…» А главная героиня повести «Кольцо последнего императора» изначально разочарована не только видом, но и отношением Костуся к ней: «Такие парни никогда не нравились Магдалине. Он смотрел на нее вежливо, но как-то... сухо, что ли? Без той «охотничьей» искорки, которая невольно зажигается в глазах мужчины при взгляде на красивую девушку и которую Магдалина, хотя раздражалась ролью «объекта охоты», привыкла встречать в глазах собеседников». С развитием сюжета раскрываются лучшие качества героев: их духовная красота, ум, умение постоять за себя и защитить женщину, уважение к ней, интерес к родной истории и культуре, талант. Поэтому из неприглядных внешне они перевоплощаются в «сказочных принцев», «идеальных мужчин» (у которых «все красиво»: душа, тело, даже кровь — происхождение). Этими мужчинами незаметно увлекаются главные героини, находя в них свой идеал мужественности, к которому подсознательно стремились и долго искали. Причем «найденные идеалы» не относятся к женщине с позиции более умного и сильного, не считают ее своей собственностью. Наверное, это как раз и есть необходимое условие для зарождения чувства. Героини нашли интересных для себя спутников, которые своей опекой не будут ограничивать их свободу, а будут признавать за женщинами присущие им качества характера и право на творчество. Предыдущие же избранники Екатерины и Магдалины под видом заботы

ограничивали их в действиях и желаниях. Екатерина не выдерживает более двух лет своего первого мужа Дудковского, хотя «он варил украинский борщ и подносил (ей. — *Т. Ф.*) тапочки». Но за это претендовал на роль духовного и хозяйственного лидера: «Он воевал с моим «творческим беспорядком» и участием в экспедициях, вначале даже каждый вечер пересчитывал деньги в моем кошельке и выяснял, куда я столько потратила...» Именно от излишней заботливости Марка убегает и Магдалина, несмотря на его предупреждения: «Кто еще будет с тобой так нянчиться?» Бежит от запрограммированности, уверенности в завтрашнем дне, которую ищут в мужчинах многие женщины.

Героини Л. Рублевской находят гармонию во взаимоотношениях, свое счастье именно потому, что рядом с нетрадиционной женственностью в названных произведениях представлена и нетрадиционная мужественность. Она проявляется не только в том, что герои не досаждают покровительством, не ограничивают личную свободу женщины и признают за ней право на творчество. Они не пытаются «вместить» женщину в рамки традиционного образа женщины-хранительницы домашнего очага. Модель изображения взаимоотношений полов в повестях Л. Рублевской приближена к западной культуре, где «мужчина старается соответствовать пожеланиям женщины, и именно в этом проявляется его «идеальная маскулинность» (Суковатая, В. А. Маскулинность на постсоветском пространстве / В. А. Суковатая // Человек. — 2004. — № 6. — С. 114—122).

Творит миф о современной женщине, а также пересматривает стереотипы мужественности и **О. Куртанич**. В восприятии взаимоотношений полов ее творчество близко творчеству Л. Рублевской. О чем и свидетельствуют произведения писательницы, собранные в книге «Зазеркалье для Алисы». Героини О. Куртанич предпочитают нетрадиционную мужественность традиционной, которая несет угрозу их личности, их свободе. Именно против закрепленных половых ролей в семье, а прежде всего роли домохозяйки, которая является «символом счастья для многих знакомых женщин», протестуют они. Художественный мир писательницы населяют женщины, которые в определенный период по самым разным причинам оказались на распутье, перед выбором. Их определяют нестабильность в личной жизни и относительная стабильность в профессиональной деятельности. Поэтому и выбор их меньше всего связан с социальными проблемами, профессиональной деятельностью (они, как правило, представительницы творческих профессий — искусствовед, журналистка, писательница), а больше касается их личной жизни. А она, как правило, подает не так много вариантов. Иногда героини выбирают уединение, иногда любовника, верного друга и охранника в одном лице. Все они ищут любовь, при этом желательно взаимную и на равных, и очень боятся ее перепутать с боязнью одиночества. Боятся «приклеиться» к нелюбимому, принять любовь без взаимности. В них, несмотря на возрастную разбежку, а она варьируется от 22 до 39 лет, имеется отрицательный жизненный опыт проживания с лицами противоположного пола, поэтому они очень осторожны и стараются разграничивать жажду любви, страсть и настоящую любовь, отличать последнюю от «женской слабости», от потребности ощущать себя маленькой девочкой, которую пожалеют, утешат, направят. Героини обречены на неопределенность, одиночество, вечный поиск по причине того, что в художественном мире писательницы рядом с нетрадиционной женственностью не представлена нетрадиционная мужественность. В данном случае под нетрадиционной мужественностью понимается разрушение стереотипов в восприятии женщины, ее роли в семье, обществе и выработка новых отношений к ней со стороны мужчины. Здесь не принимаются во внимание ни внешность мужчин, ни их социальная и материальная значимость. Женщины, созданные писательницей, остаются на распутье даже сделав свой выбор.

Каролину Цвикевич («Эдем начинается летом») не интересуют добропорядочные в принятом, традиционном смысле слова мужчины (образ Василия).

А может, пугают. Ведь предписывают героине своим образом жизни определенный стереотип поведения, традиционную роль жены = домохозяйки, чего она настойчиво избегает. А мужчины самодостаточные, талантливые, интересные (Стефан), как правило, не свободны. Так, влюбленная Каролина в скором времени узнает о существовании жены Стефана. Эдем утрачен...

Тридцатидевятилетняя Янина Луценко («Во мрак одиночества, в привлекательное отчаяние»), не обращая внимания на «мучительную боль самоанализа», выбирает «будущее короткое счастье» с пятнадцатилетним Сергеем, а не стабильность, предопределенность со взрослым мужчиной (образ Левона). «Я хочу подарить любовь этому юноше...» — таким образом объясняет свой выбор женщина.

В результате каждая из женщин нашла то/того, что/кого искала. Но нет ощущения так называемого happy end'а и уверенности в том, что героини счастливы и что очередная связь будет последней или хотя бы долгосрочной. Тем не менее, положительное есть и в таком жизненном сценарии женщины. Она перестает избегать болезненного опыта экзистенциальной свободы и ответственности, а в итоге, согласно С. де Бовуар, перестает принимать роль жертвы, навязанную ей патриархатным обществом. Она сама выбирает и сама отвечает за свой выбор, восставая таким образом против мужских стратегий различных уровней по превращению женщины в объект. Пытается занять «мужское» место в извечной оппозиции мужское/женское.

В прозе О. Куртанич представлены либо мужчины сильные, которые подавляют женщину (И. И. Запоздалый), либо слабые, которые ищут себе мамку-няньку (Василий). Ни первые, ни вторые не соответствуют требованиям героинь произведений. Третий вариант — мужчины самодостаточные, интересные, как правило, несвободные (Стефан) или нелюбимые (Лявон).

Героини **Е. Браво**, наиболее заметной, противоречивой, в некоторой степени даже эпатажной писательницы, «восстают» против ценностей патриархата, где женщина с самого рождения «осуждена на поражение». Эволюцию изображения стереотипов мужественности в творчестве Е. Браво можно представить следующим образом: от культа мужчины-героя, без любви которого нет смысла жить («Беспощадный мой воин») или ради которого стоит пойти хоть на край света — оказаться на другом континенте («Комендантское время для ласточек»), до высмеивания «необезображенных» интеллектом мужчин-самцов, для которых женщина всего лишь сексуальный объект, только лишь «сливное отверстие» («Менада и ее сатиры»). Символом таких мужчин (и их власти) в романе Е. Браво является толстый кошелек, который писательница называет одним из вторичных половых признаков мужчины. Автор разоблачает патриархатную культуру, литературу в частности, которая воссоздает стереотипы мужественности/женственности, культивирует «большую любовь», под которой подразумевается самоотречение женщины во имя мужчины. Обращает внимание на то, что моральную ответственность перед обществом за сексуальные отношения несет в основном женщина, т. к. «патриархатная этика и религия склонны смешивать такие понятия, как «секс» и «женщина», а бремя ответственности и позора, связанное с сексом, приходится только на женщину» (Мілет, К. Тэорыя сэксуальнай палітыкі / К. Мілет // ARCHE: Кабеты. — 1999. — № 3. — С. 6—41). В романе также акцентируется внимание на неосмотрительности женщин и безответственности мужчин за судьбу еще не рожденного человека.

Если женская сексуальность в советском обществе и культуре «развенчивалась как вражеская», то мужская сексуальность «реализовывала себя в беззаветном служении партии, стране, строительстве коммунизма и т. д.», — отмечает В. Суковатая. «В советской массовой культуре образы мужского сексуального желания были образами «запретного», «тайного», «полулегального» и потому — неизбежно травматичного» (В. Суковатая). Сексуальная революция и общая либерализация ценностей, которую пережила в 60—70-е годы прошлого века западная

культура, достигла на переломе столетий и бывшего «советского материка»: сексуальность, благодаря Фрейду, стала прочно «входить в культурное самосознание в качестве главного ресурса идентичности» и в постсоветское общество. А призыв Э. Сиксу: «Пишите себя. Ваше тело должно быть услышано» (Брандт, Г. «Почему вы не пишете? Пишите себя!» (Феминизм и постструктурализм о женском теле и женском письме) / Г. Брандт // Женщина. Гендер. Культура. — М.: МЦГИ, 1999. — С. 15—34), обращенный к современным женщинам-писательницам, услышали и авторы-мужчины. Наиболее яркими примерами осмысления мужской сексуальности в постсоветской белорусской прозе являются повесть «Пейзаж с ментоловым запахом» В. Орлова, роман в штрихах «Юргон» и повесть «Обгоняя сны» А. Козлова. Стереотип мужественности, представленный в повести **В. Орлова**, можно обозначить как «активная сексуальность». В центре произведения образ мужчины, который одновременно является участником событий и их рассказчиком, поэтому целесообразно называть его я-герой. Он не только фиксирует, но и пытается проанализировать все, что происходит с ним и вокруг него. Герой — свободный (разведенный) мужчина средних лет. Он самодостаточный и даже самоуверенный, склонный к анализу и постоянному поиску, любит музыку и не любит суеты вокруг себя, изначально намерен «защищать свое одиночество». Независимо от намерения, мужчина находится в поиске «своей женщины», а сексуальность/сексапильность женщины считает главным ее достоинством, проявлением «идеальной женственности». Правда, героиню с такой характеристикой он находит не среди реальных женщин. В квартире, где на данный момент проживает я-герой, незримо присутствует виртуальная женщина. С ней он встречается в «тонком» мире, во время сна (в тексте есть упоминания о книге ученика Блаватской, в которой говорится о существовании «физического» и «тонкого» миров и которую читает я-герой) и путешествует во времени и пространстве. «Его женщина» не имеет ни имени, ни конкретного телесного воплощения. Она не привязана к конкретному времени и социуму. Я-герой представляет ее универсальной, многоликой (как внешне, так и в проявлениях характера) и непредсказуемой: «Она приходила ко мне в разных обличьях — то зеленоглазой шатенкой с круглой родинкой под бровью, то серебристой тонкой блондинкой с короткой «марсианской» стрижкой, то... Характер? Он также был переменчивый...». К «несуществующей», «нереальной» женщине герой обнаруживает реальные чувства. Кроме страстного чувства любви в его душе присутствует и чувство собственности. А из последнего вытекает ревность, которая с трудом им контролируется. Герой ревнует любимую ко всем мужчинам, которые могли и могут быть в ее жизни: «Видимо, их было много — тех, кто сдавал и нанимал тихую однокомнатную квартиру и путешествовал с Ней...». Я-героя волнуют и проблемы равенства в отношениях с виртуальной женщиной. Вспоминая и запечатлевая свои путешествия с Ней, я-герой отмечает: «Случалось, я узнавал свои любимые места в тех городах, где приходилось бывать раньше. Это значило, маршруты путешествий выбирала не только она, что, признаюсь, успокаивало мое самолюбие, так как, пусть и косвенно, свидетельствовало о нашем равенстве в отношениях». Я-герой готовится к путешествию с Ней, «которое окажется самым длинным», ради такого путешествия он готов больше не просыпаться.

А. Козлов в своем творчестве исследует эволюцию мужской сексуальности (с ранней юности и до сорока лет), в узком и широком значении этого слова, ее проявления и влияние на жизнь героев. Роман в штрихах «Юргон» и повесть «Обгоняя сны» также дают возможность проанализировать влияние необузданной мужской сексуальности на судьбы женщин, что встречаются на пути героев данных произведений.

Главными героями упомянутых произведений являются соответственно Юргон и Юджин. История Юргона — это «история одной болезни» длиной в несколько недель, которую герой определяет как «полный штиль». Сама жизнь для героя в такой ситуации теряет смысл: «Зачем жить, если висит!» В течение

этого времени герой, вспоминая всех своих бывших любовниц, пытается вычислить/угадать, кто из них мог его сглазить. При этом он уверен, что не причинил ни одной женщине вреда. Следующий вопрос, который не меньше волнует героя, — как избавиться от болезни? Образ Юргона кажется статичным, незаконченным, будто вырванным из другого текста. Таким текстом как раз и является повесть «Обгоняя сны». Поэтому все, что происходит в романе с Юргоном, воспринимается как эпизод из жизни Юджина. А в более широком смысле — как шаг мужчины на пути становления его сексуальности. Образ Юджина подан в развитии: от пробуждения сексуальности (воспоминания о раннем сексуальном опыте, который привел его к разграничению таких понятий, как любовь и удовлетворение половых потребностей) к осмыслению ее последствий и рассуждений о том, «насколько проще станет жить, если угаснут мужские желания в теле». С Юджином читатель знакомится во время его пребывания на вокзале, где он оказался после того, как Руслана выгнала его из квартиры за измену. Герой почти каждый вечер приходит под окна квартиры Русланы, надеясь вернуть все еще любимую им женщину. Такое использование «свободного времени» дает ему прекрасную возможность переосмыслить свои поступки и желания. Юджин ассоциируется с Юргоном уже даже на уровне имен. Более того, воспринимается именно как повзрослевший Юргон. Возраст последнего в романе измеряется двадцатью пятью годами. А Юджин в повести вспоминает о своем «сороковнике». Четырнадцать последних лет он прожил тихой, уютной семейной жизнью с Русланой. Сам Ю**джин** характеризует их как четырнадцатилетний сон **юр**ливого (похотливого) **гона** (Юргона), который, словно сказочный Джинн, все же вырвался на волю. И последствия его действий такие сладко-горькие и непредсказуемые, однако определяющие дальнейшую жизнь героя. Его измена Руслане — очередная, а возможно, и последняя уступка Юджина Юргону, его подчинение биологическому началу в человеке, полу, основному инстинкту: «Годами мы дышали одним дыханием, смотрели одинаково на многие вещи и события. Даже думали часто одинаково. Но в один черный день мне показалось, что этого мало. Нет, не мало, а недостаточно для моего мужского счастья».

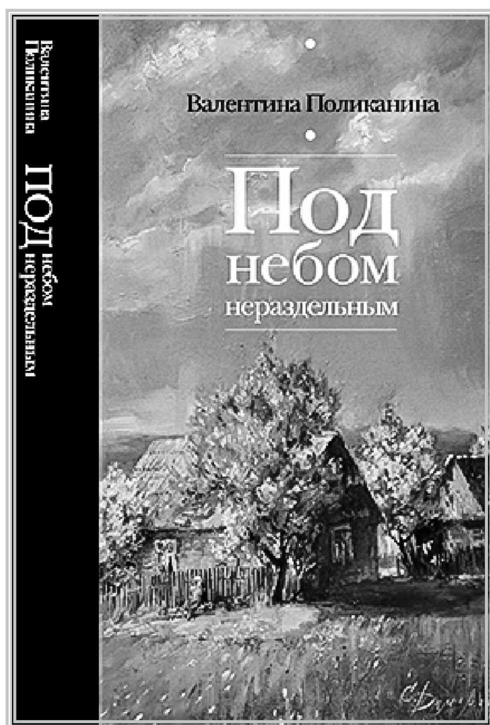
По сути своей и Юргон, и Юджин — одиночки. Но одиночество их разного рода. Считается (Р. Ошо), что это понятие можно понимать как «покинутость-ненужность» и как «самодостаточность». Разница в понимании и определяет степень взросления личности. Для характеристики Юргона подходит первый вариант. Он, во время «болезни», чувствует себя покинутым и ненужным: «Один и одинок как никогда». Юджин же, балансируя долгое время на грани ненужности-покинутости и самодостаточности, приближается именно к пониманию категории одиночества как самодостаточности. Образ Юджина противоречив. Его поведение очень напоминает поведение Юргона. Однако его мысли, образ мышления указывают на большое расстояние между героями. Юджином пройден долгий путь, накоплен опыт долгосрочных отношений, которые позволяют герою сравнивать, осмысливать и оценивать разный стиль поведения, понять, что потерял и что ищет. Юджину присущи глубокие переживания, которые, правда, раскаянием назвать нельзя. Это размышление, бесконечный поиск себя.

В проанализированных произведениях А. Козлова действуют современные герои-одиночки, жизнь которых протекает в окружении многих женщин, на их фоне. Проблемы героев (и Юргона, и Юджина), как и их решения, связаны именно с присутствием/отсутствием женщин в их жизни. Стереотип мужественности, представленный автором, можно определить как «неконтролируемую/необузданную сексуальность».

Суммируя сказанное выше, можно только отметить, что современная белорусская литература одновременно фиксирует появление новых стереотипов мужественности/женственности и способствует их изменяемости.

С точки зрения рецензента

Колодец



Если цепь златая, унизанная жемчугом и драгоценными камнями, приятна для очей, на нее взирающих, тем более приятны красоты духовные.

Кирилл ТУРОВСКИЙ

Писать стихи в юности пробует едва ли не каждый. Однако я не о том, что не всякому суждено стать Поэтом… Когда пробуждается самое высокое, самое божественное чувство — Любовь, которое так расцвечивает душу, так преображает человека, озаряя его таинственным светом, что тот уже не в силах говорить и думать обычным слогом, он ищет такие возвышенно-прекрасные поэтические слова, которые (и только они!) способны передать волнующие переживания. И тогда человек начинает творить — сам создает лирические строки или с упоением читает стихи, рожденные другими поэтами…

Обо всем этом думается, когда читаешь поэтическую книгу Валентины Поликаниной «Под небом нераздельным» (Минск: Мастацкая літаратура, 2016). И удивительным образом вдруг обнаруживается перекличка со словами из ее дневника: «В любви так много всего! Это и полет, и радость, и совесть, и страдание, и крест, и воскресение. Это жизнь, победа над смертью. И это поэзия! Самая великая поэзия — это Любовь…».

Стихи летят издалека,
Чтоб поделиться непокоем,
По небу, строчка за строкою,
Летят стихи издалека.

Они не вскормлены тоской,
В них жизнь, воспетая, как благо.
Летят стихи, чтоб в день-деньской
Вмиг опуститься на бумагу.

Их тайный замысел такой:
В стихах любовь живет большая —
И наши души возвышает
Над приземленностью мирской.

Стихи Валентины Поликаниной пронизаны любовью. Любовью, которая не растратилась, не исчезла с годами, но лишь окрепла и возросла. Редкий дар! Поэтесса не только любит, но и сострадает, мучается, замечая оскудение любви в мире: «Человеки, всего на полвздоха // В вас осталось добра

и любви!» («Вечность в космос дыры латает…»). Она же сама и дает ответ на вопрос, почему так происходит:

…Не умеем прощать,
Потому что любить не умеем.
Не умеем любить,
Потому что глядимся в себя.
«Догорает закат…»

В кого же, во что вглядывается Валентина Поликанина? Вчитаемся в ее стихи и обнаружим, что их тематический диапазон широк: от лирических до гражданских, от пейзажных зарисовок до глубоких философских размышлений, от вопросов и сомнений до твердых убеждений, непоколебимой веры.

Спасибо, поколение отцов,
За то, что вы гасить умели драки,
Перенесли эпохи гордецов,
Болезни, голод, холод и бараки;
. . . .
За то, что, видя тысячи смертей,
Вы шли сквозь дым, пожары и ненастье.
И все ж дошли до праведных путей,
Жизнь горькую свою считая счастьем.
«Спасибо, поколение отцов…»

Русский историк и философ Иван Ильин писал: «Европа не знает нас, <…> потому, что ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека. Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением, и лишь потом волею и умом». «Славяно-русское созерцание мира» присуще и Валентине Поликаниной: «По-детски светло и отважно // На мир этот темный смотрю…» («О, детство, ты жизни опора…»). Поэтесса тоже ждет от людей «прежде всего доброты, совести и искренности»: «Человеку всего-то и надо — / Видеть свет в человеке другом!» («Не ушло: взрывы, танки, снаряды…»). Она «наслаждается свободой своего пространства»:

…Но есть у славянства единство —
во взоре:
Единство разлуки, печали и горя.
Войны, пятилеток, долгов, неустоек,
Разрушенных храмов, томительных
строек.
Дырявого сита, пустого корыта,
Чумных перестроек и шишек набитых.
Забытых историй «где тонко —
там рвется»
И дерзкой надежды: авось обойдется!
«Где царство стояло, теперь пепелище…»

Воспоминания детства, его свет и тепло, безотчетное счастье, волнующее чувство ностальгии… Они способны удесятерить наши силы, развеять печали, подарить радость. Валентина Поликанина не обходит тему щемящих детских воспоминаний:

О, детство, ты — жизни опора,
Хоть жизнь, как учитель, строга…
Далекими были просторы
И росными были луга!..
«О, детство, ты — жизни опора…»

Книга Валентины Поликаниной «Под небом нераздельным» неслучайно начинается стихотворением «Дом детства»:

Он — солнечный дом, а не сирый…
Здесь прошлым исхожен порог.
Здесь слаще всех сладостей мира —
С корицей воздушный пирог.
Здесь запах варенья и пенки,
Здесь дух состязания жив,
Здесь я больно сбила коленки,
Опасный прыжок совершив.
Здесь рифмы, заветные фразы,
Футбол, крик мальчишки: «Лови!»,
Здесь вслух расшифровано сразу
Молчание первой любви.
Здесь смерть и рождение редки,
И вечность — до Судного дня.
Здесь знают все наши секреты
Жильцы, домовая «родня».
Здесь ночью все смыслы уснули,
А утро — открытью сродни.
А в доме, похожем на улей,
Блаженство рассветной возни.

Таким вот сочным и точным словом определила поэтесса ощущение от детских воспоминаний — блаженство! Не к этому ли стремится наша душа? Стремление человека оглянуться назад, вспомнить детство может быть объяснено его стремлением вернуть потерянный Рай, ведь ребенок считается Ангелом, потому что ему присущи райская чистота, открытость, искренность, незлобивость, прощение, любовь. Вернуться в то ангельское состояние — все

равно что стяжать Дух Святой и получить Божественную благодать — благоДать. А жизнь в настоящем — это трудный и тернистый путь:

Век переменчивый злых информаций
Вкривь отражается в каждой судьбе.
Странно: упорствовать и ошибаться.
Страшно: не чувствовать совесть в себе.

Время разбоя в толпе оголтелой,
Золото пряча, считает гроши.
Больно: срывать свое грешное тело —
Словно бинты — с оголенной души…

«Век переменчивый злых информаций…»

Преодоление трудностей — это дорога каждого к Богу, это дорога вместе с Богом: «…Мир закручен на смертной пружине. // К вере, разум людской, обратись. // Только Бог направляет нас к Жизни, // Только Бог помогает спастись» («Приснившиеся стихи»).

Дороги Валентины Поликаниной протянулись по всей России и по Беларуси. Ее исполосованное шрамами сердце плачет и поет: «Я скучаю по России, // Белой-белой, синей-синей, // Словно храм, мне ставшей домом, // Словно небушко, бездонной…» (Из цикла «Стихи о России»). А в стихах из цикла «Моя Беларусь» встречаем такие искренние строки: «Здесь белый снег еще белее станет, // И сердце достучится до стихов. <…> Здесь гаснут страсти, утихают споры, // И вновь душа свет чистый узнает. // Земным крестом Успенского собора // Возвышено Отечество мое…». Болят шрамы, разрывающие сердце, но в душе поэтессы Святая Русь нераздельна, как нераздельны над ней и над всем миром Божьим небеса. Потому и названа книга В. Поликаниной «Под небом нераздельным».

…Звезда литвина, русича и ляха,
Сумевшая умы объединить, —
Сучи кудель, старательная пряха,
Крути-верти взъерошенную нить.

«Пряха-жизнь»

В сборнике много стихов о поэте и поэзии, о книге — о чем думается, о том и пишется. Творчество, без которого уже немыслима жизнь… Поэтому поэтесса не может не говорить о стихах — стихии души:

Стихи — не просто мастерство,
Кардиограмма настроенья,
Судьбы изменчивой теченье,
Дыханье жизни, естество.

. . . .

Они не просто словоряд,
В них боль; душа почти нагая…
Стихи, как стол, не мастерят.
Их — как цветы в букет — слагают.

«Стихи — не просто мастерство»

Лексикограф Анатолий Бесперстых называет В. Поликанину лучшей среди женщин-поэтов Беларуси, пишущих на русском языке, ведь ей присуще особое чутье на слово. «Оттого-то мне славно, оттого-то мне сладко, // Оттого-то мне ново и в мечтах забытье, // Что встречаю я слово, откровенное слово, // Драгоценное слово, золотое твое…» («Поэт»). Богатство языка поэтессы убедительно демонстрирует «Словарь эпитетов В. Поликаниной», составленный А. Бесперстых. Например, поэт у нее «мудро-мечтательный, к безразличью привыкший», «юность — подвиг скороспелый»; память — «сияюще непогрешима»; ум и совесть — «бедственно безгласны»; Бог — «дыхание жизни»; солнце — «рыжее — как выпеченный хлеб»; Россия — непродажная, непропащая, сострадательно-болезная, по-радонежски торная, по-саровски чудотворная, куполами позлащенная, покаянная, крещеная, неделимая, единая…. (и это только в одном стихотворении «Я скучаю по России…»); Родина — светлоосенняя, краснорябиновая, горькополынная...

Высокий нравственный настрой поэтессы подтверждают строки, звучащие как жизненный девиз:

И в страсти, творческом горении
Всех близких сердцу не предать.
И, как на вечность, на мгновение
К родной душе не опоздать.

«Пусть милость — не простое бремя, но…»

Надо отметить и афористическую насыщенность стихов В. Поликани-

ной, вот лишь навскидку: «прозреть не поздно никогда»; «никогда не поздно измениться, // Надо только очень захотеть»; «Родина, родители и вера // помогают в жизни не пропасть»; «Родина, родители и вера — // Вот твоя основа, человек»; «Поэзия, быть может, выше жизни, // Как воздух… Чтобы жизнь — дышать могла»; «Один есть долг у всех поэтов — // Добрейшим словом мир беречь».

Читая В. Поликанину, ощущая родное (именно родное!) тепло ее строк, я все искала подходящее сравнение к тем волнующим чувствам, которые переживала, и оно нашлось. Если вам, дорогой читатель, приходилось после долгой дороги, продрогшему и измученному, войти в жарко натопленную избу, прижаться к горячим кирпичам беленой русской печи, закрыв в благодати глаза, вдыхая запахи хлеба, молока, вареной картошки… — этого простого уюта, покоя, защищенности, счастья! — вы поймете, что чувствуешь, когда входишь в поэтический мир Валентины Поликаниной. Этот мир не только успокаивает, но и придает сил, а это — главное!

Пойду, осмелевшая, к людям:
Прозревшей душой говорить.
И сердце отважное будет —
Еще безысходней — любить.

«Я еду в последней маршрутке…»

У Валентины Поликаниной есть замечательное стихотворение «Колодец», оно глубоко по смыслу, как глубок и рукотворный источник живительной влаги, воды непростой — живой, как вечно живое Слово:

Добротен, устойчив и плотен, —
Забыв, что в летах и седой, —
Стоит у дороги колодец
С совсем необычной водой.
Колодцу всегда надо ведать,
Какие у солнца года,
Какие у неба победы,
Какая у века беда.
Он видит огрехи прогресса,
Людей познает без труда.
От этого вот интереса
Вода в нем — живая — всегда.

Наталья СОВЕТНАЯ

С точки зрения рецензента

Это издание могло бы стать уникальным

Флагман высшего образования нацией страны — Белорусский государственный университет — стоит на пороге своего 100-летия, которое будет отмечаться 30 октября 2021 года.

Так уж сложилась история БССР, что в 1920-е годы, несмотря на появление Белорусского государственного театра в 1920 году, Института белорусской культуры в 1922 году и Белорусской академии наук в 1929-м, именно БГУ был самым важным научным и культурным центром нашей республики.

Этим обстоятельством можно объяснить большой интерес широкой общественности нашей страны к выходу в свет в 2017 году в «Издательском центре Белорусского государственного университета» книги «Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919—1941)», написанного сотрудниками исторического факультета БГУ под редакцией тогдашнего ректора БГУ академика С. В. Абламейко. Она посвящена создателям системы высшего образования и науки Беларуси.

Названная книга открывает серию изданий «Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества», посвященных 100-летию этого ВУЗа.

Истории БГУ, его ректорам и профессорам посвящен ряд книг, изданных в XX и в начале XXI века. Чем же отличается от них рецензируемая книга?

Во-первых, тем, что исключительно важное значение науки и высшего образования в формировании национальной белорусской, особенно советской государственности белорусского народа, ее экономических, политических и культурных основ показано через биографии — жизнь и деятельность самых талантливых ученых, профессоров и доцентов Белорусского государственного университета периода 1919—1941 годов.

Во-вторых, главное внимание уделено 27 основателям Белорусского государственного университета. В связи с этим С. В. Абламейко во вступительной статье подчеркивает: «Открывает данную серию книга «Интеллектуаль-

ная элита Беларуси» — очерки о 27 основателях университета, которые заложили базу белорусской науки и высшего образования. Это гуманитарии и естествоиспытатели, экономисты и математики, историки и филологи, химики и физики, философы и географы. Каждый из них — основоположник научных и педагогических школ, талантливый ученый, оставивший прочный интеллектуальный фундамент для своих последователей и современного общества».

В-третьих, при подготовке очерков использованы оригинальные источники, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Беларусь, Национального исторического архива Беларуси, Центрального научного архива НАН Беларуси, архива Белорусского государственного университета, Национальной библиотеки Республики Беларусь, Фундаментальной библиотеки БГУ, Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа, Государственного литературно-мемориального музея Якуба Коласа, некоторые материалы Архива Российской академии наук и его Санкт-Петербургского филиала, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической теории.

В-четвертых, при использовании документов, созданных до 1 февраля 1918 года, применялся старый стиль. Документы, созданные после 1 февраля 1918 года, датировались по новому стилю (разумеется, при цитировании сохранялась датировка оригинала).

В-пятых, текст цитируемых белорусскоязычных (русскоязычных) документов передавался с сохранением орфографических и стилистических особенностей.

В-шестых, достоинством рецензируемого издания является то, что оно иллюстрировано многими малоизвестными и неизвестными широкому читателю фотографиями и факсимиле очень важных документов о жизни и творческой деятельности героев книги.

Научный редактор книги О. Яновский является автором пяти очерков о первом ректоре БГУ В. Пичете, профессорах Н. Андрееве, В. Щербакове, Б. Беркенгейме и Н. Кравченко, авторами двух очерков стали Э. Малиновская (о С. Вольфсоне и В. Ивановском), А. Максимчик (о С. Каценбогене и Г. Жукове), В. Макаревич (о М. Кроле и Я. Лёсике), О. Малюгин (о Н. Никольском и В. Перцеве), И. Грибко (о Н. Блиодухо и Я. Коласе), В. Кохнович (о Ц. Бурстине и Н. Прилежаеве), А. Назаренко (о М. Гредингере и А. Арцимовиче), О. Ершова (о Н. Дурново и С. Некрашевиче), М. Шумейко (о И. Замотине и М. Довнар-Запольском). Четверо ученых являюся авторами одного очерка. Это П. Бригадин (о В. Игнатовском), С. Захаркевич (о Ф. Туруке), Г. Петаченко (о Д. Жаринове) и С. Ходин (о А. Смоличе).

Особое место в книге занимает статья С. В. Абламейко «БГУ — основа белорусской науки и высшего образования». Ведь до сих пор историки образования спорят о том, когда на белорусских землях появилось первое высшее учебное заведение.

Заслуживают внимания те строки, в которых отмечается, что образованный в Вильно иезуитами коллегиум 7 июля 1578 года привилеем короля Стефана Батория был возведен в ранг академии с правами, равными правам Краковского университета. А 30 октября 1579 года Святой престол утвердил решение о создании Виленской иезуитской академии.

Прочитав этот материал С. В. Абламейко, читатели узнают, что уже на закате истории ВКЛ в 1781 году вместо иезуитской академии была создана Главная школа Великого Княжества Литовского. Значительной вехой в истории высшей школы на землях Беларуси следует считать недолгую деятельность (1775—1781) Гродненской медицинской академии (школы). Нельзя не согласиться с мнением С. В. Абламейко, что становление подлинного университета в Вильно пришлось на первую треть XIX века, начи-

ная с 1803 года. 1 мая 1832 года Виленский университет был закрыт, а на его основе создали медико-хирургическую академию и духовное училище.

Читателям будет интересно знать, что Горы-Горецкой земледельческой школе, открытой в 1836 году, был придан статус института с правами университета. Согласно уставу института, утвержденному 30 июня 1848 года императором России Николаем I, основной целью этого нового ВУЗа являлась подготовка высокообразованных агрономов.

Несмотря на многие достоинства рецензируемого издания, к сожалению, оно не лишено существенных недостатков.

Так, в нем подчеркивается, что это «научное издание».

И тогда я обращаюсь с таким вопросом: «Как можно книгу без единой ссылки считать «научным изданием»? Пусть наиболее важные ссылки будут даны в конце той или иной страницы, после каждого очерка или в конце книги. Не буду возражать, если они будут в самом тексте, но главное — чтобы они были. Такое обращение со ссылками в конце концов привело одного из авторов данной книги к прямым заимствованиям чужого материала.

Теперь о неточностях и ошибках.

Так, на стр. 4 С. В. Абламейко констатирует: «В тот период (речь идет о 1919—1922 годах. — *Э. И.*) БГУ был единственным ВУЗом в нашей стране».

Позвольте не согласиться. Так, крупнейший специалист по истории образования на территории Беларуси Е. Новик в своей монографии утверждает: «В начале 1921 г. на территории Белорусской ССР работал Минский институт народного образования, имевший в своем составе три отделения. Институт считался высшим учебным заведением. На его третьем отделении, готовившем учителей для средних учебных заведений, функционировали физико-математический, естественный и гуманитарный циклы. В институте обучалось около 500 студентов (Новик Е. К. Формирование кадров народного образования Белоруссии // Минск: Наука и техника, 1981. С. 36—37. Он ссылается на ЦГАОР БССР (теперь Национальный архив Республики Беларусь. — *Э. И.*). Ф. 221. Оп. 2. Л. 33, Л. 21—22).

Что касается БГУ, то его торжественное открытие состоялось 30 октября 1921 года. На стр.14 С. В. Абламейко утверждает: «Коллегия Наркомпроса Беларуси 8 июля 1921 г. назначила руководство БГУ — Правление, которое возглавил ректор, выдающийся историк Владимир Иванович Пичета… Вместе с ним в составе Правления повели дело организации университетского образования и науки В. Игнатовский, Ф. Турук. М. Фрумкина и др.».

Это не совсем точно. Обратимся к фондам Национального архива Республики Беларусь. В них хранится отчет ректора БГУ В. И. Пичеты о занятиях в университете. Там есть такие строки: «Временное правление университета было организовано 9 июля 1921 г. в составе: В. Пичета, Ф. Турук, нарком В. Игнатовский, З. Гринберг. С отъездом последнего за границу его место было занято М. Фрумкиной» (Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 6. Оп. 1. Д. 124. Л. 187—188).

Очерк О. Яновского «Владимир Иванович Пичета» начинается таким предложением: «Уроженец Полтавы, сын герцеговинца и украинки, выпускник Императорского Московского университета вошел в историю Беларуси как первый ректор первого национального университета» (с. 23). В действительности, В. Пичета был сыном герцеговинского серба и украинки. Точнее, его отец — Иован Пичета или Иоанн Христофорович был сербом, проживавшим в Герцеговине. Такую же неточность допустил в своей публикации заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова В. Карасев, который называл отца В. Пичеты герцеговинцем. В то же время он подчеркивал: «Йован Пичета родился 9 сентября

1844 г. в семье православных сербов из Мостара» (Карасев В. Г., И. Г. Пичета (1844—1920). // Славяне в эпоху феодализма. К 100-летию академика В. И. Пичеты. М., «Наука», 1978. С. 136).

К сожалению, автор очерка не отметил, что в 1940 году В. Пичета был восстановлен в звании академика АН БССР.

Интересным получился очерк О. Яновского «Борис Моисеевич Беркенгейм». Но он был бы еще интереснее, если бы читатель данной книги узнал, что Якуб Колас, который никогда никому не дарил рукописи своих произведений, подарил Б. Беркенгейму рукопись поэмы «Сымон-музыка», которая была опубликована в 1925 году. После смерти Бориса Моисеевича в 1959 году его московские родственники передали эту рукопись в музей Якуба Коласа. Известно, что этих двух великих людей связывали узы дружбы. Есть основания полагать, что поступок Я. Коласа (передачу данной рукописи на хранение другу) можно объяснить тем, что он боялся возможного обыска, а может, даже и ареста. К сожалению, скорее всего, это было неизвестно автору очерка.

Нельзя согласиться с выводом автора очерка «Соломон Захарович Каценбоген» А. Максимчика, что «во многом благодаря титанической работоспособности С. Каценбогена идея создания Белорусского государственного университета воплотилась в жизнь».

В то же время недостатком этого очерка является то, что А. Максимчик нигде не отметил, что с именем С. Каценбогена связано становление социологии как науки в БССР, не подчеркнул, что именно этот ученый был первым заведующим кафедрой социологии и первобытной культуры Белорусского государственного университета (Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Складальнік дацэнт А. Яноўскі. Мінск, БДУ, 2001. С. 123).

Нельзя не согласиться с мнением Э. Малиновской, что Семен Яковлевич Вольфсон по праву считается основоположником философской науки в Беларуси. Но в ее очерке отсутствуют сведения о том, что в ряде своих публикаций ученый обличал идеологию германского фашизма и расовые теориии, антисемитские течения в дореволюционной России.

В то же время в очерке допущена неточность. На стр. 55 Э. Малиновская утверждает, что он являлся секретарем Отделения общественных наук АН БССР. В действительности он был академиком-секретарем этого Отделения.

К сожалению, спустя 76 лет после смерти С. Вольфсона нам не известны обстоятельства последних дней его жизни. Э. Малиновская выдвигает две версии его гибели: «Жизнь академика Семена Яковлевича Вольфсона трагически оборвалась в первые дни Великой Отечественной войны на захваченной фашистами территории БССР. Обстоятельства его гибели не выяснены до сих пор: то ли профессор БГУ и белорусский академик при эвакуации попал под бомбовой налет на минском вокзале, то ли он погиб вместе с беженцами, колонна которых была расстреляна фашистами».

Не отвергая эти версии, автор этих строк выдвигает третью версию. По неофициальным данным, руководство третьего рейха в лице министра пропаганды Иозефа Геббельса и идеолога нацистской партии Альфреда Розенберга после публикации работ академика С. Вольфсона против германского фашизма включило его в секретный список «личных, заклятых врагов фюрера» и нацистские спецслужбы получили приказ после начала войны и захвата Минска немедленно найти и уничтожить этого человека как врага Германии и Гитлера.

Так уж получилось, что сложившиеся обстоятельства способствовали выполнению этого задания. В руки сотрудников немецких спецслужб буквально на дворе Дома правительства в первый день вступления войск вермахта в Минск — 28 июня 1941 года — попали почти все архивные

дела, касавшиеся государственного управления БССР, в том числе списки членов правительства и их семей, руководящих работников ЦК ЛКСМБ, важнейших государственных структур, в том числе и руководства АН БССР, вместе с домашними адресами и номерами домашних телефонов. Так нацисты вышли на след С. Вольфсона, который тут же был схвачен и расстрелян.

Теперь о возможной дате гибели С. Вольфсона. Не «в первые дни Великой Отечественной войны», как считает Э. Малиновская, а в первые десять дней Великой Отечественной войны.

В очерке В. Макаревича «Язеп Юрьевич Лёсик» нет ответа на вопрос, куда сослали это человека 10 апреля 1931 года. Речь идет о городе Камышин Саратовской области, что в 1935 году, когда Я. Лёсик переехал на Брянщину, ему было отказано в устройстве на работу. В действительности он преподавал в Маловышковской школе на станции Злынка. Я. Лёсик осенью 1937 года переехал в г. Аткарск Саратовской области, где работал в педтехникуме.

Следует также уточнить, что по приговору 1938 года Я. Лёсик был реабилитирован в 1958 году, а по приговору 1931 года — в 1988-м.

Теперь относительно очерков О. Малюгина «Николай Михайлович Никольский» и «Владимир Николаевич Перцев».

В 1967 году в Минске в издательстве «Наука и техника» вышла в свет книга авторитетного белорусского историка Марата Ботвинника «Н. Никольский» объемом в 152 страницы, а в 1976 году в том же издательстве опубликована его книга «В. Перцев» объемом также в 152 страницы, только большего формата. Удивительно, как можно пересказать эти две книги и ни разу не сделать ссылки на их автора!

К сожалению, О. Малюгиным не отмечено, что в «материалах» НКВД БССР Н. Никольский проходил «как участник контрреволюционной национал-фашистской организации», который будто бы заявлял: «В случае войны не желал бы оставаться на территории СССР» (Национальный архив Республики Беларусь (далее — НА РБ). Ф. 4. Оп. 21. Д. 1691. Л. 337—338).

И еще. В списке учеников В. Перцева О. Малюгин назвал белорусского ученого-историка, профессора Белорусского государственного педагогического университета Г. Космача. Это большая ошибка. Ведь академик В. Перцев умер в 1960 году, а Г. Космач учился на истфаке БГУ в 1971—1976 годах.

В то же время среди учеников В. Перцева не назван один из самых талантливых белорусских ученых-историков и историографов З. Копысский.

Два очерка: «Николай Федорович Блиодухо» и «Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич)» принадлежат перу И. Грибко. К сожалению, автор, видимо, не знакома с фондом 701 НА РБ, где в первой описи, в пятом деле, которое датируется «не раньше августа 1925 года» и в котором дан краткий информационный отчет об Институте белорусской культуры за время с февраля до августа 1925 года, есть такие строки: «Непасрэдна ж даследчую працу выконвала «Камісія па вывучэнню прыродных вытворчых сіл (КЕПС), якая раней існавала пры Дзяржплане БССР, а ў час рэфармавання Інбелкульта перададзена яму разам з адпушчанымі ёй хоць і нязначнымі сродкамі. Камісіяй гэтай выпраўленыя такія экспедыцыі: 1) геалагічная, якая ў складзе трох партый (праф. Бліадухо, Лунгэргаўзэна і Тэрлецкага) вядзе планавае даследаванне для ўлажэння 10-вёрстнай геалагічнай карты Беларусі. Паводле плану гэтага даследавання закончыцца праз 4 гады».

В деле № 17 первой описи того же 701-го фонда этого архива отмечается: «У часе летніх месяцаў (1926 года. — *Э. И.*) праведзена ўсебаковае планавае ўзорнае абследаванне Асіповіцкага раёна, прычым сабраны багаты матэрыял, праведзены салідныя геалагічныя экспедыцыі Калінінскай акругі (праф. Бліадухо)…»

Что касается очерка И. Грибко о Якубе Коласе, то автор этих строк обнаружил в ряде мест этого очерка прямые заимствования из его статьи «Владимир Пичета и Якуб Колас», опубликованной в четвертом номере журнала «Нёман» за 1973 год (с. 159—166) и других моих работ о Якубе Коласе. Если кто-то из читателей сомневается в этом, то он может проверить мое утверждение самостоятельно.

О. Ершова стала автором двух очерков: «Николай Николаевич Дурново» и «Степан Михайлович Некрашевич».

Во втором из этих очерков она подчеркивает: «Крестьянское происхождение С. Некрашевича, близость к народу, понимание его проблем и нужд в сочетании с достойным образованием способствовали размышлениям о политике, о перспективах белорусов в составе Российской империи».

Как говорится, все было бы хорошо, если бы это было правдой. В действительности Степан Михайлович Некрашевич по происхождению был шляхтичем. И это после долгих поисков доказал автор этих строк в статье «Першы старшыня Інбелкульту» («Спадчына», 1995. № 6. С. 54—78).

Один из самых авторитетных белорусских историков М. Шумейко написал для данной книги два очерка под названиями «Иван Иванович Замотин» и «Митрофан Викторович Довнар-Запольский».

К сожалению, он не дал информации о последних годах жизни И. Замотина. Читателям «Нёмана» будет интересно знать, что один из самых талантливых ученых-литературоведов не только БССР, но и всего СССР, член-корреспондент АН СССР, академик АН БССР профессор Иван Иванович Замотин был арестован 4 апреля 1938 года. Как записано в справке, которую представил 15 апреля 1939 года первому секретарю ЦК Компартии Беларуси П. Пономаренко народный комиссар внутренних дел БССР Л. Цанава, Замотин был арестован как участник контрреволюционной националистической организации, существовавшей в Академии наук БССР, куда был привлечен бывшим вице-президентом АН БССР Домбалем (осужден к высшей мере наказания. — *Э. И.*), по заданию которого занимался шпионской деятельностью в пользу польской разведки и в своих литературных «трудах» протаскивал контрреволюционную нацдемовскую линию.

5 августа 1939 года Особое совещание при НКВД СССР осудило академика на 8 лет лагерей. Замотин попал в Коми АССР, где работал в лагерной «инвалидной бригаде».

По официальным данным И. Замотин умер 25 мая 1942 года. Его реабилитировали 7 мая 1956 года.

М. Шумейко отмечает, что память ученого увековечена мемориальной доской, открытой в 1985 году на здании современного БГПУ им. М. Танка. Это сообщение можно назвать полуправдой, потому что на этой мемориальной доске многое перепутано.

В связи с этим приведем строки из очерка «Доска с черного хода. Штрихи к портрету академика Ивана Замотина», помещенного в книге Л. Рублевской и В. Скалабана «Время и бремя архивов и имен» (Мн., 2009): «Если подойти ко второму корпусу педуниверситета имени Максима Танка, что по проспекту Независимости,1, с той стороны, где высится бетонная стена моста, то у черного входа в здание, на самом его углу, можно видеть мемориальную доску, установленную лет двадцать назад. Она зажата между яркой вывеской «Беларусбанка» и жесткой таблицей, оповещающей о месте нахождения пожарного гидранта. Рядышком — место для курения, облюбованное студентами — будущими учителями, хоздвор с положенными атрибутами: ворота, железная сетка, мусорные контейнеры. На мемориальной доске — изображение интеллигентного задумчивого человека и надпись о том, что она установлена в память академика АН СССР (на самом деле — члена-корреспондента. — *Э. И.*) и члена-корреспондента АН БССР (на самом деле — академи-

ка. — *Э. И.*) литературоведа Ивана Ивановича Замотина».

Названные автором этих строк неточности и ошибки, не говоря уже о заимствованиях, допущенные в ряде очерков книги «Интеллектуальная элита Беларуси», несомненно, снижают научную ценность данного издания.

Несмотря на это, необходимо констатировать, что авторский коллектив создал интересную, нужную и полезную книгу, которая в ряде своих очерков воссоздает малоизвестные и неизвестные страницы не только истории Белорусского государственного университета, но и всей белорусской науки первой половины XX века.

Но все-таки по ряду причин, указанных в данной рецензии, мы не можем назвать это издание уникальным.

В материале «Интеллектуальная элита Беларуси» О. Яновский и М. Шумейко отмечают, что очерки написаны сотрудниками (профессорами, доцентами и преподавателями) исторического факультета. Это, с одной стороны, — хорошо, а с другой — не очень. Ведь конечный результат (речь идет о высоком качестве всех очерков) не достигнут. К написанию очерков привлечены авторы, которые до этого никогда не изучали данные им темы. Значит, к подготовке очерков должны были быть привлечены специалисты по этим темам, работающие в других ВУЗах Беларуси, а также научные сотрудники ряда институтов НАН Беларуси, которые исследуют данную тематику десятилетиями и даже большую часть жизни.

В заключение нельзя не согласиться со следующей мыслью бывшего ректора БГУ академика С. В. Абламейко: «Сегодня самоотверженная деятельность ученых БГУ по праву заслуживает огромного признания, ведь она способствует развитию научной мысли и мирового научного потенциала».

Эмануил ИОФФЕ

Жизнь в искусстве

«Я верю в то, что делаю»

Ростислав Кример о смысле жизни

Сегодня мой гость — основатель и художественный руководитель фестиваля Юрия Башмета, белорусский пианист и дирижер Ростислав Кример. Брестчанин, к 37 годам объездивший с гастролями больше 50 стран. Музыкант, выступающий на одной сцене с Максимом Венгеровым и Юрием Башметом. Личный друг многих выдающихся людей, благодаря которому Минск дважды посетил с концертами сам сэр Элтон Джон. Собеседник послов, президентов и принцесс.

— Ростислав, не так давно завершился XII Международный фестиваль Юрия Башмета. Довольны ли вы, как он прошел?

— Да, я очень доволен. Я считаю, в плане качества мы смогли превзойти самих себя. Что ни год мы ставим рекорды. Вы же помните, в прошлом году у нас не было ни одного проходного концерта. Все они были стопроцентно уникальными. В этом году мы смогли сделать еще больше, масштабнее, качественнее.

— Многие профессионалы высказывают мнение, что главное событие фестиваля — это авторский концерт Пендерецкого.

— Приезд великого мастера и моего большого друга в Минск с программой, где весь вечер звучит только его музыка, а Маэстро сам дирижирует, несомненно, событие, которое навсегда останется в истории культуры нашей страны. С исторической точки зрения, однозначно, это наиважнейший проект, которым я ставил акцент в программе этого года. С другой стороны, каждый концерт фестиваля, если на него посмотреть внимательно, одинаково главный и поистине уникальный.

— Почему же тогда они выбирают Минск?

— Наверное, потому что мы выдерживаем особую, дружескую нотку в общении с ними. Помните приезд Пендерецкого в 2013 году, когда исполнялось его «Credo»? Пендерецкий тогда приехал в качестве почетного гостя, дирижировал по моей просьбе одним небольшим произведением. И знаете, что интересно? Мне показали его ежедневник, в котором он собственной рукой зачеркнул чуть ли не «Лондон» и написал «Минск». Переоценить такой дружеский жест невозможно. Аналогично происходит и с большинством великих солистов, которые у нас выступают. Это дружба и желание посетить нашу страну.

Но вернемся к великим композиторам. Вы только представьте — за двенадцать лет фестиваля благодаря нашим усилиям впервые в истории Беларуси нас посетила целая плеяда легендарных композиторов — София Губайдулина, Гия Канчели, Кшиштоф Пендерецкий, Валентин Сильвестров. О таких композиторах крупные фестивали — в том числе Зальцбургский и Верьбье — могут только мечтать! Причем все они пожилые люди, от 80-ти и старше. И эти живые классики благодаря нам побывали на белорусской земле, лично участвовали в репетициях и присутствовали в зале при исполнении своих сочинений. Это как если бы к нам в гости сегодня приехали Шостакович, Прокофьев, Чайковский... Пендерецкий, к примеру, дружил еще с

Сальвадором Дали. Вдумайтесь — это целая эпоха!

Мы исполняли наиболее значительные произведения этих авторов, ставшие уже классикой во всем мире, а для Беларуси это были премьеры. Говорю это не для того, чтобы подчеркнуть свои заслуги, а чтобы вы поняли, насколько сильно прервалась связь между Беларусью и другими странами в плане современной музыки, какой у нас царил застой и как мало прилагалось усилий в этом направлении.

Но при этом мы ни на миг не забываем про белорусскую музыку. Каждый год мы заказываем белорусским композиторам крупные симфонические произведения и исполняем их на большой сцене. Это тоже была моя идея, и я рад, что она была поддержана и уже превратилась в добрую традицию. С одной стороны, это дает возможность белорусскому композитору быть услышанным, а с другой — пополняет сокровищницу белорусского искусства новыми произведениями.

И в этой связи проект «4 измерения искусства Беларуси» и по уникальности, и качеству не уступил самым громким фестивальным событиям этого года. Я горжусь тем, что мы смогли придумать такой проект, который объединил лучших композиторов, художников, поэтов, актеров, музыкантов нашей страны, и создали чисто белорусский день такого качества на фестивале.

— В этом году впервые приехали Герингас, и Володин, и Ксения Сидорова…

— С Алексеем Володиным мы тоже дружим. И я захотел представить его нашей публике хотя бы потому, что на тот момент у нас его никто не знал, а в мире он достаточно известный пианист.

Ксения Сидорова как раз сегодня получила престижную премию ECHO-Classic в номинации «лучший инструменталист» за свой диск, изданный фирмой Deutsche Grammphon. А кто знал ее у нас до того, как она с фурором выступила в одном из наших фестивальных концертов?

Давид Герингас — известный во всем мире мэтр виолончели, лауреат конкурса Чайковского и многолетний

Ростислав Кример

член его жюри, профессор нескольких консерваторий, в том числе Московской и Петербургской, — впервые выступил на белорусской сцене именно на нашем фестивале.

Считаю, благодаря знакомству с такими блистательными артистами культурная жизнь Беларуси стала ярче и богаче. Те, кто побывал на концертах и услышал их игру, в следующий раз уже будут точно знать, что их концерты пропускать нельзя, и расскажут об этом своим знакомым.

— Конечно же, публика вначале воспринимает незнакомых артистов немного настороженно, зато потом…

— Так бывает почти со всеми, кого мы в первый раз приглашаем. Так было с Луганским, Рахлиным, Крыловым… Сегодня в это сложно поверить — настолько эти музыканты популярны и любимы минчанами. И все потому, что, один раз услышав, их не забывают уже никогда.

И здесь я хотел бы от всего сердца поблагодарить наших дорогих слушателей. Спасибо за безоговорочное доверие к нам, к фестивалю и ко мне лично! За ваше понимание того, что не важно, какое имя, знаете ли вы его или нет,

Четыре измерения современного искусства.

но мы гарантируем, как Карнеги-Холл, своим именем, знаком качества если хотите, что на фестивале выступают только лучшие из лучших в мире, и это уникальные концерты, которые стоит послушать. Спасибо, что вы покупаете билеты на неизвестные вам, но действительно стоящие того имена. Мы обещаем, что и дальше будем столь же усердно работать, чтобы представлять вам только самое лучшее!

— Когда незнакомые имена становятся знакомыми — это и есть музыкальное просвещение!

— В этом и суть! Фестиваль тем и отличается от коммерческого мероприятия, что мы стремимся просветить белорусскую публику, открыть для нее что-то новое и в то же время хорошо известное во всем мире. Вы же прекрасно понимаете, что можно приглашать брендовых музыкантов и делать на этом деньги. А можно пойти другим путем — заведомо потерять в финансовом плане, но обеспечить высочайшее качество и подарить людям события, которые войдут в историю культуры.

Именно таким путем мы идем уже двенадцать лет. К примеру, в этом году, можно было провести открытие фестиваля с участием оркестра «Новая Россия» и Маэстро Башмета во Дворце Республики. Но это было бы совершенно другое качество — с подзвучкой, микрофонами. Многим организаторам было бы все равно, главное — продать в четыре раза больше билетов. А мы решили — нет! Симфония Чайковского должна звучать в филармоническом зале с хорошей акустикой.

— Но как же тогда вам удается сводить концы с концами, да еще бесплатно впускать в зал педагогов и студентов Академии музыки? За что, кстати, они вам очень благодарны.

— Нас поддерживают Министерство культуры, Минский городской исполнительный комитет, компании МТС, БелАвиа, «Керамин», Белэксимгарант, посольства Германии, Польши, Италии, Израиля, частный меценат Юрий Зиссер. Важнейший для нас информационный партнер — издательство «Беларусь сегодня». Давайте скажем им всем спасибо за поддержку, поскольку без них фестиваль не мог бы состояться в таком масштабе и стать знаковым событием для белорусской культуры.

Слава Богу, у фестиваля становится все больше обеспеченных зрителей, которые за двенадцать лет поняли важ-

ность классической музыки. Благодаря тому, что они готовы платить за билет на хороший концерт столько же, сколько платит зритель на Западе, те, кто не имеют такой возможности, приходят бесплатно. Это тоже, если хотите, наша миссия. Студенты получают невероятную возможность услышать Рахлина, Венгерова, Башмета, Пендерецкого. А послушав, они понимают, к чему нужно стремиться. Для них это жизненно необходимо.

— Говорят, ректор консерватории Екатерина Дулова написала вам трогательное благодарственное письмо…

— Да, это правда и действительно очень приятно. Со своей стороны, я искренне благодарен Екатерине Николаевне, а в ее лице — всем педагогам и студентам Академии музыки за эти теплые слова. Когда ты долго и напряженно трудишься, то особо не ждешь и не думаешь о благодарности. Чаще бывает наоборот. Потому каждый раз, когда звучат эти действительно важные слова, они трогают до глубины души и дают силы двигаться дальше. Обещаю, пока у нас будут возможности, мы будем продолжать многолетнюю традицию благотворительных мастер-классов, встреч всемирно известных артистов со студентами, а также приглашения педагогов и студентов на наши концерты.

— Я не спрашиваю вас о планах на следующий фестиваль…

— Они, конечно, есть, но мы традиционно держим их в секрете! Мы, как всегда, надеемся, что следующий фестиваль будет лучше предыдущего. И для этого есть все возможности. Но результат во многом зависит от спонсоров, от партнеров, от которых зависит бюджет следующего года.

Хотелось бы, конечно, чтобы в большие компании вернулось осознание социальной ответственности перед страной. Чтобы наши дети не болтались на улице, а приобщались к высокой культуре, росли духовно и интеллектуально. Говоря без ложной скромности, все, что делает фестиваль Башмета, — это некие эталонные зарубки, на которые весь год ориентируются другие. Потому что за эти двенадцать лет мы много чего делали первыми и каждый год делаем что-то такое, чего еще никогда не было в нашей стране. А потом уже остальные нас копируют. Если провести исследование, этот факт ясно и четко подтвердится!

— Вам не обидно?

— Ни капли! Плохое не будут копировать, копируют только самое лучшее. Пытаются в меру возможностей достигнуть тех же самых высот. Поэтому пусть копируют, пусть подражают — это только способствует росту! А мы на следующий год еще что-нибудь придумаем.

— Во время этого фестиваля сменился министр. Вы почувствовали это на себе?

— Хорошо, что приходят новые активные люди. Когда каждые четыре-пять лет меняется министр, в этом нет ничего сверхъестественного, это нормальная ротация. Я благодарен за сотрудничество Министерству культуры и очень надеюсь, что в будущем это сотрудничество станет еще более масштабным и плодотворным. Министр культуры Юрий Павлович Бондарь посетил закрытие фестиваля. Мы провели встречу по итогам фестиваля, нас заверили в дальнейшей поддержке, и мы наметили планы на будущее. Так что я благодарен и искренне надеюсь, что будет еще лучше, чем было.

— Фестиваль становится все более и более классическим…

— Это не совсем так. Не хочу лукавить и делать вид, что мы отошли от рока в сторону чистой классики. Никуда мы не отходили! Мы за талантливые вещи, в каком бы жанре они ни создавались!

Что касается именно рока, то скажу откровенно, сложно повторить то, что я придумал и шесть лет назад предложил Славе Вакарчуку и «Океану Ельзи». Это и для них тогда оказался уникальный опыт, и после выступления у нас на фестивале их популярность в Беларуси взлетела до небес. Переаншлаг во Дворце спорта был такой, что со следующего года они стали выступать только на «Минск-Арене». Мы это не записываем себе в заслугу, но мне кажется, что это не просто совпадение.

Почему я приглашал «Океан Ельзи», Жана-Люка Понти, Игоря Бутмана, группу «Браво»? Не только потому, что это талантливые артисты, но еще и потому, что никто из них не играет и не поет под фонограмму. А сегодня в русской поп-музыке есть не только «мегазвезды», поющие под фонограмму, но и композиторы-пианисты, которые под фонограмму на концертах играют на рояле. Нет, вы представляете — махать руками и не касаться клавиш? Это просто за гранью моего понимания! А как только в этой сфере появятся талантливые люди, мы обязательно их позовем. И пусть это будет рок, классика, рэп — абсолютно не важно. Когда собираются несколько талантливых музыкантов — это всегда талантливый и интересный продукт.

— А кроссоверы?

— Мы не отходим от этой идеи, она всегда у нас присутствует. В этом году у нас были «Четыре измерения искусства Беларуси» — точно такой же кроссовер, в котором мы объединили на первый взгляд несоединимое. Мы и раньше пытались объединять музыку и поэзию, музыку и живопись. Вы же помните замечательный проект с Хабенским, когда он читал «Облако в штанах» Маяковского, а «Солисты Москвы» играли Шостаковича? Это было феноменально! Никто до нас такого не делал!

Теперь мы собрали все эти вещи воедино. И XII фестиваль получился таким супер-классическим именно из-за «четырех измерений». Но это вовсе не означает, что дальше всегда так и будет. Абсолютно нет! Мы открыты для всего нового, для экспериментов, для кроссоверов, потому что это уникальный опыт и омолаживание публики.

— Вы утверждаете, что публика за эти двенадцать лет основательно омолодилась…

— Да! Если в первые годы средний возраст публики был за 60, то сейчас 35—45.

— А как вы это подсчитываете?

— Мы проводим соцопросы и по билетам видим, кто их покупает. Вы можете посмотреть любую фотографию зала и увидите, что там не старички со старушками сидят, как это сейчас происходит в Европе. У нас это уважаемая публика, состоявшиеся бизнесмены, просто интеллигентные люди, которым интересно высокое классическое искусство. Такой результат дался нам непросто, это десять лет напряженного труда!

И кроссоверы сыграли тут не последнюю роль. Допустим, кто-то из пятитысячной аудитории впервые услышал симфонический оркестр. Ста человекам после этого захотелось сходить в филармонию, а пять из них стали постоянными слушателями. Это уже достижение! Мы сражаемся за каждого человека. Это как в религии, только там сражаются за каждую спасенную душу, а мы — за каждого человека, которого мы привлекаем к классической музыке. И многие сохраняют верность ей навсегда. У некоторых наших слушателей уже огромные, многотысячные коллекции дисков. Это очень важно!

Поэтому хочется пожелать, чтобы крупные компании в нашей стране обрели понимание, что культуру — я даже не говорю сейчас о фестивале Башмета — надо поддерживать. Без меценатства культура невозможна. Она не может существовать только за счет государственных средств. Такого нет ни в одной стране. Всегда есть люди, которые поддерживают высокое искусство.

В Великобритании каждая уважающая себя семья поддерживает спорт и культуру. И об этом жены друг другу рассказывают, делятся впечатлениями. Кто-то финансирует оркестр, кто-то — струнное трио, кто-то платит стипендии студентам Академии музыки… Множество иностранных студентов учатся в лучших учебных заведениях Англии за счет приватных спонсоров, которые платят за их образование.

При поступлении в Королевскую Академию музыки в Лондоне я набрал 98 или 99 баллов из 100, и в результате мне присудили стипендию Ассоциации Королевских академий музыки. Она присуждается единственному студенту со всего потока.

Остальным студентам из небогатых семей помогали частные спонсоры. Иначе они бы просто не смогли заплатить за обучение. У меня, например, ни копейки не было в кармане, а обучение стоило, по-моему, 15 тысяч фунтов стерлингов в год. По тогдашним деньгам — 30 тысяч долларов. Откуда?

Это нормальная человеческая система! Но для этого должна быть нормальная система ценностей, которые формируются десятилетиями. Ведь ценности — это не количество бумажек в кармане. Откуда слово «богатый» произошло? БОГ-атый. Бог в душе!

— Пару лет назад вы подарили РНПЦ детской онкологии, гематологии и иммунологии какой-то невероятный наркозный аппарат…

— Это был проект в рамках фестиваля, но в нем участвовало много небезразличных людей. Я очень благодарен Главе государства, который по моей просьбе безвозмездно дал для этого вечера великолепную площадку для этой благотворительной акции — Дипсервисхолл. В этот вечер с нами было много небезразличных представителей бизнеса. Мы дали благотворительный концерт с моим оркестром East-West Chamber Orchestra и Костей Хабенским, и по итогу была собрана рекордная сумма, которая напрямую в онлайн-режиме благодаря работникам Беларусбанка поступала сразу на благотворительный счет в детский РНПЦ.

Все это позволило самому РНПЦ закупить наркозный аппарат по последнему слову техники, с антибактериальными фильтрами для младенцев, чтобы у них после наркоза не было пневмонии! Собранных денег тогда хватило еще на аппарат искусственной вентиляции легких и на расходные материалы. Мы участвуем в благотворительных мероприятиях каждый год, хоть и не рекламируем по понятным причинам эту активность. В этом году мы с моим оркестром также выступили на благотворительном ужине ЮНИСЕФ, на котором было собрано более 40 тысяч долларов для больных белорусских детей. Мероприятие проходило одновременно с творческим вечером Пендерецкого. Я отыграл сложнейший фортепианный концерт в большом зале (кстати, без гонорара, это был мой дополнительный посильный вклад, чтобы этот исторический проект в нашей стране состоялся), и на выходе меня уже ждала машина, на которой я умчался дирижировать.

С Кшиштофом Пендерецким.

Мы сами нуждаемся в спонсорах и не можем существовать без их поддержки. И это тем более обязывает нас к благотворительным проектам. Только взявшись за руки можно сделать мир лучше. Если нам делают добро, мы тоже хотим его кому-то сделать. Такая вот цепочка добра. Так что, наши партнеры, убежден, знают и могут быть уверены, что каждая копейка, вложенная в фестиваль, дает максимальный и самый добрый эффект.

— Вашему сыну в дни фестиваля исполнился год. Он уже слушает музыку?

— Конечно! С большим удовольствием! И колоссально играет на рояле. Нажмет несколько клавиш, отпустит руки и слушает, какая гармония у него получилась. При этом я обязательно должен нажать педаль, чтобы звук долго не угасал. Если педаль не нажата, он нервничает.

— Ваш отец — замечательный пианист и фортепианный педагог. Мама — преподаватель музыкаль-

Ростислав Кример и Кшиштоф Пендерецкий.

но-теоретических дисциплин, композиции. Вы хотите, чтобы ваш сын тоже стал музыкантом?

— Я хочу, чтобы он стал счастливым человеком. Музыка — это то, чему я мог бы его научить. Но если это ему не близко, значит, будет заниматься чем-то другим. Музыка — это ведь тяжелый труд, требующий полной самоотдачи…

— Вы замечательный пианист. Много ли вы сейчас выступаете? Каковы ваши ближайшие гастрольные планы?

— После фестиваля мне нужно немножко перевести дух. А в ноябре меня ждет Израиль, премьера специально написанного произведения Бенджамина Юсупова «KfarSabaCerto» плюс 23-й концерт Моцарта.

— А из событий уже прошедших?

— К моей радости, в последний год мы очень много играли с моим другом, замечательным музыкантом Сергеем Крыловым. В частности, на V Международном фестивале современной музыки им. Т. Хренникова. В марте я выступал на престижном фестивале «Эмилия-Романия» в итальянском городе Имола.

Очень запоминающимся был концерт на острове Гран-Канария, на вилле, в которой когда-то жил Леонард Бернстайн. Там он написал все свои последние сочинения. На этой вилле есть терраса и дворик с замечательной акустикой, где Бернстайн устраивал концерты. Сейчас это делает немецкий дирижер Юстус Франц, который дружил с Бернстайном. Он, кстати, несколько лет назад выступал на нашем фестивале, это был его первый приезд в Минск. Он проводит фестиваль на открытом воздухе, куда съезжаются фешенебельная публика и лучшие музыканты мира.

— Вы играли соло?

— Да, «Времена года» Чайковского. Весь цикл целиком. Это произведение совершенно гениально звучит на природе. Представляете — Канарские острова, февраль, ночь, восхитительные цветочные ароматы, пение птиц… Так рождается удивительно тонкая связь между природой и музыкой.

— Канары — это хорошо, но дом-то у вас в Беларуси…

— У меня нет здесь ни домов, ни квартир в физическом смысле, я живу в разных странах, хотя стараюсь проводить в Беларуси все больше времени. Беларусь — это моя родина. Здесь я родился, я гражданин своей страны, вне зависимости от моего местоположения в данный момент времени.

— Вы родились в Бресте, учились в Минске… Какой белорусский город для вас роднее?

— Я с детства живу в разных городах и странах и не ощущаю разницы — будь то Минск, Брест, Гродно или Могилев. Чувствую принадлежность к стране, а не к городу. Испытываю гордость, когда на фестивалях вывешивают белорусский флаг..

— Нет ли у вас желания пропагандировать белорусских исполнителей на Западе?

— Желание есть, но это не так просто, как кажется. Помимо фестиваля, у меня есть замечательный оркестровый коллектив — East-West Chamber Orchestra. Проект уникальный и по качеству, и по содержанию. Идея в том, что Беларусь находится в самом центре между Восточной и Западной Европой и занимает сейчас очень важную позицию в различных переговорных процессах. И эта отправная точка, которая как раз подходит для того, чтобы на этой базе создавать новый мощный культурный проект.

Наш оркестр интернациональный. Это получилось естественным образом. Мы старались собрать у себя лучших музыкантов, а это значит — музыкантов из разных стран. У нас присутствуют и Украина, и Россия, и Молдова, и Германия, и различные европейские страны… В этом году подключились Израиль и США. Лучшие представители Беларуси там тоже есть, и я считаю, это тоже пропаганда.

— Кроме фестиваля есть ли у оркестра какие-то планы на будущее?

— На следующий сезон мы запланировали несколько гастрольных туров. Уверен, все пройдет успешно. Но это очень непростое дело. Вообще, что-то новое делать сложно. И фестиваль было тоже непросто начинать.

— Состав оркестра будет постоянным?

— И да, и нет. Есть костяк, и он все время пополняется. Я не намерен жестко привязываться к каким-то определенным людям. У нас колоссальный выбор, лучшие музыканты мира готовы участвовать в этом проекте. Для меня важнее всего качество. Важно, что у нас играют лауреаты конкурса Чайковского, Венявского, Паганини, концертмейстеры лучших оркестров. Многие из них играют на инструментах Страдивари и Гварнери.

— Это ведь еще и дипломатический проект?

— Я считаю, что нет лучшей дипломатии, чем культура. Культура — это всегда объединяющее звено. Ничто другое не способно так объединить людей и усадить их за дружеский стол. Когда музыканты собираются на сцене, это как храм. Именно поэтому мы и пропагандируем себя как Orchestra for peace — «Оркестр за мир во всем мире». Это не проект для зарабатывания денег, его цель — донести до людей некое послание.

— Вы собираетесь играть белорусскую музыку тоже?

— Да, без всякого сомнения. Мы давно думаем Абелиовича сыграть. Потрясающий композитор, которого незаслуженно мало исполняют. Мой отец еще при его жизни записал его замечательную фортепианную сонату.

— Ростислав, вы человек, у которого удивительным образом все получается. В чем ваш секрет?

— Никакого секрета здесь нет! Я верю в то, что делаю. Считаю, любой человек должен что-то после себя оставить, привнести в жизнь что-то новое. Кто-то изобретает, кто-то совершает открытия в науке… Чтобы стать настоящим человеком, нужно совершить в этой жизни кое-какие важные шаги, за которые сам себя будешь уважать. Не думать все время только о том, чем будешь кормиться физически, но также думать и о духовном кормлении. Потому что человеческая жизнь — это крохотный временной отрезок в сравнении с Мирозданием и Вечностью. И нужно попытаться в эту долю мгновения сделать что-то особенное, чтобы жизнь была прожита не зря. В этом и есть смысл жизни.

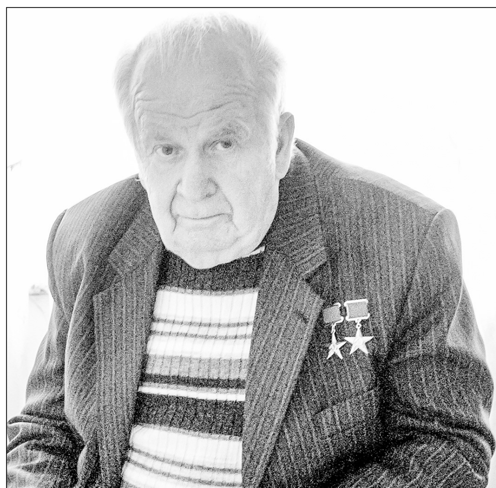
Юлия АНДРЕЕВА

Фото Евгения ЕВТЮХОВА.

Память

«Все страницы жизни мы пишем набело…»

Об уходе в мир иной дважды Героя Социалистического Труда, заслуженного деятеля культуры Беларуси, знаменитого председателя колхоза «Советская Белоруссия» Владимира Леонтьевича Бедули я узнала позднее случившегося (меня в тот момент попросту не было в Минске). Новость эта была шокирующей, хотя я и догадывалась о его болезни. Владимир Леонтьевич, ушедший от нас в возрасте 90 лет, всего на полгода пережил моего отца. Он и был мне по-отечески дорог (мы с мужем имели счастье знать его и дружить с ним). И в моей творческой судьбе он принял самое активное участие: третья книга «Свет неизбывный» вышла в 2003 году только потому, что он нашел Валерия Кабанова, который проспонсировал ее издание. Да и кому он только не помогал! Сотни людей благодарны ему за содействие в их судьбе… В 2002 году, работая в редакции журнала «Беларусь», я подробно писала о Бедуле и его колхозе. Многое с тех пор осталось в памяти и на бумаге. Хочется, чтобы драгоценные мысли Владимира Леонтьевича пригодились людям, ведь многое из того, что он тогда говорил, актуально и по сей день… Душа человека остается жить. Невидимо прикоснемся к ней, такой щедрой и по-сократовски мудрой.



Владимир Бедуля

Впервые я увидела этого легендарного человека в 1999 году, когда вместе с делегацией Белорусского союза женщин, возглавляемого в ту пору Надеждой Андреевной Ермаковой, приехала в его колхоз. Он провел нас по улицам центрального поселка Рясна, мы увидели современные (вполне «городские») детский сад, торговый центр, ресторан, музыкальную школу, Дом культуры (в котором в честь нашего пребывания был дан концерт). Он показал нам строительство церкви по «чудо-проекту», которому более 200 лет, и единственный в республике Музей хлеба. Рассказал о созданном у них (первом в Беларуси!) Центре трансплантации эмбрионов крупного рогатого скота, о построенном в колхозе колбасном цехе, оснащенном оборудованием с компьютерной техникой.

С восторгом поведал Владимир Леонтьевич и о первом на селе (тогда еще в Советском Союзе) фестивале «Песня-87», где участвовали более ста исполнителей. Устроил нам встречу с лучшими работниками колхоза, а потом, когда мы побывали в Беловежской пуще и увидели Вискули, он приехал на наше заключительное мероприятие (оно проходило на огромной зеленой поляне).

Я наблюдала его радушие, его поспешность, с которой он стремился показать как можно больше. Заметила

и немного шаркающую походку в чуть великоватых, отстающих при ходьбе туфлях, — походку человека, которого больше заботят дела, чем он сам и его внешность. Запомнились его цепкий ум, начитанность. Поразила быстрота, с которой он отвечал на задаваемые ему вопросы, и его память (он называл цифры, которые, на мой взгляд, невозможно запомнить), и его неповторимый говорок на «о», и особый бедулинский юмор.

Позже, уже в Минске, я услышала о нем такую быль. Российская поэтесса Екатерина Шевелева, пережившая войну, очень любила Беларусь. Она была хорошо знакома с семьей Петра Мироновича Машерова и много раз приезжала в Минск. Однажды Машеров спросил у Шевелевой, знает ли она Бедулю, и после ответа «нет» сделал не требующее комментариев заключение: «Значит, ты не знаешь Беларуси!..»

Не сразу доверили ему место председателя. Сомневались: слишком молод, всего 27 лет! Тогдашний секретарь Каменецкого райкома партии сказал: «Председатели нам нужны. Мы сделали заявку на восемь человек. Председателей нет. Но и Бедуля — не председатель»… Но все же остановились на его кандидатуре, направили в колхоз прямо с должности второго секретаря Брестского горкома комсомола. «Испытывали» полгода, а потом избрали председателем. Он навсегда запомнил ту заснеженную дорогу, по которой лошадка везла его на санях из колхоза имени Молотова к началу отчетно-выборного собрания… Избрание на должность прошло гладко: все «за» при одном «против».

«Наверное, людям здесь довелось хлебнуть горя, — вспоминал Владимир Леонтьевич. — Колхоз «Советская Белоруссия» в то время был самым отстающим хозяйством Высоковского района. Обстановка тут оставалась достаточно сложной: голодная зимовка скота, воровство. Показатели были настолько низкими, что по итогам года некоторые работники еще оставались колхозу должны. О состоянии трудовой дисциплины и говорить нечего… Из специалистов в колхозе был один агроном и один зоотехник, потом и они по семейным обстоятельствам уволились и уехали. И тогда я решил сам вникнуть в их работу, изучить поля, понять характер каждой коровы, познать все в деталях, чтобы не быть дилетантом и верхоглядом. Для меня существовало твердое правило: **без правильной оценки — не может быть правильных действий.** Первые ночи почти не спал: голова работала на постановку и решение первостепенных задач. Начал с того, что проанализировал, глубоко изучил ситуацию, стараясь не ревизовать то, что было до меня, не обвинять никого за то, что он, может быть, доселе натворил. Схема была такая: подводим черту под тем, что было, — и начинаем новый отсчет».

«Председатель колхоза, как и военный летчик, должен всю жизнь учиться, — рассуждал Бедуля. — Чем только не приходилось заниматься! Я трудился — и всегда чему-то учился. Свою работу считаю специфической, сверхответственной, ведь председатель колхоза — это идеолог, воспитатель и хозяйственник в одном лице. Он же — законодательная и исполнительная власть… **Учеба нужна, чтобы душа не «ржавела»**. Один из источников информации — встречи с интересными людьми. В моем понимании «интересный» — это не только тот, кто признан, известен. Бывает и рядовой, незаметный человек кладезем знаний, оригинальных мыслей. Поэтому я всегда учитываю мнения других, никогда этим не пренебрегаю. **Надо уметь слушать людей — и слышать их**... Неисчерпаемый источник информации — книги. Я читаю всюду: в машине, вагоне, самолете… Сплю мало. В полчетвертого ночи просыпаюсь, как будто по часам, и до шести читаю, думаю: как поступить наилучшим образом… А по утрам умудряюсь делать одновременно четыре дела: завтракаю, слушаю радио, просматриваю газеты и разговариваю с женой… Когда остаюсь один, размышляю, анализирую, записываю кое-что из прочитанного».

В ряду любимейших книг Владимира Леонтьевича были произведения Василя Быкова «Обелиск» и «Дожить до рассвета». «В книгах Быкова, — пояснял он, — показано, как душа

Андрей Вознесенский у Бедули.

человеческая проходит через небольшой период жизни и истории. Ситуации «дожить до рассвета» бывают и сейчас: там, где льется кровь».

На мой вопрос, какое из правил можно считать самым главным в его жизни, ответил: «Главных — много. И одно из них: **превращать земное в возвышенное.** Без этого я погибну, если каждый день мои мозги не будут работать в этом направлении. И если я за день что-то важное узнаю, значит, день прожит не зря».

В разговоре с этим необыкновенным человеком часто слышалось слово «чудо»: чудо-работа, чудо-книга, чудоземля… Он не переставал восхищаться прекрасным, духовным в жизни. Сама жизнь со всеми ее проявлениями для него была чудом. И любую жизненную ситуацию он рассматривал как урок.

«Сорок шесть лет назад я загрузил себя чудо-работой и до сих пор не могу нарадоваться! — говорил он. — Каждый день у меня поет душа: иду на работу, как на праздник, какими бы противоречивыми и сложными денечки ни были. **Главное — не оставаться равнодушным**, ценить дружбу с хорошими людьми, понимать, что совершенству нет предела; уметь радоваться тому, что есть; неформально воспринимать окружающее. Не понимаю тех молодых, которые говорят: «Идем на работу, как на каторгу». Ведь когда выбираешь профессию, ты как будто «венчаешься» с ней. Десять лет я не использовал право на отпуск. **Лучший отдых — смена работы.** Мой трудовой день заканчивается в 22 часа. И только 8 января, в день рождения жены, прихожу домой раньше… Если начать философствовать, то получается, что есть только четыре важных события: первое — это рождение человека, второе — смерть человека, третье — любовь и создание семьи ради продолжения рода человеческого, четвертое — работа по душе».

«Когда был в Америке, я задал одному фермеру вопрос: «Скажите, какая у вас главная задача, что больше всего волнует?» Он ответил: *«***Главное — пока жив, ликвидировать долги, чтобы дети и внуки не проклинали***»*. Я на всю жизнь запомнил это правило. И сам стараюсь так жить».

Как будто специально для Владимира Бедули были написаны слова песни: «Прежде думай о Родине, а потом о себе...». Он так и рассуждал: «Не помню случая, чтобы председатель колхоза, ставящий личные интересы выше общественных, сумел многого добиться. Нет, я не против удобств в личной жизни. Но нельзя это ставить во главу угла, когда, например, в селе нет клуба, бани, детского сада, торгового центра, библиотеки, когда у людей мизерная зарплата — и та выдается нерегулярно. Теперь же некоторые молодые председатели свой путь начинают с персонального автомобиля, шикарного дома (а то и двух) и других благ. У меня так не было. Я продолжаю трудиться, пока люди мне доверяют, и действую по правилу: **как можно больше нагрузки и ответственности — брать на себя.** Считаю, что мы должники перед старшим поколением, а перед младшим — в ответе. Да и бед столько, что некогда отдыхать. Мы вступили в дикий рынок. Он вторгся в нашу жизнь без объявления правил игры. И в этих условиях мы должны не оборачиваться простынями и бежать на кладбище, а научиться выживать и побеждать… Кроме того, я всегда руководствуюсь еще одним правилом: **руководить — это значит предвидеть».**

За каждым словом Владимира Леонтьевича стояли убеждения человека «той» эпохи и вера в справедливость «тех» добрых советских идеалов, которые, возможно, кому-то в XXI веке могут показаться «замшелыми», несовременными. Но это были его убеждения и его вера. Иначе он не был бы Бедулей… Для него поле, где проводились важнейшие сельскохозяйственные «маневры» (сев, жатва, уборка), всегда были «полем битвы за урожай» (как бы кто ни иронизировал по поводу устарелости этого лозунга). Он знал, что на таком поле дорого обходятся ошибки и промахи, что **«по главным направлениям все вопросы надо решать без права на ошибку».**

Приведу любопытный факт. На колхозном клубе много лет висел характерный для эпохи бедулинского правления плакат с надписью-призывом: **«Защитим деревню — спасем страну!»** Эти слова придумал он сам. «От кого же защитим?» — спросила я его, а он ответил: «Порой хотя бы от дурных постановлений и законов; хотя бы от некоторых руководителей, которые не способны руководить, у которых нет основ, заложенных в их гены матерью-природой, которые идут на ответственные и почетные должности ради наживы. Я — сторонник управляемой демократии. Демократии разумной, потому что она — не вседозволенность… Обстановка очень сложная. Мы должны в одной упряжке работать, как в период войны… Необходима такая национальная программа, чтобы она была (через порядок на селе) направлена на спасение Беларуси. Как в военное время было: «Родина-мать зовет!» Продукты питания необходимы всем — рабочему, колхознику, ученому, деятелю культуры, милиционеру и космонавту. Без нас, аграрников, и медицина бессильна. Умный врач, начиная лечить больного, вначале добивается у него здорового сна, хорошего аппетита, и только тогда по-настоящему помогают медикаменты… Я когда-то сам попросился на передовую. И до сих пор — на передовой».

В хозяйстве у Владимира Леонтьевича было 11 деревень, из сельскохозяйственной техники — 60 тракторов и 40 машин. На каждой машине работал, по его словам, «особый» человек. Интонацией подчеркивал он слово «особый», при этом чувствовалось, как высоко ценил председатель труд механизаторов: «Во время уборочной страды, — приводил он пример, — мы настраиваем свой механизаторский корпус на бой, на скоротечный трехнедельный бой, который надо выиграть для победы всего года. Если надо, организовываем экскурсию в Музей хлеба, чтобы еще раз напомнить о главной ценности. Там, за стеклом, хранится святой для нас кусочек ленинградского блокадного хлеба».

Владимир Леонтьевич был настоящим психологом и видел в каждом человеке личность. Приходилось ему наставлять на путь праведный и провинившихся работников. С теми, кто позволял себе работать спустя рукава, у него тоже был разговор «особый». Он пояснял: «В отношении с людьми я действую по схеме: **подход к человеку правильный, когда этот подход строго индивидуален.** Возьмем такую ситуацию. Петр Петрович, скажем, баламут, может пошуметь, покуражиться. Но я при этом знаю, что он отличный работник. При встрече, на людях, я ему говорю: «Петя, дружище, заходи, посоветоваться надо». А встречу намечаю, например, через недельку. Так все эти дни Петр работает за двоих! А о чем мы с ним потом потолкуем по-мужски, никто не узнает. И Петр это ценит, и дело — в выигрыше».

Однажды Владимир Леонтьевич рассказал, что видел в букваре, по которому учились его родители (это было еще в царское время), фотографию коровы. На всю жизнь запомнилась ему подпись: «Корова моя — кормилица моя». Такое же бережное (чуть ли не священное, как в Индии) отношение к этому животному было и у него. Может быть, поэтому труд доярок он так высоко ценил. Потому и установил в свое время в своем колхозе на ферме деревни Лумна (впервые в Беларуси!) прекрасное доильное оборудование шведской фирмы «Альфа Лаваль»… Кстати, утро этих женщин, доярок, начиналось с пяти часов.

По этому поводу у Бедули была шутка: «Наши доярки, когда идут на работу, говорят так: все нормальные люди в это время любовью занимаются, а тут вставай — и иди»… И в этой его шутке было столько доброты и понимания, столько того самого «строго индивидуального подхода», что невольно вспоминались счастливые глаза женщин, которые на вопрос, какой у вас председатель, ответили: «Как отец родной», а потом еще добавили: «И мы его очень любим…»

Но бывали случаи, когда некоторые люди злоупотребляли его добротой. Поэтому и сложилась у него поговорка: «Каждое утро встаешь — и не знаешь, кто тебя подведет, поэтому **доверяй, но проверяй»**.

Думая не только о земном, но и о возвышенном, Владимир Леонтьевич утверждал: «Каким бы трудным ни было экономическое положение, **самое страшное — это кризис морали, нравственности, духовности.** И если будет так, как сейчас, если мы будем продолжать воспитывать детей на тупых боевиках и глупых рекламах, то для того, чтобы исправить положение, потребуется смена целых поколений».

Очень волновала его проблема наркомании, алкоголизма, особенно среди подростков и женщин. Это социальное зло он считал «вторым Чернобылем». Страшно ему было видеть, как мать троих детей на несколько дней «выбывала» из семейной жизни, уходя в запой, или как после получки человек десять из коллектива отдавали себя во власть «зеленого змия». Он грустно говорил: «Сердце болит о таких людях, растрачивающих себя понапрасну. А ведь народное хозяйство не поднимешь, если не будет использован главный резерв — резерв человеческой личности, человеческой души… Но я исхожу из того, что в человеке преобладает доброе начало. **И нужно научиться в добром сжигать плохое.** Если кто-то не умеет этого делать, надо ему помочь, чтобы он потом сам помог себе, проходя такой рентген, такую исповедь, когда переосмысливаешь поступки, руководствуясь правилом: **никто никогда не наделает тебе столько беды, сколько ты сам себе наделаешь**... Конечно, полно и других примеров. Тому, кого надо бы поощрять и продвигать по службе, порой так наплюют в душу, что он потом всю жизнь не может прийти в себя. И наоборот, того, кого надо нещадно наказать, вдруг продвигают и поощряют. Это все зависит от дирижера трудового коллектива. Что касается меня, то я порой умышленно создаю некоторые конфликтные ситуации, провоцирую борьбу мнений, взглядов, чтобы внимательно проследить за другими и проверить себя. Хорошо сказал в свое время писатель Федор Абрамов: «Единодушие — хорошая вещь, но только на кладбище».

Владимир Леонтьевич часто упоминал и еще одно свое правило: **«Помоги человеку, когда ему это нужно.** Пока живу — надо успеть сделать больше добра. Нет большего счастья в жизни, чем помочь человеку, когда ему трудно или когда решается его судьба. Признаюсь, на помощь другим у меня уходит больше половины времени. И когда что-то удается — радостно на душе. Всем известна формула «красота спасет мир». А я это правило перефразировал: **доброта спасет мир**... Если ко мне идут люди, значит, я им нужен. А ведь это огромное **счастье — когда ты нужен людям».**

Построив прекрасный Дворец культуры со зрительным залом на 500 мест и «чудо-акустикой», Бедуля ввел традицию: приглашать в колхоз артистов лучших театров Беларуси и ближнего зарубежья. Раньше, до «рыночных отношений», в колхоз «Советская Белоруссия» в год приезжали 20—25 профессиональных коллективов и известных артистов Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов. Здесь три раза выступал знаменитый Хор имени Пятницкого, давали концерты Государственный академический хор под руководством Свешникова, Краснознаменный имени Александрова ансамбль песни и пляски Советской Армии, артисты Театра оперы и балета из Минска, Хор имени Веревки из Киева. А кто из председателей мог похвастаться, что в его колхозе выступали поэты Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко и трижды — Андрей Вознесен-

1989 год. Василий Старовойтов, Владимир Бедуля, Владимир Коваленок, Владимир Ралько.

ский? А Бедуля — мог. Кстати, знаменитая поэма Вознесенского «Летающий мужик» посвящена именно Бедуле… Было ему чем гордиться. В разное время в колхозе побывали диктор Юрий Левитан, космонавт Петр Климук, певцы Валентина Толкунова, Лев Лещенко, Юрий Богатиков, Валерий Леонтьев, всемирно известный музыкант Святослав Рихтер, композиторы Юрий Антонов, Игорь Лученок, Эдуард Ханок, многие белорусские писатели и артисты эстрады, а также десяток цирковых коллективов («жанр, понятный и бабушке, и внуку»). А летом 2001 года встречал Владимир Леонтьевич вместе с другими на брестской земле знаменитых гостей из «Поезда памяти»: Людмилу Зыкину, Тамару Гвердцители, Софию Ротару, Муслима Магомаева, Михаила Ульянова и давних своих друзей Александру Пахмутову и Николая Добронравова. Спросите сельчан, смогут ли они забыть проходивший в Каменце фестиваль «Белая вежа», где были представители 13 стран мира?! А трехдневный международный фестиваль «Песня-87», который собирал на огромной колхозной поляне красивейшего урочища «Малин» около 5000 зрителей, куда приехали многие жители района и области?! Вот за такое подвижничество и получил Владимир Леонтьевич Бедуля высокое звание заслуженного работника культуры Беларуси.

«Не хлебом единым жив человек, — вспоминая библейские слова, рассуждал он. — **Культура — та же нива, которая должна быть вспахана и удобрена для того, чтобы дать урожай».**

Еще один любопытный факт. Бедуля часто повторял: «Мне никогда не бывает скучно. Скука — признак умственной одичалости». Умудрялся он делать неповторимой и разнообразной свою жизнь: и в праздники, и в будни! Да и как ему было забыть те два «нескучных года», когда он, только что пришедший на должность председателя, не имел ни одного выходного, и те «нескучные события», когда его каменецкую землю посетили Патриарх всея Руси Алексий II, Владыка Филарет, Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко? И разве мог он назвать скучным день 8 декабря 1999 года, когда был подписан Союзный договор между Беларусью и Россией (тогда от более чем двух с половиной тысяч колхозов и совхозов Беларуси в Москву поехал именно Бедуля). А сколько было неповторимых заседаний в Москве, Минске и на уровне области, где он всегда выступал «поделовому, не пуская в ход эмоции»! А ведь у Бедули бывало и по-другому.

«Когда я вижу, что какое-нибудь заседание проходит скучно, формально, я вскипаю и выхожу на трибуну со словами: «Я хочу сказать! И никуда вы не денетесь. **Сегодня не скажешь — завтра будет поздно...»**

А уж на расширенных заседаниях правления колхоза, которые Бедуля проводил каждый понедельник «по правилу царского букваря: ум хорошо, а два-три лучше», и вовсе скучать не приходилось. «Нужно уметь спорить и доказывать с пеной у рта, но нужно в чем-то допускать и элементы сомнения, чтобы не по-твердолобому настаивать на своей правоте, — рассуждал он. — У каждого своя правда. Однако есть какие-то принципы, нормы, непреходящие ценности, передаваемые из поколения в поколение. Есть то, что мы называем железной логикой, в отличие от сопливой логики и логики абсурда».

Вход на такие заседания, по словам Бедули, был, «как в молитвенный дом — всегда свободный». Здесь бывали бригадиры, юристы, передовики производства, «а штрафники — тем более». Все это он называл демократией… Но когда заседание затягивалось и Бедуля видел, что люди начинали скучать, он разряжал обстановку веселым анекдотом. А уж рассказывать он умел!

Да, с ним люди не скучали… Слова его, как и поступки, всегда были неожиданны и оригинальны. Однажды на 70-летие народного артиста СССР Николая Еременко он преподнес весьма необычный подарок. Эту историю Бедуля поведал с улыбкой: «Как-то раз мой друг Николай Матуковский, незадолго до дня рождения Еременко сказал мне, что Николай Николаевич любит поросят. Я ответил: «А кто же их не любит? Когда есть поросенок на столе — это особый стол!» — «Нет, вы не поняли, — сказал Матуковский. — Он любит живых поросят. Ему нравится за ними ухаживать, выкармливать их». — «Это не проблема!» — ответил я. На этом разговор закончился… Приближался день рождения. Я скомандовал своим работникам найти красавца-поросенка, вымыть лучшим шампунем, украсить красным бантиком и посадить в хороший деревянный ящик. Так мы с ним и приехали в Минск… Когда я вручил «подарок» юбиляру, тот так обрадовался, что поцеловал его в пятачок!»

Бедуля «чудил» постоянно: он без этого не мог. «А как же иначе? — хитровато улыбался он. — Мне присвоили звание «заслуженный хулиган республики». Я же должен его оправдывать!»

Так с шутками-прибаутками да с веселыми анекдотами и шел он по жизни. И люди знали: где Бедуля — там без радости и смеха не обойдется.

Он гордился своим крестьянским происхождением и часто говорил: «Я — мужик и хочу им оставаться. За все свои годы никогда не пользовался ложечкой, обувая туфли, а беру их на размер больше — и пошел!»

У Бедули было еще одно «особое» правило: быть непредсказуемым. Он часто повторял: «Тот, кто меня не знает, порой хорошо обо мне думает...» Ни одно застолье, где он участвовал, не могло обойтись без анекдота — как обыкновенного, «цензурного», так и «крепкого», по-мужицки приправленного «соленым словцом».

«Я улыбаюсь 36 часов в сутки, потому что в иные моменты один час может сойти за три, — шутил «непредсказуемый» человек. И тут же «обрушивал» на слушателя очередной анекдот. Но на любой посиделке, которую он называл «собраться в условиях чаепития», Бедуля не забывал еще одно золотое правило: **главное — вовремя остановиться.**

В его рассказах не было суровой категоричности и отрицательных оценок, а всегда был добрый юмор и какое-то «вселенское» понимание жизни. «У нас много хороших людей, — рассуждал он. — И дрянные есть… Разные люди нужны. Все это украшает мир». О детстве он вспоминал с особым удовольствием: «Хорошо помню свое детство, в нем всегда много доброты. Я и сейчас не собираюсь расставаться с ним. Часто ощущаю себя ребенком, когда нахожусь с друзьями. Если обстановка простая, по-человечески честная, то можно где-то и «палку перегнуть», пошутить. Иногда хочется подурачиться, похулиганить. Это же кусочек детства…»

Себя трудно охарактеризовать, не каждому это удается. Бедулинская же самооценка была точна. Когда он приезжал в Россию, сразу напоминал друзьям: «Я, как и ваш Борис Ельцин, непредсказуем. Какой очередной коник выкину — никто не знает, даже я». Своим, белорусам, обрисовывал он себя «по схеме»: «Своеобразен, как растительный мир Австралии». О других, когда кто-нибудь решал посмеяться над собой прилюдно, говорит так: «Все великие странные. И вы — тоже».

Стрелки своих часов он никогда не переводил. Зачем? Потом, когда время «возвращали обратно», ему не приходилось их снова переводить. Объяснение было более чем убедительное: «Надо же в чем-то быть оригинальным!»

Как-то раз я спросила Владимира Леонтьевича, до какого возраста, по его мнению, можно работать руководителем. Он начал с примера: «Мандела в Африке стал президентом в 75 лет, а Дэн Сяопин ушел в отставку в 85! Я всегда повторяю, что стаж работы не является чем-то святым. Но подход к руководителю тоже должен быть строго индивидуальным. Надо учитывать, насколько он любит и знает свое дело, готов ли дальше с особым усердием и фанатизмом работать, и работать так, как будто это его последний день и надо больше успеть. И здесь не должно быть скидки на возраст… Что бы мы ни делали, всегда в выигрыше должны быть дело и люди, люди и дело».

На мой вопрос, чего, по его мнению, не хватает нам для полного счастья, он ответил так: «Сейчас стало не хватать доброты. Понятно, что идет ее извечная борьба со злом. И все еще недостаточно тех, кто видел бы особый смысл своей жизни в том, чтобы сеять «разумное, доброе, вечное», чтобы приостановить преступления, которые сейчас творятся… Ведь наступило время, когда нет заслона злу, когда все больше людей воспитывается в духе ненависти друг к другу, черной зависти. Человек стал забывать: как мало надо для полного счастья! А ведь действительно, как мало надо, чтобы он, шаг за шагом, учился познавать те ценности, без которых из него не получится настоящего человека. Среди этих ценностей — совесть, честь, готовность помочь любому, когда ему трудно… Меня всегда учили, что ложь и обман — это страшно, но полуправда, которая выдается за правду, — еще страшнее. А как ужасающа растущая в людях жажда наживы! Порой диву даешься: на что они идут и ради чего? Я вновь хочу прокричать: **человеку так мало нужно!** И у нас так много дел, которые мы должны непременно решить, и наилучшим образом, ради процветания нашей родной Беларуси и улучшения жизни ее людей. **Мы должны быть в ответе за то, чтобы доброта не исчезла**, чтобы она прибавлялась в нас, чтобы каждый человек сумел дойти до размышлений над самым трудным правилом: **хочешь переделать мир — переделай себя».**

В свое время Лев Толстой написал такую философскую притчу: *«Спросили у мудреца, какое время в жизни самое важное, какой человек самый важный и какое дело самое важное. И мудрец ответил: «Время самое важное настоящее, потому что в нем одном человек властен над собою. Человек самый важный тот, с кем в настоящую минуту ты имеешь дело, потому что никто не может сказать, будет ли он еще иметь дело с каким-либо другим человеком. Дело же самое важное то, чтобы быть в любви и добре с этим человеком, потому что только для этого послан человек в жизни».* С этими гениальными словами могу сравнить еще одно выражение. И принадлежит оно другому мудрецу, нашему современнику — Владимиру Леонтьевичу Бедуле: ***«Все бывает только однажды. Все неповторимо. Мы живем на свете один раз. И все страницы своей жизни пишем набело, без черновика. Поэтому переписывать — не приходится».***

Дай Бог вечной жизни вашей душе, дорогой Владимир Леонтьевич. Светлая память вам, светлейший человек!

Валентина ПОЛИКАНИНА

Фото Юрия ИВАНОВА.

Содержание журнала «Нёман» за 2017 год

ПОЭЗИЯ

Алесь БАДАК. **Камни**. *Стихи.* Перевод с белорусского Л. Шашковой. 11—64.

Михась БАШЛАКОВ. **Из оратории «Шлях».** *Стихи.* Перевод с белорусского А. Тявловского. 9—36.

Светлана БЫКОВА. **Путь к Любви и Свету.** *Стихи.* 11—101.

Федор ГУРИНОВИЧ. **Денек весенний.** *Стихи.* 4—72.

Надежда ДМИТРИЕВА. **Цветок заморский.** *Стихи.* 5—85.

Из поэтических тетрадей. Валерий ЗАХАРОВ, Евгений ШВАБ, Анатолий ШЕБЕКО, Максим ЖАРОВИН, Сергей КАНЫГИН, Олег НИКУЛИН, Юлия ЛАМБОЦКАЯ. *Стихи.* 1—72.

Анатоль ЗЭКОВ. **Письма к тебе.** *Стихи.* Перевод с белорусского автора. 10—72.

Казимир КАМЕЙША. **Моя Неманина.** *Стихи.* Перевод с белорусского М. Кулеша. 7—52.

Георгий КИСЕЛЕВ. **Желтеет над сопкой звезда.** *Стихи.* 3—42.

Елена КИСЕЛЬ. **Кошкины сны.** *Стихи.* 2—112.

Здесь лето длится сотни лет. Андрей КЛЮЧНИКОВ, Вероника МУСВИДАС, Анастасия КОРОТЧИКОВА, Екатерина СТРОЙЛОВА, Ольга МАЦКЕВИЧ, Афанасий БОТЯНОВСКИЙ, Валерия РАДУНЬ. *Стихи.* 7—73.

Алесь КОРЕНЕВСКИЙ. **Украл я вновь тебя у солнца.** *Стихи.* 12—82.

Изяслав КОТЛЯРОВ. **Нигдея.** *Отрывок из поэмы.* 8—59.

Михаил КУЛЕШ. **Листки календаря.** *Стихи.* 10—94.

Наталья КУЧМЕЛЬ. **И остается только вспоминать.** *Стихи.* Перевод с белорусского Ю. Матюшко. 3—64.

Владимир ЛИПСКИЙ. **Чем может стать один день...** *Стихи.* Перевод с белорусского Г. Авласенко. 8—51.

Александр ЛИСНЯК. **По делам нашим.** *Стихи.* 11—73.

Василь МАКАРЕВИЧ. **И помнится нам!** *Стихи.* Перевод с белорусского автора. 2—52.

Валерий МАКСИМОВИЧ. **Симфония вечной любви.** *Стихи.* 6—49.

Юрий МАТЮШКО. **Я снова болен тишиной.** *Стихи.* 2—63.

Микола МЕТЛИЦКИЙ. **Искринки негасимого огня.** *Стихи.* Перевод с белорусского Г. Киселева. 5—39.

Елена МИХАЛЕНКО. **Начало пути.** *Стихи.* 11—99.

Наталья МИХАЛЬЧУК. **Мы с тобою, словно звезды, тоже...** *Стихи.* 1—59.

Владимир МОЗГО. **Судьбы моей криница.** *Стихи.* Перевод с белорусского А. Аврутина. 3—24.

Татьяна МУШИНСКАЯ. **Вена пахнет кофе свежим...** *Стихи.* 6—75.

Михаил ПОЗДНЯКОВ. **Иной мне истины не надо.** *Стихи.* Перевод с белорусского А. Аврутина. 1—46.

Елизавета ПОЛЕЕС. **Быть женщиной.** *Стихи.* 5—46.

Александр РАДАШКЕВИЧ. **Летние вещи.** *Стихи.* 7—65.

Людмила РУБЛЕВСКАЯ. **И последнего сна Атлантиды никто не откроет.** *Стихи.* Перевод с белорусского Г. Авласенко. 4—54.

Александр РЫЖОВ. **А позже понял я, что все не так.** *Стихи.* 9—72.

Валентин СЕМЕНЯКА. **Теперь моя молитва о тебе.** *Стихи.* 8—81.

Андрей СКОРИНКИН. **В родном краю, как на чужбине.** *Стихи.* 12—66.

Александр ЧУБАРОВ. **И незримы Божии пути.** *Стихи.* 5—72.

Микола ШАБОВИЧ. **Сладостный хмель.** *Стихи.* Перевод с белорусского Т. Лейко, В. Поликаниной. 6—24.

Софья ШАХ. **Нет, судьба не даст в обиду.** *Стихи.* Перевод с белорусского И. Котлярова. 12—53.

Людмила ШЕВЧЕНКО. **Цветы герани.** *Стихи.* 11—97.

Если бы я не любила тебя. Люба ШТОРМ, Полина ПИТКЕВИЧ, Татьяна КУПРИЯНЕЦ. *Стихи.* 4—85.

Владимир ШУГЛЯ. **Вечный жизни зов.** *Стихи.* 9—53.

Соприкосновение

Григорий ТРЕСТМАН. **Место рождения — Слово.** *Стихи.* 8—83.

ПРОЗА

Ляман БАГИРОВА. **Рассказы.** 12—70.

Лиза БИРГ. **Кукольница.** *Рассказ.* 5—43.

Тамара БУНТО. **Рассказы.** Перевод с белорусского автора. 11—68.

Александр ВОЛКОВИЧ. **Споровская волчица.** *Повесть.* 6—3.

Адам ГЛОБУС. **Самая трудная работа в мире.** *Рассказы.* Перевод с белорусского Н. Казаполянской. 9—41.

Раиса ДЕЙКУН. **Кланяюсь тебе, картошка!** *Рассказы.* Перевод с белорусского автора. 10—78.

Олег ЖДАН-ПУШКИН. **Приключения человека, похожего на еврея.** *Повесть.* 1—3.

Олег ЖДАН-ПУШКИН. **С гордостью и печалью.** *Очерк.* 5—76.

Георгий ЗАХАРОВ. **Будни уголовного розыска.** *Документальная повесть.* 2—68.

Сергей ЗЕНЬКОВ, Иван ШТЕЙНЕР. **Юшка из буквиц печатных…** *Вольная пьеса.* 9—3.

Максим ИВАНОВ. **Соната августа.** *Повесть.* 3—46.

Екатерина КАРПОВИЧ. **Марсель.** *Рассказ.* 5—51.

Валерьян КИСЛИК. **Призрак виллы Медичи.** *Рассказ.* 7—57.

Сергей КЛИМКОВИЧ. **Раскладушка.** *Рассказ.* 2—57.

Елена КОШКИНА. **Давно вас тут не было.** *Рассказы.* 3—29.

Татьяна ЛАШУК. **Экзамен.** *Повесть.* 3—3.

Михаил ЛУЧИЦКИЙ. **«Решайте сами...»** *Непридуманная история.* 1—51.

Георгий МАРЧУК. **Время и место.** *Дневниковые записи разных лет.* 8—64; 9—56.

Александр НОВИКОВ. **«Я вернусь в этот мир…».** *Биографическая повесть.* 6—53.

Владимир ОРЛОВ. **В тени алых парусов.** *Документальный рассказ.* 4—76.

Владимир ОРЛОВ. **Закадровые истории.** *Из записных книжек кинорежиссера.* 12—58.

Юрий ПЕЛЮШОНОК. **Жнецы.** *Повесть.* 2—3.

Елена ПОДКАТИК. **Мама Мария.** *Рассказ.* 4—57.

Станислав ПОДЛИПСКИЙ. **Как стать великим художником.** *Рассказ.* 6—29.

Валерия ПОЗДЕЕВА. **Он так хочет услышать шаги.** *Рассказ.* 8—55.

Елена ПОПОВА. **Егоша и маленькие, маленькие бабочки...** *Роман-сказка.* 4—3.

Людмила РУБЛЕВСКАЯ. **Авантюры студиозуса Вырвича.** *Роман приключенческий и фантасмагорический.* Перевод с белорусского П. Ляховича. 10—3; 11—3; 12—3.

Михаил СМИРНОВ. **Язык.** *Рассказ.* 7—69.

Сергей ТЕЛЕВНОЙ. **Я — не заморыш!** *Повесть.* 7—3; 8—3.

Василь ТКАЧЕВ. **Проводы.** *Рассказ.* Перевод с белорусского автора. 1—62.

Микола ЧЕРНЯВСКИЙ. **«И весною взойду...»** *Повесть о друге.* Перевод с белорусского Н. Чайки. 5—3.

Ирина ШАТЫРЕНОК. **Дом и двор.** *Отрывок из повести.* 11—78.

КОНКУРС «РОДНОЙ ДОМ»

Кямран НАЗИРЛИ. **Счастливые птицы.** *Рассказ.* Римма АРТЕМЬЕВА. **«Есть прекрасная Родина…».** *Стихи.* Вячеслав ЛОБАНОВ. **Чердак забытых вещей.** *Миниатюры.* Вступительное слово А. Матвиенко. 3—66.

НАСЛЕДИЕ

Юлия АЛЕЙЧЕНКО. **Фольклорно-мифологические истоки лирики Янки Купалы.** 7—79.

Янка КУПАЛА. **Могила льва.** *Поэма.* Перевод с белорусского Е. Полеес. 7—83.

Светлана КАЛЮТА. **«Сколько бы я мог сделать полезного…»** 4—89.

Борис МИКУЛИЧ. **Ищу и не найду.** *Стихи.* 4—100.

Микола ТРУС. **Официальное чествование Адама и Максима Богдановичей в 1923 году.** 5—86.

Из Минска в Ярославль: письма Адама Богдановича к сыну Павлу. Подготовка текста и комментарии М. Труса. 5—88.

Максим БОГДАНОВИЧ. **Так сияй же, звезда негасимая!** *Стихи.* Перевод с белорусского А. Циркунова. 5—90.

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» В «НЁМАНЕ»

Найя Марие АИДТ. **Рассказы.** Предисловие и перевод с датского Ю. Белавиной. 11—103.

Джо АЛЕКС. **Смерть промолвит вместо меня.** *Роман.* Перевод с польского Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни. 7—96; 8—92; 9—75.

Золтан АМБРУШ. **Три рассказа.** Перевод с венгерского В. Стасюка. 10—98.

Десмонд БЭГЛИ. **Бегущие наобум.** *Роман.* Предисловие и перевод с польского В. Кукуни. 3—75; 4—105; 5—96.

Герман ГЕССЕ. **Утомляет неизменное.** *Стихи.* Перевод с немецкого А. Рыжова. 2—137.

Янь ГЭЛИН. **Тетушка Тацуру.** *Главы из романа.* Перевод с китайского А. Перловой. 1—77.

Джон Диксон КАРР. **Два рассказа.** Перевод с английского В. Чудова. 6—78.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. **Пантеон женских сердец. Джейн Остин.** 1—124.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. **Пантеон женских сердец. Вирджиния Вулф.** 2—139.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. **Пантеон женских сердец. Дафна дю Морье.** 5—144.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. **Пантеон женских сердец. Барбара Пим.** 6—100.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. **Переводчики, которым хочется сказать «спасибо». Виктор Топоров.** 9—107.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. **Переводчики, которым хочется сказать «спасибо». Ален-Рене Лесаж.** 11—122.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. **Переводчики, которым хочется сказать «спасибо». Вильгельм Левик.** 12—108.

Уша ПРИЯМВАДА. **Возвращение.** *Рассказ.* Перевод с хинди А. Маковской. 2—114.

Ирма РАТИАНИ. **Современная грузинская литература в международном литературном контексте.** Перевод с грузинского И. Модебадзе. 9—95.

Три времени французской поэзии. Пьер де РОНСАР, Виктор ГЮГО, Гийом АПОЛЛИНЕР. *Стихи.* Комментарий и перевод с французского Е. Чижевской. 1—121.

На покрывалах столицы спит Индия. Нареш Кумар УДАС, Лари АЗАД, Лина Малхотра РАО, Премчанд ГАНДИ. *Индийская поэзия.* Перевод с хинди А. Маковской. 2—128.

Марьян ЧАПСКИЙ. **Всемирная история лошади.** *Главы из книги.* Предисловие и перевод с польского С. Ищенко. 12—84.

Елена ЧИЖЕВСКАЯ. **Ошибка резидента Брауна.** 7—137.

ЯШПАЛ. **Два рассказа.** Перевод с хинди А. Маковской. 2—121.

Творческая лаборатория

Ольга ЛИДЕНКОВА. **Особенности рецепции современной исторической прозы Великобритании и Беларуси**. 6—110.

Игорь НАЙДЕНКОВ. **Nota bene.** 3—141.

Ирина ХОРСУН. **Кому писал Шекспир сонеты?** 3—135.

Институт литературы и искусства имени М. О. Ауэзова

Министерства образования и науки Республики Казахстан

Светлана АНАНЬЕВА. **Национальное своеобразие в мировом контексте.** Уалихан КАЛИЖАНОВ. **Путь к Ауэзову.** Диар КУНАЕВ. **Творческая лаборатория М. О. Ауэзова.** Гулжахан ОРДА. **Художественная литература — средство разностороннего познания человека.** Серик ТАХАН. **Русские литературные традиции в очерках А. Букейханова.** Серикказы КОРАБАЙ. **Памяти героя Саши-казаха — Адий Шарипова.** Альмира КАЛИЕВА. **Казахская национальная драматургия на рубеже веков.** Кадиша НУРГАЛИ. **Новая реальность художественного текста.** Алимжан ТИЛИВАЛДИ-ХАМРАЕВ. **Суфийские мотивы в поэзии Ташполата Наматова (Икрамий).** Айнур МАШАКОВА. **Современная шотландская драматургия.** Айнур КАЛИАСКАРОВА. **Иран и Казахстан: современное литературное сотрудничество.** Светлана АНАНЬЕВА. **Литературная современность и проблемы психологизма.** 10—114.

ЭПОХА

Оксана КОТОВИЧ. **Обрядовая практика обрекания в пространстве сакральной географии Беларуси.** 9—120.

Татьяна ШАМЯКИНА. **Истоки символизма: животные.** 7—152.

ДОКУМЕНТЫ. ЗАПИСКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

К 100-летию Пимена Панченко

Владимир ГНИЛОМЕДОВ, Николай МИКУЛИЧ. **«Болем працяты ўсе мае строфы...»** Перевод с белорусского Н. Казаполянской. 8—163.

Эмануил ИОФФЕ. **Его называют вторым Эйнштейном.** 6—122.

Геннадий КОЖЕМЯКИН. **Переписка Владимира Короткевича с Юрием Гальпериным.** 11—152.

К 135-летию Якуба Коласа

Зинаида КОМАРОВСКАЯ. **Якуб Колас и Алексей Новиков-Прибой: история дружбы.** 11—147.

Алесь МАРТИНОВИЧ. **Выбор.** 10—166.

Владимир ПАВЛОВ. **Вдали от родной земли.** 3—159.

Пишу Вам это письмо… *Из переписки Ивана Шамякина.* Вступительное слово, подготовка текстов и комментарий О. Шамякиной. 9—134.

Микола ТРУС. **Народоволец, подвижник науки Адам Богданович.** 12—119.

ВРЕМЯ. ЖИЗНЬ. ЛИТЕРАТУРА

Людмила КАРПОВА. **Сердолик — сердца лик.** 2—152.

Валерьян КИСЛИК. **О красноармейце Науме Кислике, его друзьях и не только…** 1—163.

Владимир МОЗГО. **Мой зеленый городок.** *Зельва и зельвенцы.* 12—129.

Юрий САПОЖКОВ. **Семьдесят семь.** Предисловие и подготовка к печати З. Красневской. 3—145.

К 100-летию Янки Брыля

Любовь ТУРБИНА. **Творчество Янки Брыля в контексте мировой литературы.** 8—150.

Зинаида ЯКОВЛЕВА. **Трудно быть гением…** 11—136.

Личность

Анатолий РЕЗАНОВИЧ. **Из настоящего — в будущее.** 6—131.

Вне времени

Елена ГОВОР. **Белорусские анзаки.** 4—152; 5—156.

Татьяна КОБРЖИЦКАЯ, Элла ДЮКОВА. **Славянский мир Кондратия Рылеева.** 2—163.

К 500-летию белорусского книгопечатания

Илья ЛЕМЕШКИН. **Франциск Скорина и Прага 1541 г.** 8—128.

К 500-летию восточнославянского книгопечатания

Вячеслав РАГОЙША. **Стихотворчество поэта Франциска Скорины.** *Литературоведческое исследование.* 9—151.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Искусство суждения

Марина АММОН. **Он придет в полночь...** 4—168.

Анатолий АНДРЕЕВ. **Оправдание перед историей, или На круги своя.** 5—174.

Александр БЕРЁЗКО. **Итоговая исповедь в литературе: история и современность.** 11—157.

Ирина БОЖОК. **Эссе: (не)свободный жанр.** 7—164.

Алесь МАРТИНОВИЧ. **Как в самой жизни.** 3—179.

Инесса МОРОЗОВА. **Этика нелюбви, или Психология деструктивного своеволия.** 9—171.

Ольга НИКОЛЬСКАЯ. **Ради людей...** 1—173.

Татьяна ФИЦНЕР. **Репрезентация гендерных стереотипов в современной белорусской прозе.** 12—154.

Иван ШТЕЙНЕР. **Откуда же тогда мудрость приходить.** 6—151.

С точки зрения рецензента

Валерий АЛЕШКО. **Нас возвышающая память.** 7—175.

Татьяна АЛЕШКА. **За пределами стихотворения.** 9—177.

Виктор АРТЕМЬЕВ. **Светлой песней строка льется.** 1—185.

Татьяна БУДОВИЧ-БОРОДУЛЯ. **«…Дзе ты хадзіла і жыла!»** 5—187.

Татьяна БУДОВИЧ-БОРОДУЛЯ. **Свет далеких звезд.** 9—183.

Денис ВОЛЧИК. **Чаще смеешься — дольше живешь.** 9—180.

Валерий ГРИШКОВЕЦ. **Ощущение чуда: стихографика.** 4—187.

Александр ГУЖАЛОВСКИЙ. **Вверх по лестнице, ведущей вниз.** 4—184.

Эмануил ИОФФЕ. **Это издание могло бы стать уникальным.** 12—163.

Михаил КЕНЬКО. **Новые возможности текстологии.** 2—169.

Артем КОВАЛЬСКИЙ. **Дни весны родниковой.** 11—181.

Ираида КРОТЕНКО. **Научный диалог в гуманитарной сфере.** 2—173.

Кирилл ЛАДУТЬКО. **Стратегия доверия.** 2—179.

Кирилл ЛАДУТЬКО. **Символ поколения.** 3—189.

Тимофей ЛИОКУМОВИЧ. **Автографы — живая память.** 6—171.

Алесь МАРТИНОВИЧ. **Трилогия о Франциске Скорине.** 4—178.

Алесь МАРТИНОВИЧ. **Древнее как новое.** 6—163.

Инесса МОРОЗОВА. **Вечный поиск любви.** 1—181.

Инесса МОРОЗОВА. **Книга-признание.** 3—185.

Инесса МОРОЗОВА. **Проза жизни.** 5—182.

Ольга НИКОЛЬСКАЯ. **Энциклопедия для всей семьи.** 6—166.

Зиновий ПРИГОДИЧ. **Что нужно для счастья?** 4—181.

Владимир САЛАМАХА. **Главный талант Елены Тулушевой.** 1—178.

Наталья СОВЕТНАЯ. **Колодец.** 12—159.

Елена СТЕЛЬМАХ. **Обостренное чувство Родины.** 10—190.

Тарас ЧЕРНИК. **Здесь полоцкий дух.** 8—184.

Наталья ЯКОВЕНКО. **Белорусское Зазеркалье.** 11—176.

КУЛЬТУРНЫЙ МИР

Ирина ЛЕОНОВА. **Жизнь по вертикали.** 1—137.

Зоя ЛЫСЕНКО. **Балетное лето под сенью сонетов.** 8—116.

Романтическая легенда нашей истории. Предисловие, перевод писем, комментарии Е. Чижевской, С. Немогай. 6—136.

Зоя ЛЫСЕНКО. **Ретро-шарм, или Забытые страницы классики.** 12—139.

НАПОСЛЕДОК

Литературное содружество

Светлана АНАНЬЕВА, Сергей ШИЧКО. **Россия и Беларусь: наследие Джамбула.** 2—188.

Что такое полная гармония?.. *Интервью с Владимиром Липским.* Беседовал К. Ладутько. 5—189.

Память

Валентина ПОЛИКАНИНА. **«Все страницы жизни мы пишем набело…».** 12—178.

Имена

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ. **Институт Мальдиса.** Перевод с белорусского О. Пушкина. 4—189.

Михаил СТРЕЛЕЦ. **Мастер археологических исследований.** 6—187.

Личность

Анатолий РЕЗАНОВИЧ. **В пути.** 8—187.

Литературное содружество

Микола БЕРЛЕЖ. **«Стихи с акцентом».** 11—190.

Чеченская литература сегодня. *Интервью с Адамом Ахматукаевым.* Беседовал А. Карлюкевич. 2—183.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ. **Белорусский остров Михаила Хонинова.** 9—189.

Кирилл ЛАДУТЬКО. **«Вуайинанше» стремится разорвать языковые барьеры.** *Интервью с Пэн Дунлинем.* 7—182.

Уроки поэтической дружбы. *Интервью с Л. Ананич.* Беседовал К. Ладутько. 6—173.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ. **Поколение друзей: туркменские встречи.** 7—186.

Коллекция

Валерий ГРИШКОВЕЦ. **Опереться на книжную полку.** 6—178.

Книгосфера

Художественная литература — поиск выживания. *Интервью с Алесем Бадаком.* Беседовал К. Ладутько. 11—186.

Жизнь в искусстве

Юлия АНДРЕЕВА. **«Я верю в то, что делаю».** *Интервью с Ростиславом Кримером.* 12—170.

Из почты журнала

Виктор КУДЛАЧЕВ. **Вдохновения луч.** 1—186.

Составила Н. ПАРХИМОВИЧ.

РУБЛЕВСКАЯ Людмила Ивановна. Родилась в 1965 г. в Минске. Окончила Минский архитектурно-строительный техникум, филологический факультет Белорусского государственного университета, училась в Литературном институте им. М. Горького. Поэт, прозаик, журналист, литературный критик. Автор более 20 книг поэзии и прозы. Лауреат Национальной литературной премии, конкурса драматургии «Купалавы далягляды», премии «Залаты апостраф» журнала «Дзеяслоў» и премии Франтишека Богушевича. Живет в Минске.

ШАХ Софья Николаевна. Родилась в 1947 г. в д. Лесец Калинковичского района Гомельской области. Окончила Мозырский педагогический институт им. Н. К. Крупской, Минский педагогический институт им. М. Горького. Автор многих книг поэзии. Живет в Светлогорске.

ОРЛОВ Владимир Александрович. Родился в 1938 г. в Баку (Азербайджан). Окончил Белорусский государственный театрально-художественный институт. Кинорежиссер, писатель. Автор книг «Магия белого экрана», «Их портрет с обреченным императором», «Пересечения в пространстве и времени», «Ускользающие сюжеты» и др. Живет в Минске.

СКОРИНКИН Андрей Владимирович. Родился в 1962 г. в Минске. Окончил Белорусский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького (Москва). Автор множества поэтических книг и музыкальных альбомов. Член-корреспондент Международной Кирилло-Мефодиевской Академии славянского просвещения. Живет в Минске.

БАГИРОВА Ляман Сархадовна. Родилась в 1969 г. в Баку (Азербайджан). Окончила Азербайджанский педагогический институт русского языка и литературы. Автор четырех сборников рассказов. Лауреат различных международных литературных конкурсов. Живет в Баку.

КОРЕНЕВСКИЙ Алесь (Александр Владимирович). Родился в 1960 г. в Минске. Окончил Минское художественное училище им. А. К. Глебова. Автор двуязычного поэтического альбома «Минские волны — Мінскія хвалі». Живет в Минске.

ЧАПСКИЙ Марьян. Родился в 1816 г. в д. Лахва Пинского уезда (теперь — Лунинецкий район). Получил степень кандидата права в Харьковском университете. Автор двухтомника «Пчеловод польский, или Практический путеводитель в пасечных занятиях… изложенный доступно для понимания братии из народа» (под псевдонимом Юзеф Знамировский) и трехтомного исследования «Всемирная история лошади». Умер в 1875 году.